

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Материалы школы-конференции
аспирантов и молодых ученых**

Москва, 26 июня 2013 г.
Отдел аспирантуры ИВ РАН

Москва
ИВ РАН
2014

ББК 63.3(5)
И907

Ответственный редактор
к.и.н. И.Х. Миняжетдинов

Руководитель проекта и редактор-составитель
к.и.н. М.А. Пахомова

Рецензенты:
д.и.н., проф. А.М. Хазанов, д.и.н. Е.Ю. Ванина

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. Тюрин В.А., д.и.н. Захаров А.О.,
к.и.н. Кузнецов В.А., к.и.н. Панарин С.А.,
к.филол.н., Костыркин А.В., к.и.н. Пахомова М.А.

История востоковедения: традиции и современность : (Материалы школы-конференции аспирантов и молодых ученых) / отв. ред. И.Х. Миняжетдинов, рук. проекта и ред.-сост. М.А. Пахомова / Отдел аспирантуры ИВ РАН. – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2014. – 244 с.

ISBN 978-5-89282-611-2

Сборник составляют статьи ученых и аспирантов Института востоковедения РАН и других институтов. Он представляет собой результат первого года работы научно-образовательного проекта «История востоковедения: традиции и современность». В основу статей легли доклады, сделанные на одноименной конференции, прошедшей в ИВ РАН 26 июня 2013 г.

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-89282-611-2

СОДЕРЖАНИЕ

О ТОМ, ЧТО НАС ОБЪЕДИНЯЕТ... (ОТ СОСТАВИТЕЛЯ).....	5
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7

I. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Шиманская А.А. История развития отечественной тибетологии как области востоковедного знания	14
Тишин В.В. Этногенез древних тюрков VI–VIII вв. и социальная история Тюркского каганата в работах А.Н. Бернштама	27
Бородай С.Ю. Индоевропейская прародина: историография проблемы	41
Эшба Э.Д. Кавказ в российско-турецких отношениях в XIX–XXI вв.: история изучения вопроса в России и за рубежом	52
Захарова А.А. История изучения сифианского гностицизма после открытия библиотеки Наг Хаммади	63
Трунова А.С. Изучение китайского классического романа «Сон в Красном тереме» в Китае и в России (XVIII–XX вв.)	86
Шарафетдинова А.И. Ранний период американо-корейских отношений (60–70-е гг. XIX в.) в освещении отечественными востоковедами	96
Асланова С.Н. Отечественная историография Македонского вопроса (конец XIX – начало XXI в.)	107
Зиганьшин Р.М. О некоторых этапах изучения военной мысли древнего Китая в России	122

II. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ПОДХОДЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Зелёный В.В. Генезис и эволюция правовой базы борьбы с терроризмом в Израиле	138
Хлебникова Л.Р. Американо-израильское взаимодействие на Ближнем и Среднем Востоке (2001–2012 гг.): американская историография	152
Батюченко А.А. «Арабская весна» в работах отечественных и зарубежных специалистов по Ближнему Востоку (2012–2013 гг.)..	170
Пахомова М.А. Трансформация политики КНР на Арабском Востоке (1949-2012) в работах зарубежных политологов	188
Спиридонова Т.В. К вопросу об истории изучения проблемы экономической интеграции Турции и ЕС в российской научной литературе	199

III. МЕТОДОЛОГИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Корнеева Т.Г. Проблемы методологии востоковедения и интерпретация смысла иноязычного текста	205
--	-----

IV. ВОСТОКОВЕДЫ И ИХ ТРУДЫ

Хазиме С.М. Письма А.Е. Крымского из Ливана 1896–1898 гг. (по «Письмам из Ливана» А.Е. Крымского)	217
--	-----

V. ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Терентьева В.К. Табу как источник языковых изменений (на примере древнеяпонского языка)	225
--	-----

ОБ АВТОРАХ	238
-------------------------	-----

О ТОМ, ЧТО НАС ОБЪЕДИНЯЕТ...

(От составителя)

Дорогой читатель, прежде чем Вы откроете первую статью этого сборника, позвольте рассказать об идее его создания.

В жизни каждого востоковеда рано или поздно происходит осознание того, что его работа является продолжением упорного труда многих поколений людей: паломников, путешественников, купцов, дипломатов, миссионеров, военных востоковедов и, наконец, учёных.

Для некоторых это происходит в самом начале научного пути, когда решение о выборе профессии приходит благодаря прочтению захватывающих книг о Востоке, например путевых заметок или переводов восточной классики. Другие решают связать свою жизнь с востоковедением, проникаясь уважением и признательностью наблюдая за талантливой работой своих учителей. Третьи принимают решение, побывав на Востоке, четвёртые практически осознают важность Востока для России и в общем процессе мирового развития из чего очевидна не иссякающая актуальность востоковедных исследований...

Востоковедение всегда занимало особое место в российской науке. Вне зависимости от пути, которым начинающий учёный приходит в востоковедение, первое исследование уже является результатом работы поколений учёных. Но что нас связывает помимо преемственности идей, методологических концепций и научных школ?

Мы испытываем те же чувства что и наши предшественники, и возможно, Вы, уважаемый читатель, утверждая, что востоковедение занимает особое место в наших жизнях и сердцах...

Эта книга, подготовленная коллективом молодых авторов – аспирантов Института востоковедения и их гостей, представляет собой результат первого года работы учебно-научного проекта «История востоковедения: традиции и современность».

Идея создания нашего мероприятия появилась пять лет назад, но начать воплощать её в жизнь удалось лишь в прошлом году благодаря аспирантуре Института востоковедения РАН. Авторский коллектив надеется, что сборник, который Вы держите в руках, от-

вечает цели курса «История отечественного востоковедения» – не просто создать общие представления об основных этапах развития востоковедения в России и вкладе ряда выдающихся востоковедов, а пробудить интерес к проведению самостоятельных исследований в этой области. Например, многие из нас сталкиваются в процессе своей профессиональной деятельности с фактами из истории востоковедения, но, к сожалению, не находят в себе силы и желания рассказать о них.

С другой стороны, хочется верить, что воплощение в жизнь этого проекта не только послужит цели сохранения бесценной памяти о многих поколениях российских учёных востоковедов и их трудах, но и внесёт вклад в становление молодых востоковедов благодаря многочисленным примерам бескорыстного служения научному знанию и осознанию главного морального долга учёного: объективности при изложении материала.

Создатели проекта «История востоковедения: традиции и современность» глубоко уверены, что важнейшей частью диалога культур и народов является взаимное уважение. Уважение может быть основано лишь на знании, а получение объективного знания не возможно без уважения к предмету исследования и бережного отношения к истории его изучения.

С уважением,
М. А. Пахомова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

I

Вот уже несколько лет у меня есть счастливая возможность участвовать в процессе подготовки молодых востоковедов: аспирантов, докторантов, соискателей. Отрадно видеть, как, несмотря на кризисные явления в российской науке и образовании, появляется новое поколение профессиональных востоковедов, которые своими новаторскими работами продолжают дело великих предшественников и вносят значительный вклад в развитие современной отечественной ориенталистики. По своему опыту работы с аспирантами могу с уверенностью сказать, что именно процесс подготовки молодых научных кадров всесторонне и полно демонстрирует преемственность поколений и неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего востоковедной науки. Это двоякий процесс, где, с одной стороны, молодежь осваивает историю, методологию и предмет науки, учась у мастеров, а с другой – уже на базе полученных знаний, умений и навыков, производит новые знания. Так на стыке поколений творится история ориенталистики, соединяются традиции и современные научные ценности.

Совершенно очевидно, что несмотря на то, что профессиональное становление востоковеда – это весьма сложный и противоречивый процесс, главную роль в нём, несомненно, играет само научное сообщество. Именно оно объединяет представителей разных поколений востоковедов, представляя собой целостный организм, который воспроизводит себя через систему внутринаучного общения и образования. Иначе говоря, научное сообщество, несущее ответственность за сохранение и развитие кадрового потенциала науки, может быть жизнеспособным только в условиях обеспечения непрерывного контакта молодых ученых, определяющих в силу своего возраста и творческих потенциалов будущее науки, со старшими поколениями ученых, носителей научного опыта и традиции. Так, одним из системообразующих элементов современной российской модели подготовки научных кадров посредством взаимодействия со старшим поколением ученых всегда являлся институт аспирантуры.

Известно, что важной характеристикой процесса подготовки является активная научно-исследовательская деятельность, связан-

ная с разработкой определенных научных проблем. На этом направлении глубокое знание истории изучения научной проблемы – непереносимое условие успешного проведения исследования. Поскольку суть любой научной проблемы – это единство двух элементов: знания о незнании и предположения о возможности открытия нового знания, любое исследование начинается с постановки задачи: что неизвестно? Чтобы понять это, молодому востоковеду необходимо проделать немалую работу: изучить историю развития конкретной научной проблемы, определить степень её изученности; проанализировать подходы и позиции научных школ и течений в решении изучаемой проблемы; освоить историю, основные направления и методологию востоковедных исследований в рамках соответствующей отрасли науки. Другими словами, начинающему ученому прежде всего нужно основательно ознакомиться с большим интеллектуальным наследием той или иной научной школы (направления), без осмысления и понимания которого невозможно проведение полноценного научного исследования.

Очевидно, что эффективное освоение научного наследия молодыми учеными, в свою очередь, является составной частью процесса развития отечественной ориенталистики, которой пришлось пройти большой и трудный путь, прежде чем она стала важнейшей сферой гуманитарного знания и подарила миру признанные научные школы и достижения мирового уровня. Уникальность, специфика и научная значимость этого наследия обусловили крайнюю необходимость всестороннего изучения истории возникновения, становления и развития науки о Востоке. Ведь востоковедение возникло и успешно развивалось, прежде всего, в процессе активного взаимодействия с предметом своего изучения – миром Востока. Миром, наполненным совершенно другими смыслами и звуками, управляемым странными и порой непонятными законами, правилами и обычаями, населенным множеством загадочных народов и племен, говорящих и пишущих на далеких от нас языках. Именно это в определенном смысле таинство познания, т.е. удивительный процесс интеллектуального взаимодействия с другой реальностью, став своего рода перпетуум-мобиле ориенталистики, способствовал тому, что она сама постепенно превратилась в огромный мир знаний (со своими законами, правилами и историей), изучение и сохранение которого – одна из важнейших потребностей современно-

го поколения востоковедов! Ибо бесценность накопленных научных знаний о Востоке понимают и осознают прежде всего сами востоковеды.

Поэтому не случайно, что история востоковедения как научная дисциплина в последние годы переживает этап активного развития. Количество трудов, посвященных изучению развития ориенталистики, подвижнической жизни её лучших представителей, продолжает увеличиваться из года в год. Историю этой отрасли знания преподают в востоковедных вузах и глубоко изучают в научно-исследовательских институтах страны. И надо отметить, что это очень радостная и обнадеживающая тенденция нашего времени, закономерным отражением которой являются и представленные в настоящем сборнике работы аспирантов и молодых ученых.

II

Тема, заявленная в названии сборника статей, безусловно, является актуальной и важной. Во-первых, потому что она отражает состояние научного дискурса, объектом которого выступает современная проблематика исследования истории востоковедения. А во-вторых, потому что её изучение вносит существенный вклад в развитие истории востоковедения как самостоятельной научной дисциплины. Хочется сразу отметить, что авторы статей – аспиранты-востоковеды и молодые ученые – используют в своих работах актуальный и интереснейший фактический материал, демонстрируя, прежде всего, умение грамотно и целенаправленно применять современную методологию востоковедных исследований. Практически за каждой статьей стоит глубокий и неформальный исследовательский интерес молодого ученого, отражающий его научные приоритеты и пристрастия. Приятно поражает не только высокое качество работ, но и широкий спектр оригинальных точек зрения и авторских подходов к исследуемой проблематике. В результате получилась комплексная картина современного научного дискурса, развернувшегося вокруг актуальных вопросов истории и методологии различных научных направлений и школ как отечественной, так и зарубежной ориенталистики.

По сути, это одно из немногих современных изданий Института востоковедения РАН, в которых представлен калейдоскоп направлений научно-исследовательской практики наших коллег –

аспирантов и молодых ученых. Материалы сборника можно смело рекомендовать к прочтению не только состоявшимся профессионалам, чей круг научных интересов уже давно сформировался, но и будущим ученым – студентам, магистрантам, аспирантам, которые только начинают свой путь в востоковедении и нуждаются в расширении и углублении профессиональных компетенций, навыков и умений.

Очевиден большой научный и практический интерес, который стимулирует исследовательскую активность молодых ориенталистов в самых разных областях гуманитарного знания. Среди статей можно выделить несколько крупных проблемных блоков. Первый блок – собственно история научных школ и направлений российского и мирового востоковедения. Второй блок – философский и методологический ракурсы востоковедных исследований. Третий – литературоведческий и лингвистический анализ текстов, выполненный на материале китайского и древнеяпонского языков. Четвертый – современные проблемы международных отношений, внешней и мировой политики в зеркале концепций и подходов отечественных и зарубежных востоковедов. Замечательный горизонт!

III

Говоря о сборнике, нельзя не рассказать и о научно-образовательном проекте, в рамках которого он был создан и неотъемлемым компонентом которого является. Речь идет об одноименном пилотном научно-образовательном проекте Отдела аспирантуры Института востоковедения РАН. Проект стартовал в 2012–2013 учебном году, явившись своего рода ответом на вызовы времени, главнейшим из которых стала реформа российского высшего образования, нацеленная на переход к Болонской образовательной системе. Дело в том, что новая реальность определила современные требования как к результатам подготовки научно-педагогических кадров, так и к самому образовательному процессу в российской аспирантуре, получившей статус высшего образования третьего уровня. Одна из характерных особенностей внедряемой образовательной модели заключается в том, что объем учебной нагрузки в аспирантуре значительно увеличился, существенно сократив время на научно-исследовательскую работу, в то время как сроки подготовки аспирантов остались те же. Естественно, это во-

шло в противоречие с традиционной методикой и организационной моделью научно-исследовательской деятельности аспирантов-востоковедов, которая в силу своей специфики представлена достаточно широким спектром видов исследовательской работы и занимает довольно много времени.

Установление новых стандартов и требований вызвало необходимость попытаться построить систему обучения в аспирантуре Института востоковедения РАН таким образом, чтобы она, с одной стороны, смогла сохранить его научный и научно-педагогический потенциал, а с другой – способствовала бы значительному повышению качества диссертационных работ и эффективности научной подготовки аспирантов-востоковедов в условиях Болонского процесса. Важным шагом в этом направлении является вышеупомянутый научно-образовательный проект «История востоковедения: традиции и современность», практическая значимость которого как раз в гармоничном сочетании и взаимодополнении двух ключевых компонентов образовательного процесса: научно-исследовательской работы и учебной программы.

Примечательно то, что производственная необходимость создания такого проекта совпала с его востребованностью в аспирантской среде, которая первая почувствовала на себе воздействие новой образовательной политики. Как наиболее заинтересованная сторона, аспиранты, в каком-то смысле, сами стали задавать направление работе Отдела аспирантуры. В частности, с инициативой создания нового интересного проекта выступила выпускница аспирантуры ИВ РАН М.А. Пахомова. Она является автором, разработчиком и руководителем проекта. Следует подчеркнуть, что в последующем, в процессе реализации проект вызвал большой интерес и получил поддержку у аспирантов.

Основной замысел проекта – возрождение и сохранение научных и научно-педагогических традиций академического востоковедения, развитие творческой активности аспирантов и привлечение их к решению актуальных задач изучения современной ориенталистики, её истории и историографии. Способствовать реализации замысла призвано решение пяти прикладных задач.

1. Помощь аспирантам в изучении истории, основных направлений и методологии востоковедных исследований в рамках соответствующей отрасли науки.

2. Помощь аспирантам в исследовании истории развития конкретной научной проблемы, в определении степени её изученности.

3. Помощь аспирантам в выборе и обосновании темы исследования.

4. Содействие аспирантам в подготовке аналитического обзора научной литературы и источников по теме научно-исследовательской работы.

5. Содействие аспирантам в апробации и публикации результатов научно-исследовательской работы.

Проект состоит из трех главных компонентов, каждый из которых включает несколько видов деятельности.

Первый компонент – это курс лекций по истории отечественного востоковедения. Курс построен таким образом, чтобы сформировать не только теоретические знания, но и придать им прикладной характер.

Второй компонент – вышеупомянутая школа-конференция. Замысел конференции в том, чтобы, с одной стороны, аспиранты уже на первом году обучения смогли представить в виде научного доклада результаты своей научно-исследовательской работы непосредственно по теме диссертационного исследования в части анализа его источниковедческой базы, изучения и осмысления трудов отечественных и зарубежных востоковедов, освоения методологии научных исследований. С другой стороны, мероприятие задумывалось и как аспирантская площадка для обсуждения основных положений и проблем научно-исследовательских работ аспирантов. Здесь аспиранты не просто имеют возможность выступить с докладами, но это, прежде всего, площадка, где они могут обменяться своими идеями, аргументированно отстаивать свои теории, научиться искусству научной полемики и культуре научной речи.

Третий компонент – подготовка и публикация сборника научных статей на основе докладов, прочитанных на научной школе-конференции аспирантов и молодых ученых. Так, в рамках основной темы нынешнего сборника аспиранты под руководством своих старших коллег (к.и.н. С.А. Панарина, д.и.н. А.О. Захарова,

к.филол.н. А.В. Костыркина, к.и.н. В.А. Кузнецова, д.и.н. В.А. Тюрина, к.и.н. М.А. Пахомовой) прошли своего рода школу молодого автора и на основе докладов подготовили свои научно-исследовательские статьи по истории, историографии и методологии различных научных направлений и школ как отечественной, так и зарубежной ориенталистики.

Главным достоинством проекта, по моему мнению, является его высокий коэффициент полезного действия. Участвующие в проекте аспиранты, при условии добросовестного выполнения всех необходимых заданий, уже в течение первого года подготовки могут успешно выполнить план своей научно-исследовательской работы. Изучить историю и современное состояние ориенталистики, пройти основные научные школы и направления, освоить историю развития конкретной научной проблемы, её роли и места в исследуемом научном направлении, подготовить аналитический обзор научной литературы и источников, выбрать и сформулировать тему научно-квалификационной работы, выступить с докладом и опубликовать статью.

В заключение, хотелось бы пожелать всем авторам статей больших творческих свершений, стать настоящими профессионалами в своём деле и оставить глубокий след в истории отечественного востоковедения!

Заведующий Отделом аспирантуры
И. Х. Миняжетдинов

I. ИСТОРИЯ ВОСТОКОВЕДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

А. А. Шиманская

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТИБЕТОЛОГИИ КАК ОБЛАСТИ ВОСТОКОВЕДНОГО ЗНАНИЯ

Ключевые слова: Тибет, буддизм, историография Тибета

На раннем этапе своего формирования отечественная тибетология развивалась в русле мировой науки.

Открытие Тибета для европейцев состоялось благодаря христианским миссионерам. Именно от них были получены первые сведения об этой стране, о религии, языке и обычаях. Ученые исследователи попали в Тибет гораздо позже. Заметки о тибетских буддийских ламах и о монголах содержатся в «Книге о разнообразии мира» знаменитого итальянского купца и путешественника Марко Поло, жившего при дворе хана Хубилая в Китае с 1275 по 1292 г. В XIV в. путешествие по Тибету совершил францисканский монах Одорик из Порденоне. Первым европейцем, составившим подробное географическое описание Тибета, стал австриец Йохан Грюбер, посетивший Лхасу в XVII в.

Начало научному изучению Тибета в России и в Европе было положено практически в одно время. Первым отечественным исследователем, посвятившем себя тибетологии, стал Яков Иванович Шмидт (нем. Isaak Jakob Schmidt, 1779–1847). В это же время изучением тибетского языка и литературы занимался венгерский востоковед Александр Чома де Кёрёши (1784–1842).

Тибетология – наука многосоставная. В нее включается изучение страны, этноса, изучение культуры и языка, и разумеется, тибетского буддизма. Упомянутые выше первые ученые внесли свой вклад практически в каждое из направлений тибетологии. Однако обычно Тибет воспринимается исключительно в тесной связи с буддийской культурой. Большинство исследователей-тибетологов занимаются именно изучением буддизма. Поэтому неудивительно, что и в отечественной историографии Тибета преобладают работы буддологической направленности.

Объектами специального изучения в отечественной науке Тибет и тибетский буддизм стали только в 20–30-е гг. XIX в. Хотя к этому времени на протяжении уже практически двух веков в состав Московского царства, а затем и Российской империи, входили два народа, чья история и культура теснейшим образом была связана с Тибетом: калмыки и буряты¹. Однако на протяжении довольно длительного периода правительство не предпринимало попыток изучения ни тибетского языка, ни буддийской догматики, составлявших важнейшие части культуры новых российских подданных. Не смотря на то, что причина обратить внимание на данные аспекты была: уважаемые духовные лидеры этих народов проживали в Тибете, то есть вне сферы влияния России. Московская патриархия обратила внимание на веру «инородцев» и предприняла попытки к ее изучению (с миссионерскими целями) лишь во второй половине XIX в.

Как уже отмечалось, научный интерес к Тибету в России возник в 20–30-е гг. XIX в. благодаря деятельностью Я.И. Шмидта, выходца из купеческого немецкого рода. Оказавшись по торговым делам в Поволжье, Я.И. Шмидт изучил калмыцкий и тибетский языки, собирал письменные памятники. Ему принадлежит первый в европейской науке перевод и исследование «Алмазной сутры» («*Праджня-парамита Ваджра-ччхедика Сутра*»), одного из важнейших памятников буддизма махаяны. Издание тибетского и немецкого переводов было осуществлено Российской Императорской

¹ Ойрато-калмыцкие роды перекочевали в Нижнее Поволжье из Джунгарии и были включены в состав Московского царства в 1608–1609 гг. Прибайкалье и Забайкалье вошли в состав России в XVII в. 1741 г. – год официального признания буддизма в нашей стране.

академией наук¹. В 1839 г. вышла его «Грамматика тибетского языка»². Затем он опубликовал «Русско-тибетский словарь»³.

В тесной связи с тибетологией развивалось в России и монголоведение. Его основы заложил О. М. Ковалевский (польск. *Józef Szczepan Kowalewski*, 1801–1878), создавший в 1833 г. в Казанском университете первую в Европе кафедру монгольского языка. В своих исследованиях и в преподавательской деятельности О. М. Ковалевский делал упор на изучение буддийских текстов, указывая на невозможность понимания истории и современного состояния народов без глубокого знания их духовной жизни и религиозных представлений. В дальнейшем эти принципиальные положения прочно закрепились в отечественных тибетологических и монголоведческих исследованиях.

В Казанском университете под руководством Ковалевского получил образование В. П. Васильев (1818–1900). Он владел китайским, тибетским, санскритом, маньчжурским, монгольским и другими языками, что позволяло ему переводить буддийские термины. В 1857–1869 гг. вышел его основной труд «Буддизм, его догматы, история и литература», состоящий из трех частей. В Приложении к первой части⁴ автор опубликовал первый перевод с тибетского языка произведения Васумитры (I в.), посвящённого формированию школ в раннем буддизме и труд тибетского мыслителя Гунчен Жамьян-Шадба, повествующий об особенностях доктринальных положений вайбхашики, саутрантики, йогачары и мадхьямаки. Третью часть издания составил перевод с тибетского языка сочинения Таранатхи «История буддизма в Индии»⁵. Вскоре после выхода первой части «Буддизма» книга была переведена на немецкий язык и приобрела известность в европейской науке.

¹ Schmidt I. J. Über des Mahayana und Pradschna-Paramita der Bauddden // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg, № 4. 1837.

² Schmidt I. J. Tibetisch-deutsches Wörterbuch: Nebst deutschem Wortregister. St. Petersburg, Leipzig, 1841.

³ Шмидт Я. И. Тибетско-русский словарь. СПб., 1843.

⁴ Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. СПб., 1857. С. 212–335.

⁵ Дараната. История буддизма в Индии / Пер. с тиб. В. П. Васильева. СПб., 1869.

После того, как были сделаны первые шаги в изучении языка и письменных памятников, со второй половины XIX в. начинаются полевые исследования культуры и быта народов Центральной Азии, появились учёные этнографы и путешественники: Н. М. Пржевальский, Г. Н. Потанин, А. М. Позднеев, Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадийн, П. К. Козлов. Предметом исследований стала традиционная система управления буддийской общины, ее экономический уклад, степень влияния на мирян, а также народные верования, обычаи и восприятие буддийского духовенства простым народом. Научные экспедиции направляются в Бурятию, Калмыкию, Монголию и Тибет.

Определенный вклад в развитие востоковедения, изучение истории буддизма и Тибета внесли *представители Русской Православной миссии в Пекине* П. И. Кафаров (отец Палладий Кафаров, 1817–1878) и Н. Я. Бичурин (архимандрит Иакинф, 1777–1853).

Характеризуя деятельность «первопроходцев» отечественной тибетологии можно выделить следующие моменты. Тибетологические исследования не были ограничены рамками одного локального региона, а развивались в тесной связи с зарождавшимися в нашей стране монголоведением и буддологией. Первые работы представляют собой переводы и попытки интерпретации письменных буддийских памятников. Вопрос о существовании в буддийской традиции серьезных философских трактатов в тот период не ставился. Трудности изучения и понимания буддийских текстов связаны с необходимостью интерпретации буддийской терминологии. В. П. Васильев указывал на необходимость установления хронологической последовательности развития буддийских школ и философских направлений и датировки возникновения письменных памятников. Проблема адекватного перевода категорий буддийского учения на европейские языки существует и сейчас. В скором времени получили развитие и полевые исследования, результатом работы которых, помимо наблюдений за функционированием живой буддийской традиции в обществе, стало создание значительных собраний материалов: коллекций уникальных рукописей и печатных текстов, предметов культа, произведений искусства.

Первые десятилетия XX в. отмечены расцветом буддологических исследований в нашей стране, возникает петербургская буддологическая школа – академическое направление во главе с ее ос-

нователем Ф. И. Щербатским (1866–1942). В традициях этой школы работали такие ученые-буддологи, как С. Ф. Ольденбург (1863–1934), О. О. Розенберг (1888–1919), Е. Е. Обермиллер (1901–1935)¹. Были разработаны теоретические и методологические основы, на основе которых велись буддологические исследования, касающиеся широкого круга источников и охватывающие различные регионы и периоды: изучались ранние буддийские тексты и памятники Махаяны, японского и тибетского буддизма и т. п. Возникла знаменитая серия книг «*Bibliotheca Buddhica*», в рамках которой были опубликованы значительные памятники буддизма на нескольких языках, в том числе на тибетском.

Тибетологические исследования в Санкт-Петербурге в первые десятилетия XX в. велись в Азиатском музее, в Институте буддийской культуры (ИНБУК) АН СССР и в Санкт-Петербургском университете. После реорганизации востоковедных учреждений и создания в 1930 г. Института востоковедения АН СССР они были переименованы в Индо-тибетский кабинет Института, возглавляемый Ф. И. Щербатским. Сотрудниками кабинета были Б. В. Семичов, А. И. Востриков, Е. Е. Обермиллер и др. Институт востоковедения обладал обширным фондом тибетских рукописей и ксилографов, который был сформирован из собраний Азиатского музея и коллекций исследователей, участвовавших в экспедициях Русского географического общества. Тибетский фонд продолжал активно пополняться в 1920–1930 гг., ежегодно сотрудники Института востоковедения выезжали в Бурятию и Монголию. Одним из направлений деятельности сотрудников Тибетского кабинета была работа по инвентаризации и изучению собранных коллекций письменных памятников. В 1935–1937 гг. инвентаризацией занималась Н. П. Ярославцева (Вострикова), но эта работа не была завершена в тот период.

В 1936 г. было принято решение о разделении Кабинета на два самостоятельных: на Новоиндийский и Тибетский кабинеты. Работу Тибетского кабинета возглавил А. И. Востриков (1904–1937).

¹ Подробный обзор работ российских исследователей буддизма XIX – первой трети XX вв. и анализ их методологических принципов смотрите в монографическом исследовании Т. В. Ермаковой: Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века (Россия и сопредельные страны). СПб., 1998.

Однако уже в следующем 1937 г. А. И. Востриков, в числе других ученых-востоковедов, был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Ученый был расстрелян в сентябре 1937 г., в самом начале своей научной карьеры. А. И. Востриковым была проделана огромная работа по описанию и систематизации тибетской исторической литературы. Его труд «Тибетская историческая литература» не утратил своего научного значения и в наши дни, о чем свидетельствует то, что книга, опубликованная впервые лишь через четверть века после гибели ученого в 1962 г., была недавно вновь переиздана¹. Этот труд стал значительным вкладом в мировую тибетологию. В монографии рассматриваются многие тибетские произведения XII–XVII вв. А. И. Востриковым предпринята первая в мировой тибетологии попытка классифицировать произведения тибетской исторической литературы. Кроме того, А. И. Востриков производит датировку произведений, дает характеристику, информацию об авторах – все это сделало монографию незаменимым справочником для буддологов.

Петербургская (ленинградская) буддологическая школа оказалась полностью разгромленной после репрессий 1930-х гг. Последним ее представителем оставался сам академик Ф. И. Щербатской, вскоре умерший в эвакуации (1942). После смерти Щербатского в Тибетском кабинете не осталось сотрудников, и по возвращении института из эвакуации в Ленинград он прекратил существование. Описание Тибетского фонда продолжил монголист К. М. Черемисов. В 1950 г. Институт востоковедения был переведен из Ленинграда в Москву, но Тибетский фонд остался в ленинградском отделении Института в составе Сектора восточных рукописей. В период с 1951 по 1956 г. описанием центральноазиатской коллекции рукописей занимался В.С. Воробьев-Десятовский (1928–1956). Затем с коллекциями работали и проводили инвентаризацию фонда такие ученые-тибетологи как М. И. Воробьева-Десятовская, Л. С. Савицкий, Е. Д. Огнева, В. Л. Успенский, Р. Н. Крапивина².

¹ Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М., 1962; Востриков А. И. Тибетская историческая литература. СПб., 2007.

² Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С. Тибетский фонд ЛО ИВАН СССР // Письменные памятники Востока / Историко-филологические исследования. Ежегодник 1974. М., 1981. С. 139–153.

Богатые коллекции во многом обусловили одно из ведущих направлений тибетологических исследований, ведущихся в Санкт-Петербурге: это публикация памятников, их перевод и научное описание, вопросы филологии и текстологии. Исследования М. И. Воробьевой-Десятовской в первую очередь связаны с изучением буддийских санскритских текстов из Центральной Азии. Р. Н. Крапивина начала работу в 1972 г. в Институте общественных наук Бурятского Филиала СО АН СССР, с 1980 г. является сотрудником петербургского филиала ИВ РАН. Изучала тибетский разговорный язык в Непале, занимается переводами, преподает тибетский язык в ВУЗах Санкт-Петербурга. В 2007 г. на базе санкт-петербургского филиала ИВ РАН был создан Институт восточных рукописей. С 2006 г. по настоящее время хранителем тибетского фонда института является А. В. Зорин. Его работы посвящены истории тибетской поэзии и переводам на русский язык¹.

Другим направлением работы санкт-петербургских ученых стало составление обобщающих трудов по истории и культуре Тибета. Здесь следует выделить исследования Л. С. Савицкого, Е. И. Кычанова, Б. Н. Мельниченко, А. С. Мартынова, Е. А. Островской-младшей. В 1975 г. Л. С. Савитский и Е. И. Кычанов выпустили совместную монографию «Люди и боги Страны Снегов»². Е. И. Кычанов и Б. Н. Мельниченко (опираясь, прежде всего на китайские источники и работы зарубежных тибетологов) предприняли попытку составить очерк истории Тибета с древнейших времен до начала XXI в.³ Их работа представляет собой первое в отечественной историографии обобщенное систематизированное изложение истории страны, начиная с периода заселения Тибетского нагорья. К истории Тибета обращался А. С. Мартынов, также работающий с китайскими источниками.

Крупные коллекции памятников тибетского искусства хранятся в собраниях санкт-петербургских музеев: Государственного Эрмитажа, Российского Этнографического музея, Государственного

¹ Зорин А. В. У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб., 2010.

² Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов. Очерки истории Тибета и его культуры. М.: Наука, 1975.

³ Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.

музея истории религии. В музеях открыты постоянные экспозиции и проходят тематические выставки тибетского искусства, публикуются каталоги. Интересны искусствоведческие работы Ю. И. Елихиной, хранителя монгольской, тибетской и хотанской коллекций Государственного Эрмитажа¹.

Важным и практически единственным в нашей стране центром подготовки специалистов остается кафедра монголоведения и тибетологии Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, возникшая еще в 1855 г.² Образовательная программа включает изучение источниковедения и историографии, истории монгольской и тибетской литературы, лингвистики, текстологии, истории религии и культуры. В настоящее время на кафедре преподают: В. Л. Успенский, П. Л. Гроховский, Ю. И. Елихина и др.

С конца 1980-х – в 1990-е гг. в Санкт-Петербурге наблюдается новый подъем буддологических исследований: возникла группа буддологии Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. В рамках группы работают В. И. Рудой, Е. П. Островская и Т. В. Ермакова. Основной и практически единственный предмет изучения исследовательского коллектива – трактат Васубандху «Абхидхарма-коша». На философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета преподавал Е. А. Торчинов, занимавшийся изучением китайских источников.

В Москве одним важнейшим центром тибетологических и буддологических исследований в советский период становится Институт востоковедения АН СССР. Во второй половине 30-х гг. буддология, а вместе с ней и тибетология, оказались полностью разгромленными в отечественной науке. Возрождение в 60-е гг., во времена «хрущевской оттепели» проходило весьма трудно. Этот недолгий период возрождения был связан, в первую очередь, с возвращением в 1957 г. в СССР Ю. Н. Рериха (1902–1960), сына знаменитого художника и путешественника Н. К. Рериха. Ю. Н. Рерих получил широкое образование в области восточного языкознания в Школе восточных языков Лондонского университета, в Гарвардском и Парижском университетах, много лет провел в Индии, Ти-

¹ Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб., 2010.

² Курсы по тибетскому языку, истории и культуре Тибета нерегулярно читаются в РГГУ и в Новосибирском государственном университете.

бете, Монголии и Китае. После переезда в Москву Ю. Н. Рерих приступил к работе в Институте востоковедения в Москве и занялся подготовкой молодых специалистов: преподавал санскрит и тибетский языки, готовил издания научных переводов буддийских памятников и монографических исследований. В это же время Рерих продолжил составление «Тибетско-русско-английского словаря», и возродил книжную серию «*Bibliotheca Buddhica*».

Так, в 1960 г. под грифом «*Bibliotheca Buddhica*» выходит осуществленный В. Н. Топоровым перевод с пали «Дхаммапады»¹, одного из важнейших памятников раннего палийского буддизма. Публикация этого памятника вызвала скандал в академических кругах: ученого обвинили в пропаганде «индийской поповщины». Вскоре после этого Ю. Н. Рерих умирает в самом расцвете своей научной карьеры, так и не завершив многих проектов. В Институте востоковедения сохранился его мемориальный кабинет с обширной библиотекой и коллекцией тибетских ксилографов. Между тем, под грифом «*Bibliotheca Buddhica*» в 1962 г. удалось, наконец, осуществить публикацию монографии А. И. Вострикова «Тибетская историческая литература»², подготовленной к публикации Рерихом при активном участии супруги ученого Н. П. Востриковой (Ярославцевой). В 1963 г. под редакцией ленинградских ученых Б. И. Панкратова и Э. Н. Темкина в серии вышла глава из сочинения Камалашилы «Пурва-бхавана-крама», подготовленная к изданию еще Е. Е. Обермиллером. После этого в издании серии наступил длительный перерыв.

После смерти Ю. Н. Рериха его проект по созданию тибетско-русско-английского словаря продолжили его ученики, сотрудники Института востоковедения Ю. М. Парфионович и В. С. Дылькова. Подготовка к изданию этого монументального труда стала основным делом их научной жизни. Работа продвигалась медленно, хотя Рерих подготовил проект словаря еще в 1932–1933 гг., но рукопись не содержала перевода на русский язык. На первом этапе подготовки словаря в работе участвовали В. А. Богословский, К. М. Черемисов, М. И. Воробьева-Десятовская, Б. Б. Бадараев, Р. И. Пубаев

¹ Дхаммапада / Пер. с пали, коммент., предисл. В. Н. Топоров. М., 1960.

² Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М., 1962.

и Б. В. Семичов. Одиннадцать томов словаря выходили в течение десяти лет, в период с 1983 по 1993 г.¹

Кроме подготовки к изданию словаря следует отметить также работу Ю. М. Парфионовича «Тибетский письменный язык»², представляющую собой научное систематическое описание основных структурных особенностей тибетского языка. В. С. Дылыкова занималась изучением тибетской литературы³. Она предложила классификацию и описала основные жанры тибетской литературы. В конце 1950-х гг. начал работу сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР В. А. Богословский, также участвовавший в подготовке словаря Ю. Н. Рериха. Его работы посвящены различным аспектам истории Тибета, в том числе социально-политическим вопросам⁴.

В качестве основных направлений работы московских исследователей, обращающихся к тибетологической проблематике, можно выделить: переводы и исследования тибетских источников (Ю. Н. Рерих, Ю. М. Парфионович, В. П. Андросов, Е. В. Леонтьева); изучение истории и культуры Тибета (В. А. Богословский, А. Д. Цендина и др.; изучение истории тибето-монгольских народов (Б. У. Китинов); изучение тибетской литературы (В. С. Дылыкова); лингвистические исследования, составление словарей и грамматик тибетского языка (научное направление – Ю. Н. Рерих, Ю. М. Парфионович, В. С. Дылыкова, И. Н. Комарова); практический подход с упором на живой разговорный язык – Т. Илюхина, В. Ермолин, А. Васильев.

Возвращаясь к советскому периоду, необходимо упомянуть еще об одном эпизоде, сыгравшем трагичную роль в истории отечественных буддологии и тибетологии – так называемом «деле Дандарона». На рубеже 1960–1970-х гг. буддологические исследования начинают появляться в изданиях Тартуского государствен-

¹ Рерих. Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. М. Парфионовича и В. С. Дылыковой. М., 1983–1993.

² Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык. М., 1970.

³ Дылыкова В. С. Тибетская литература. Краткий очерк. М., 1986.

⁴ Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа: (Становление классового общества). М., 1962; Богословский В. А. Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978.

ного университета, выходят работы О. Ф. Волковой, А. М. Пятигорского, Л. Э. Мялля, А. Я. Сыркина и Б. Д. Дандарона. Однако этот период подъема оказался весьма недолгим.

Б. Д. Дандарон (1914–1974) происходил из бурятского рода, тесно связанного с буддийской традицией. В 1934–1937 гг. Б. Д. Дандарон на правах вольнослушателя посещал Восточный факультет ЛГУ, а также изучал тибетский язык под руководством А. И. Вострикова. Б. Д. Дандарона дважды арестовывали и судили: в 1937 г., когда проходили массовые аресты и суды над востоковедами, затем в 1946 г. (реабилитирован в 1956 г.). С 1957 г. Б. Д. Дандарон трудится в качестве научного сотрудника в Бурятском институте общественных наук СО РАН. Б. Д. Дандарону были свойственны и религиозно-философские искания, со временем он приобрел несколько десятков последователей и учеников. В 1972 г. его вновь арестовали, обвинив в создании секты. Процесс над Б. Д. Дандароном был громким, по делу были привлечены и допрошены не только его ученики, но и коллеги-востоковеды. Осудили как самого Б. Д. Дандарона, умершего в заключении, так и некоторых его учеников. Результатом этого процесса стало подозрительное отношение к любым буддологическим исследованиям в отечественной науке. Из СССР были вынуждены эмигрировать А. М. Пятигорский и А. Я. Сыркин. После разгромного «дела Дандарона» буддологические исследования в СССР вновь практически исчезают, однако в 1970–1980-е гг. продолжают вестись исследования, в той или иной степени затрагивающие вопросы буддизма в различных прикладных аспектах: в контексте истории искусства, культуры, литературы и т.д.

Важным центром тибетологических исследований в нашей стране в советские годы и сейчас является Сибирское отделение Академии наук. В качестве характерных направлений исследовательской работы ученых Института монголоведения, буддологии и тибетологии можно выделить: изучение и перевод текстов, созданных в Тибете, Монголии и в самой Бурятии; контакты и взаимодействие между народами региона (С. Ю. Лепехов, С. П. Нестёркин, А. М. Донец); перевод трудов тибетских историков буддизма и изучение биографий культурных, религиозных и политических деятелей (Р. Е. Пубаев и др.); опирающиеся на переводы тибетских источников, исследования направлений Махаяны и Ваджраяны

(Б. Д. Дандарон, С. Ю. Лепехов, А. М. Донец, С. П. Нестёркин, А. А. Базаров, А. М. Стрелков и др.); исследование ритуально-культовой системы тибето-монгольского буддизма (К. М. Герасимова, С.-Х. Сыртыпова и др.).

В нашей стране нет научных конференций, ориентированных исключительно на тибетологическую тематику, как правило, вопросы изучения Тибета рассматриваются в более широком контексте буддологических исследований: на «Рериховских чтениях» в Москве (ИВ РАН), «Зографских чтениях» в Санкт-Петербурге (ИВР РАН) и т. д.

Подводя итог, можно сделать некоторые выводы. Первые шаги по изучению Тибета отечественными учеными относятся к 20-м гг. XIX в. С самого своего возникновения тибетологические исследования в нашей стране были тесно связаны с развитием буддологии и монголоведения. Помимо изучения письменного наследия проводились и полевые изыскания, многочисленные экспедиции в Центральную Азию. Итогом этих экспедиций стало формирование богатейших собраний рукописей, библиотек, коллекций произведений искусства. Расцвет буддологических и тибетологических исследований приходится на первые десятилетия XX в. В начале XX в. труды отечественных ученых сразу переводились на иностранные языки; некоторые исследователи (как, например, Е. Е. Обермиллер) сразу публиковались на английском или немецком языках. Буддология и тибетология развивались в контексте мировой науки и в тесной связи с развитием европейской философии.

В 1930-е гг. отечественная школа была практически полностью уничтожена, возрождение в советский период проходило медленно и с большим трудом. В советский период произошел разрыв между отечественными исследованиями и достижениями мировой науки. Существует разобщенность и в научных кругах, между отечественными исследователями и отдельными центрами: Москвой, Санкт-Петербургом, Улан-Удэ, нет научных журналов, объединяющих материалы с тибетологической и буддологической тематикой. Можно, к сожалению, констатировать, что в настоящее время отечественная тибетология значительно отстает от американской, японской и других зарубежных школ.

Список литературы

1. Богословский В. А. Очерк истории тибетского народа: (Становление классового общества). М., 1962.
2. Богословский В. А. Тибетский район КНР (1949–1976). М., 1978.
3. Васильев В. П. Буддизм, его догматы, история и литература. Ч. 1. СПб., 1857.
4. Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С. Тибетский фонд ЛО ИВАН СССР // Письменные памятники Востока / Историко-филологические исследования. Ежегодник 1974. М., 1981. С. 139–153.
5. Воробьева-Десятовская М. И. Тибетцы / Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии. М., 1992.
6. Воробьева-Десятовская М. И. Великие открытия русских ученых в Центральной Азии. СПб., 2011.
7. Востриков А. И. Тибетская историческая литература. М., 1962.
8. Востриков А. И. Тибетская историческая литература. СПб., 2007.
9. Дараната. История буддизма в Индии / Пер. с тиб. В. Васильева. СПб., 1869.
10. Дхаммапада / Пер. с пали, коммент., предисл. В. Н. Топоров. М., 1960.
11. Дылыкова В. С. Тибетская литература. Краткий очерк. М., 1986.
12. Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб., 2010.
13. Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX – первой трети XX века (Россия и сопредельные страны). СПб., 1998.
14. Зорин А. В. У истоков тибетской поэзии. Буддийские гимны в тибетской литературе VIII–XIV вв. СПб., 2010.
15. Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов. Очерки истории Тибета и его культуры. М., Наука, 1975.
16. Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М., 2005.
17. Парфионович Ю. М. Тибетский письменный язык. М., 1970.
18. Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. М. Парфионовича и В. С. Дылыковой. М., 1983–1993.
19. Schmidt I. J. Über des Mahayana und Pradschna-Paramita der Bauddhen // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. Petersburg. № 4. 1837.
20. Schmidt I. J. Tibetisch-deutsches Wörterbuch: Nebst deutschem Wortregister, St. Petersburg, Leipzig, 1841.
21. Шмидт Я. И. Тибетско-русский словарь. СПб., 1843.

ЭТНОГЕНЕЗ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ VI–VIII ВВ. И СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА В РАБОТАХ А. Н. БЕРНШТАМА

Ключевые слова: А.Н. Бернштам, советская историография, древние тюрки, Тюркский каганат.

В последние годы в историографии многих постсоветских государств наметилась тенденция пренебрежения наследием ученых советского периода, вплоть до полного отрицания их вклада в историческую науку. С одной стороны, эти явления, безусловно, имеют политическую подоплеку, с другой, обусловлены ограниченным пониманием значения советской историографии в связи с ее недостаточной, поверхностной изученностью.

После 20-х гг. XX в., нелегкого и болезненного для советской исторической науки, своеобразного переходного этапа, формирования новых стандартов, становления новой научно-исторической школы, наступает следующий период, охвативший 30-е – начало 50-х гг., не менее сложный, но очень важный, поскольку именно теперь начинаются попытки интерпретации конкретного исторического материала в рамках марксистской методологии.

История Тюркского каганата VI–VIII вв. нашла отражение в работах советских авторов этого периода: С. П. Толстова, Н. Н. Козьмина, но специально связанной с ним проблематикой занимался А. Н. Бернштам.

Взгляды А. Н. Бернштама на древнетюркское общество, изложенные в ряде его работ периода середины 30-х – начала 50-х гг. XX в., уже становились предметом исследования в работе П. К. Дашковского, рассматривавшего их в общем контексте развития историографии кочевничества¹. В данной статье решается бо-

¹ Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул, 2009. С. 226–227, 229–230.

лее узкая задача – рассмотреть основную идею работ А. Н. Бернштама.

Во взглядах ученого, высказанных им в работах разных периодов, не видно столь больших и важных различий, – напротив, через все его работы, начиная со статей 30-х гг. и заканчивая монографией «Очерк истории гуннов» 1951 г., проходит единая линия общей плавно эволюционирующей концепции автора, подробно раскрывающей отдельные моменты с каждой последующей работой, и именно последняя из них (книга о гуннах) подводит итог многолетних исследований А. Н. Бернштама в области социогенеза древних тюрков, тем более что написана она была еще до войны¹. Поэтому возможно дать изложение его концепции в едином и цельном ключе, не выделяя хронологических этапов, хотя оговаривая некоторые различия в трактовке тех или иных явлений.

А. Н. Бернштам был стадиалистом, в отличие от С. П. Толстова и Н. Н. Козьмина он рассматривал историю кочевнических народов Центральной Азии как поступательный процесс. Он прямо связал процесс этногенеза с социогенезом древних тюрков, пытаясь вписать эти процессы в общую историческую канву.

Как известно, большое влияние на марксистскую историческую науку на первых ее порах оказала «яфетическая», стадиальная теория лингвиста Н. Я. Марра. Сам Н. Я. Марр в 1927 г., несмотря на приверженность своей «яфетической» теории и фактически полное отрицание достижений современной ему классической школы филологии, тем не менее, высказал чрезвычайно важную мысль, остающуюся актуальной и сегодня. Так, он писал:

«Рассеянные на обширном пространстве от крайних пределов глубокой Азии до Средиземноморья, представляющие, по совокупности расселения в различных районах, ряд ступеней культурного развития, каждая неразрывно связанная с хозяйственно-общественной жизнью соответственного территориального объединения, турки под пером ученых специалистов трактуются как надстроечные социальные ценности, отвлеченно от материальной культуры и общественных форм каждого данного района, трактуются они в разрезе отвлеченно-религиозных и отвлеченно-

¹ Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970. С. 267.

лингвистических или общих отвлеченно-этнологических интересов, без увязки с окружением, с его конкретной жизнью». В работах же современных ему тюркологов он отметил «чудовищную переоценку творческой силы господствующих иноземных культур и иноземных языков мирового масштаба» в вопросах изучения тюркской культуры¹.

Воплощением марристского понимания истории тюркских народов стали именно работы А. Н. Бернштама, во время написания диссертации по социально-экономическому строю древних тюрков VI–VIII вв. занимавшегося разработкой общей концепции истории народов Центральной и Средней Азии с периода древности до раннего средневековья.

А. Н. Бернштам, говоря о древнетюркском обществе VI–VIII вв. указывал, что «турки были представителями крупнейшего феодального общества, которое знала история кочевого общества»². Он считал, что образование Тюркского каганата завершает процесс этногенеза в условиях кочевого общества, к VI–VIII вв. происходит «завершение процесса сложения классов у кочевников Центральной Азии», поэтому «турецкое общество» – это «первичная форма классового общества у народов Центральной Азии»³. А. Н. Бернштам несколько раз подчеркивает, что «турецкий период» был периодом непосредственной феодализации⁴, а история «орхоно-енисейского общества» – процессом классообразования и возникновения государства⁵. Образование Тюркского государства

¹ Марр Н. Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. IV. Основные вопросы истории языка. Л., 1937. С. 130–131.

² Бернштам А. Н. О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 3–4. С. 49.

³ Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй древнетурецкого общества VI–VIII вв. н.э. Турки в Монголии. Тезисы кандидатской диссертации. Л., 1935. С. 13.

⁴ Бернштам А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков VI–VIII вв. н.э. // Вопросы истории доклассового общества: сборник статей к 50-летию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.–Л., 1936. С. 872 прим. 1, с. 874.

⁵ Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй... 1935. С. 5–6.

было закономерным этапом развития кочевнических народов Центральной Азии¹.

А. Н. Бернштам указывал, что «турки VI–VIII вв. <...> не были этнически однородным целым»². «Непосредственным субстратом турецкого этногенеза являлось гуннское общество, непосредственным же предшественником последнего – скифское», – писал ученый³. В монографии о гуннах он заявил, что «орхоноенисейское общество VI–VIII вв.» является «древнейшим проявлением тюркского этногенеза», и его возникновение относится к «эпохе формирования дофеодального государства в среде кочевых племен»⁴. Рецензенты этой книги А. Н. Бернштама отмечали крайне запутанное изложение тюркского этногенеза, в частности противоречивую оценку места в нем гуннов⁵. Но в рецензии на книгу В. Эберхарда «Çin'in şimal komşuları...» в 1946 г. он писал, что «история тюркских племен не начинается со времени известных древнетюркских литературных памятников Монголии VIII в., а намного раньше». «Справедливо мнение С. Малова, – продолжает А. Н. Бернштам, – что не с гуннов, а с эпохи скифов (саков) складываются тюркоязычные племена. Следовательно, гунны – это уже не “прототюрки”, а тюркоязычные племена»⁶. Таким образом, он прямо высказался о принадлежности гуннов (*сюн-ну* 匈奴) не к прото-тюркам, а именно к тюркоязычным народам.

¹ Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М. – Л., 1946 (Труды Ин-та востоковедения. Т. XLV). С. 9–10.

² Бернштам А. Н. О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса... С. 50.

³ Бернштам А. Н. Происхождение турок (к постановке проблемы) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 49.

⁴ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 215.

⁵ Кызласов Л.Р., Мерперт Н.Я. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 104.

⁶ Бернштам А. [Н.] [Рец. на] EBERHARD W. Çin'in Simal Komsulani hir kaynak kitabi. Türk Tarih Kurumu Yayinlarindan. VII seri, № 9, Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ (ЭБЕРХАРД В. Книга первоисточников о китайских северных соседях. Турецкое историческое общество. VII серия, № 9. Анкара, 1942. Перевел на турецкий Нимет Улуттуг) // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 127.

Тюркский этногенез ученый рассматривал как процесс, развивавшийся со скифского периода, на основе бытовавшего в «скифское» и гуннское время союза племен, позже распавшегося, отдельные части которого фигурировали в составе различных объединений, в т.ч. Тюркского каганата, характеризовавшихся «сохранением родоплеменных связей, определявших специфику этнических категорий вновь созданных народностей»¹. А. Н. Бернштам указывал, что «предшествующие тюркам гунны находились на стадии, аналогичной тюркам VI – конца VII в. и монголам X–XII вв., т.е. стадии военно-племенной демократии»², являли собой «общество переходного типа, стоящее на грани крушения первобытного общинного строя и мучительного созревания классового»³. Несмотря на то что к «турецкому периоду» центральноазиатские племена уже достигли уровня разделения общества на классы, феодализация так и не могла завершиться из-за включения в процесс «все новых варварских резервов», племен с периферии⁴.

Позже он уточнил, что процессу этногенеза мешала, во-первых, активная военная роль Китая, и лишь, во-вторых, «варваризация» – включение в процесс этногенеза новых племен⁵. Процесс феодализации охватил огромный массив центральноазиатских племен, втягивавшихся в процесс развития тюркского государства, поэтому *түрк* – не этнический, а политический термин⁶, корпорация племен⁷. Не все племена вошли в «турецкое государство», часть из них мигрировала⁸. Таким образом, «основной варварский резерв к тюркскому периоду был исчерпан, почему тюркам и удалось в сравнительно быстрый срок создать государство и закончить

¹ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов... С. 129.

² Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... 1946. С. 66.

³ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов... С. 130.

⁴ Бернштам А. Н. Наследственность и выборность у древних народов центральной Азии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7–8. С. 174.

⁵ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов... С. 129.

⁶ Бернштам А. Н. Происхождение турук... С. 46; Он же. Социально-экономический строй... 1946. С. 147.

⁷ Бернштам А. Н. Происхождение турук... С. 47.

⁸ Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй... 1935. С. 13–14; Он же. Происхождение турук... С. 50.

этот процесс этнического объединения», а «варварской периферией остались север и восток Центральной Азии и Сибирь»¹. Этот единый процесс мобилизации варварских племен в феодальное объединение, сопровождающийся распространением среди них «турецких» языков, ученый охарактеризовал как «туркизация обществ»². По этому поводу А. Н. Бернштам высказал важное замечание: «Разрешить проблему происхождения турок и “туркизации” обществ, сложения турецких языков и турецкой рунической письменности – это значит: проследить этногенетический процесс, происходящий у кочевых народов на более обширном, чем сами феодальные образования материале»³.

Подходя непосредственно к возникновению Тюркского каганата, А. Н. Бернштам отмечал, что при предшествовавших тюркам жуаньжуанях, именуемых им «династией» (что важно для понимания его взглядов на тесную связь этнических и социальных процессов в степи) «завершились процессы образования государства, происходившие в Центральной Азии со времени гуннов», и указывал, что «чем ближе по времени к тюркам VI–VIII вв., тем короче время существования тех или иных кочевых образований». Именно новым уровнем социально-экономического развития тюрков, объясняется их восстание против жуаньжуаней, которые были очередным «образованием переходного типа от племенного союза к рабовладению», завершившим историю развития «варварских полугосударств», «патриархально-родовых образований» дотюркского периода, в каждом из которых шло «нарастание классового расслоения», ведущее «к формированию классов, к росту классовых противоречий, к созданию развитого государственного строя», т.е. завершившим «предисторию сложения дофеодального государства у кочевников Монголии». Именно таким образом с созданием Тюркского каганата «было связано и завершение первого этапа тюркского этногенетического процесса»⁴.

Важно отметить, что А. Н. Бернштам очень большое внимание уделял древнетюркской социальной терминологии, пытаясь интер-

¹ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов... С. 129.

² Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй... 1935. С. 14; Он же. Происхождение турок... С. 48.

³ Бернштам А. Н. Происхождение турок... С. 54.

⁴ Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов... С. 128.

претировать значения терминов, исходя из собственной концепции изменений в социальных отношениях. Так, он указывал на четкое различие между терминами *äl*, изначально обозначающим союз племен, и *budun*, обозначающим народ¹. Вслед за В. В. Радловым отмечает противопоставление этих двух терминов², А. Н. Бернштам трактует *budun* по контексту как “племя”, “народ”, но отмечает семантическую эволюцию от значения конкретно своего племени к общему “народ”³. Он указывал, что *äl* – это хотя и «совокупность племен, входивших в состав государственного образования», но в отличие от *budun*, – это уже «не община первобытно-общинного типа, а примитивная форма феодального устройства», «примитивная форма государственного устройства», имеющая законы и обычаи (*törü*), «государственное образование, использующее родоплеменные связи», т.е. термин *äl*, подобно арабскому *halk* [حالك], заменил понятие “народа”, приобретая еще значение “государства”. В итоге *äl* – «организация союза племен, уже оторвавшаяся от своих корней и ставшая примитивной формой объединения господствующего класса»⁴.

Ученый несколько раз подчеркивает, что это именно не равноправный союз, а использование властью родового строя⁵, организация, поставленная над народом, но связанная с каганом, что *äl* из родовой организации стал орудием господствующего класса. Получалось, что в одном случае – это общее объединение племен, в другом – только господствующей части племени, противостоящей народу (*qara budun, budun*). Таким образом, по заключению самого А. Н. Бернштама, *äl* – «противоречивое объединение, союз “чер-

¹ Бернштам А. Н. Родовая структура Ту’ Гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-Тегина) // Из истории докапиталистических формаций: сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра. М.; Л., 1933 (Известия ГАИМК. Вып. 100). С. 561.

² Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. 2. СПб., 1911. Стб. 1861.

³ Бернштам А. Н. Родовая структура Ту’ Гю VIII в... С. 565, 566, 567; Он же. Социально-экономический строй... 1946. С. 102–103.

⁴ Бернштам А. Н. Родовая структура Ту’ Гю VIII в... С. 565–566; Он же. Социально-экономический строй... 1946. С. 100–102.

⁵ Бернштам А. Н. Наследственность и выборность у древних народов центральной Азии... С. 167–168.

ных” племен и господствующего класса *в целом*, а вместе с тем – корпорация *только* господствующего класса, поднимающегося над “черным” народом»¹. Этот класс, знать, и носит в рунических текстах название *kök türk*, представляя своеобразную «белую кость», ему противостоит *budun*, представляющий по сути плебс².

Переводя сочетание *kök türk* как “голубые” или “небесные тюрки” и сравнивая его с этнонимом *kökä monggol*, приводящимся у Саган Сэцэна, А. Н. Бернштам следовал В. Томсену, В. В. Бартольду и П. М. Мелиоранскому³. Ф. С. Фасеев справедливо отметил, что таким образом, критикуя националистические трактовки сочетания *kök türk* как эпитета “голубые тюрки” для обозначения господствующего племени, он сам, по сути, предлагает ничем не отличающуюся гипотезу⁴, притом что подобная трактовка сочетания полностью противоречит контексту источника⁵.

А. Н. Бернштам вообще очень много внимания уделил обоснованию своей теоретической схемы конкретным источниковым материалом, по-видимому, понимая некоторую непоследовательность, незавершенность своих построений.

¹ Бернштам А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков... С. 888–889; Он же. Социально-экономический строй... 1946. С. 142–143.

² Бернштам А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков... С. 889, 890, 891; Он же. Социально-экономический строй... 1946. С. 84, 143, 145.

³ Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V). P. 138; Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg, 1897. S. 4; Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. XXXVII. Июнь. Отд. 2. С. 283 прим. 1; Он же. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т. XII. Вып. II–III. С. 98.

⁴ Фасеев Ф. С. Кто они так называемые «голубые тюрки»? // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 142.

⁵ Там же. С. 141.

Характерно, что в первоначальной трактовке А. Н. Бернштама генезис феодализма у тюрков происходит на высшей ступени варварства, соответственно общество орхоно-енисейских тюрков – переходное от высшей ступени варварства к феодализму¹, но в поздней трактовке – это ранняя форма сложения примитивных феодальных отношений². По мнению П. К. Дашковского, неоднозначная оценка общественного строя Тюркского каганата, которую давал в своих различных работах А. Н. Бернштам, связана с тем, что «ученый пришел к выводу о сосуществовании государства и родоплеменного деления, что не соответствовало идеальной модели феодализма»³.

Однако, фактически все слабые стороны концепции А. Н. Бернштама были отмечены уже в рецензии С. В. Киселева (1947 г.) на его монографию о тюрках. С. В. Киселев критиковал А. Н. Бернштама за недостаточное и избирательное использование и произвольное толкование данных археологии, полагая также, что он переоценил уровень развития орхонских тюрков⁴. С. В. Киселев указал на поспешность попыток А. Н. Бернштама стадийно связать развитие тюрков с предшествующими степными народами ввиду недостаточной изученности истории последних⁵. Отметил он и недостаточную сбалансированность концепции развития самих орхонских тюрков. Методологически некорректным С. В. Киселев считал обращение А. Н. Бернштама для обоснования гипотезы развития форм феодальной зависимости в древнетюркском обществе к уйгурским документам из Восточного Туркестана

¹ Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй... 1935. С. 15–16.

² Бернштам А. Н. Социально-экономический строй... 1946. С. 145.

³ Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья... С. 227.

⁴ Киселев С. В. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI–VIII веков // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 83–90. В своих работах А. Н. Бернштам прямо отмечал удовлетворительное состояние археологического материала (Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй... 1935. С. 10; Он же. Социально-экономический строй... 1946. С. 64).

⁵ Киселев С. В. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй... С. 83.

X–XIV вв., по сути, не имевших прямого отношения к орхонским тюркам¹. Подобного рода критику его и позже других оппонентов вызвала и искусственная конструкция А. Н. Бернштама «орхоненисейского общества» и попытка сведения в единую целостную социальную систему орхонских тюрков и енисейских кыркызов².

Вступая в полемику по поводу толкования термина *эль*, С. В. Киселев, отстаивавший мнение о менее развитом уровне общественных отношений у орхонских тюрков, писал, что «государство здесь не только орган аристократии, но и форма ее организации»³. В монографии «Древняя история Южной Сибири», вышедшей в 1949 г. и переизданной в исправленном варианте 1951 г. с учетом падения марризма, С. В. Киселев попытался обосновать эволюцию понятия *эль* как организации аристократии, хана и бегов, противопоставляющейся массам, т.е. уже не связанной с родоплеменными институтами, но использующей их пережитки в своих целях – «явление, обычное при переходе к классовому строю». Но такая организация, подчеркивал он, существенно отличается от государства. На этой стадии государство и господствующий слой, т.е. аристократия, сливаются: государство, прежде всего, выступает не как орган, а как форма организации. Таким образом, *эль* – это именно аристократический слой⁴.

Упорные попытки А. Н. Бернштама связать явно выступающие в рунических текстах значения термина *эль* как некой совокупности народа или племен и как некой «надстроечной», государствен-

¹ Там же. С. 87, 88.

² Там же. С. 87; Он же. Древняя история Южной Сибири. М.–Л., 1949 (Материалы и исследования по археологии. № 9). С. 7; 1951. С. 8; Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 322 (С. В. Киселев); Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов... С. 105; Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. С. 140; Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья... С. 229.

³ Киселев С. В. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй... С. 89.

⁴ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири... 1949. С. 282; 1951. С. 503–504.

ной организации, а также возражения ему С. В. Киселева имеют большое значение как историографический факт в том плане, что демонстрируют попытки этих ученых, непосредственно работавших с источниками, увязать очевидное несоответствие этих данных привычным представлениям о формах организации общества, основанным на материале оседлых народов, при необходимости вписать картину древнетюркского общества в универсальную схему марксистской парадигмы.

По сути, А. Н. Бернштам был первым, кто предпринял попытку поместить в единый исторический контекст этно-, глотто-, социо- и политогенез кочевнических народов. Данная проблема была поставлена еще востоковедами т.н. «старой школы». Так, В. В. Бартольд в конце 1920-х гг. отмечал, что «еще не установлено, переселялись ли на запад вместе с тюрками и нетюркские, например монгольские народы»¹. В 1940 г. В. А. Гордлевский писал: «Турецкие и монгольские племена могли сталкиваться в Средней Азии задолго до того, как нашествие монголов перевернуло жизнь государства Сельджукидов. Гипотеза о взаимосвязи тюрков и монголов стоит на очереди. Карта раннего расселения турецких и монгольских племен могла бы дать осязательность той гипотезе, объясняющей формирование феодализма в Малой Азии»². Им же был поставлен вопрос о необходимости изучения «доисламской истории турецких народов»³. По сути, именно эти вопросы взялся осветить А. Н. Бернштам.

Он пытался разработать цельную концепцию ранних этапов истории кочевников Центральной и Средней Азии, опираясь исключительно на учение Н. Я. Марра. Падение марризма совпало с выходом в свет монографии А. Н. Бернштама «Очерк истории гуннов» (1951 г.), дополнявшей его работы об орхонских тюрках и обобщавшей все его выводы. Однако на книгу, а вместе с ней и на всю концепцию ученого последовала череда резко критических отзывов. Ученого упрекали за противоречивый, искусственный и

¹ Бартольд В. В. Тюрки (историко-этнографический обзор) // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 1968. С. 585.

² Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 42.

³ Там же. С. 184 прим. 1.

даже умозрительный характер построений, последовали даже обвинения в «пантюркизме»¹.

Вместе с тем нужно отметить, что, несмотря на свою методологическую ограниченность, работы А. Н. Бернштама вполне адекватно отразили ряд важных моментов, характеризующих историю кочевнических обществ. Во-первых, это преемственность циклически сменявшихся друг друга политических образований кочевнических народов Центральной Азии, притом что население региона постоянно состояло из разнородных этнических групп; во-вторых, родоплеменной характер связей внутри как этнических, так и политических объединений; в-третьих, невозможность формирования устойчивых этнических общностей вследствие регулярных миграций различных племенных групп и текучести всего населения; в-четвертых, политический, а не этнический характер наименований племенных объединений. Таким образом, концепция А. Н. Бернштама, в своей сущности воплощавшая наиболее радикальные эволюционистские установки, продемонстрировала невозможность объяснить с позиций подобного подхода ставшие уже тогда очевидными особенности истории кочевнических народов.

Список литературы

1. Бартольд В. В. Тюрки (историко-этнографический обзор) // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 576–595.
2. Бернштам А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков VI–VIII вв. н.э. // Вопросы истории доклассового общества: сборник статей к 50-летию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 871–892.

¹ Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов. С. 101–109; Рафиков А. Х. [Рец. на] Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 126–131; Удальцова З. В. Против идеализации гуннских завоеваний. [Рец. на] А. Бернштам. Очерк истории гуннов // Большевик. 1952. № 11. С. 68–72; Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов». С. 320–326; Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. С. 267.

3. Бернштам А. Н. Наследственность и выборность у древних народов центральной Азии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7–8. С. 160–174.
4. Бернштам А. Н. О роли завоеваний в исторической концепции Карла Маркса // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 3–4. С. 46–51.
5. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. 256 с.
6. Бернштам А. Н. Происхождение турок (к постановке проблемы) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 43–54.
7. Бернштам А. [Н.] [Рец. на] EBERHARD W. Çin'in Simal Komsulani hir kaynak kitabi. Türk Tarih Kurumu Yayinlarindan. VII seri, № 9, Türkçeye çeviren Nimet Uluğtuğ (Эберхард В. Книга первоисточников о китайских северных соседях. Турецкое историческое общество. VII серия, № 9. Анкара, 1942. Перевел на турецкий Нимет Улугтур) // Вопросы истории. 1946. № 7. С. 124–127.
8. Бернштам А. Н. Родовая структура Ту' Гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-Тегина) // Из истории докапиталистических формаций: сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра. М. – Л.: ОГИЗ, 1933 (Известия ГАИМК. Вып. 100). С. 560–576.
9. Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946 (Труды института востоковедения. Т. XLV). 207 с.
10. Бернштам А. [Н.] Социально-экономический строй древнетурецкого общества VI–VIII вв. н.э. Турки в Монголии. Тезисы кандидатской диссертации. Л., 1935. 23 с.
11. Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. 400 с.
12. Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 200 с.
13. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 9). 364 с.
14. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 642 с.
15. Киселев С. В. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 83–90.
16. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.

17. Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я. [Рец. на] А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 101–109.
18. Марр Н. Я. Расселение языков и народов и вопрос о прародине турецких языков // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. IV. Основные вопросы истории языка. Л.: Госсозэкгиз, 1937. С. 125–160.
19. Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. CCCXVII. Отд. 2. С. 263–292.
20. Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами надписей // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т. XII. Вып. II–III (с приложением одиннадцати таблиц). С. 1–144.
21. Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М.: Наука, 1970. 416 с.
22. Обсуждение в Ученом совете ИИМК книги А. Н. Бернштама «Очерки по истории гуннов» // Советская археология. 1953. Вып. XVII. С. 320–326.
23. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. IV. Ч. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. Стб. 1117–2230. 107 с.
24. Рафиков А. Х. [Рец. на] Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов // Вопросы истории. 1952. № 5. С. 126–131.
25. Удальцова З. В. Против идеализации гуннских завоеваний. [Рец. на] А. Бернштам. Очерк истории гуннов // Большевик. 1952. № 11. С. 68–72.
26. Фасеев Ф. С. Кто они так называемые «голубые тюрки»? // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978. С. 137–147.
27. Barthold W. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften // Radloff W. Die Altürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Nebst einer Abhandlung von W. Barthold: Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1897. S. 1–36.
28. Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896 (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V). 224 p.

ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРАРОДИНА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Идея о родстве ряда европейских и азиатских языков высказывалась еще в XVIII веке. По-видимому, первыми к такому выводу пришли Байер и Ломоносов, что явилось побочным результатом их полемики по поводу норманнской теории происхождения русской государственности. Проблемой лингвистического родства также занимались Аделунг, Паулин, Джонс и др. [Шрадер 1886: 5]. В 1767 году лингвист Керду указал на сходство санскрита с европейскими языками [Мейе 1938: 447]. Скоро стало понятно, что родственность столь удаленных друг от друга в историческом и географическом плане языков, как греческий, санскрит, славянский, латынь и др.¹ не может быть объяснена ничем иным, кроме как единством их истоков. В 1806 году Ф. фон Шлегель впервые сформулировал в классическом виде проблему «индоевропейской прародины» – географической и исторической локализации единой общности племен, носителей праиндоевропейского языка, от которого отпочковались сходные европейские и азиатские диалекты. Термин «индоевропейцы» уже самой своей формой свидетельствует об обширности ареала распространения соответствующих языков – от западной Европы до Индии, а также о той огромной роли, какую носители индоевропейских языков сыграли в становлении большинства европейских и азиатских цивилизаций.

¹ Дабы не загромождать основной текст излишними лингвистическими спекуляциями, приведем некоторые наглядные примеры родства индоевропейских языков из работы И. Н. Данилевского [Данилевский 1998: 23]: «Русское слово ‘мать’ имеет параллели не только в славянских, но также в литовском (*motina*), латышском (*mate*), древнепрусском (*muti*), древнеиндийском (*mata*), авестийском (*matar-*), новоперсидском (*madar*), армянском (*mair*), греческом (*mhthr*), албанском (*motrë* – сестра), латинском (*mater*), ирландском (*mathir*), древневерхненемецком (*mouter*) и других современных и мертвых языках... Не меньше однокоренных ‘собратьев’ и у слова ‘искать’ – от серебохорватского *искати* и литовского *ieskoti* (искать) до древнеиндийского *icchati* (искать, спрашивать) и английского *to ask* (спрашивать)».

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что в дальнейшем мы будем использовать уже устоявшееся в современной науке обозначение «индоевропейцы», хотя в историографии по данному вопросу фигурируют и альтернативные варианты – эти варианты зачастую плохи тем, что они несут в себе этнополитический подтекст. Например, чисто националистический термин «индогерманцы», введенный в оборот в 1823 году немецким лингвистом Ф. Боппом, имеет не больше смысла, чем термины вроде «индогреки», «индославяне», «индокельты» и др. Представляется удивительным, как столь политизированное обозначение вообще могло закрепиться в науке более чем на полтора столетия.

Сложнее обстоит дело с дискредитированным национал-социалистами термином «арийцы», введенным в оборот еще в 1819 году. Как отмечают Бонгард-Левин и Грантовский, слово «арий» в качестве самоназвания встречается лишь в индоиранских языках [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 15]. Так именовали себя создатели Вед, Авесты, авторы древнеперсидских надписей. Древнее название долины Ганга, «Арьяварта» (букв. «страна ариев»), и современное название «Иран» также тесно связаны с данным этнонимом. В этом отношении применение термина «арийцы» ко всем индоевропейцам с научной точки зрения несостоятельно. Вероятно, такое обозначение закрепилось за индоевропейцами в связи с тем, что в XIX веке одной из самых популярных теорий индоевропейской прародины была теория А. Шлейхера [см.: Сафронов 1989], согласно которой древнейшим индоевропейским языком являлся санскрит, а местом расселения индоевропейцев – Индия. Отсюда логически вытекало, что раз древние индийцы – носители санскрита, который наиболее близок к праиндоевропейскому языку – именовали себя ариями, то и всех остальных носителей индоевропейских диалектов необходимо называть ариями. Но уже следующее за Шлейхером поколение лингвистов, младограмматики, показали, что санскрит не может считаться древнейшим индоевропейским языком и что теоретические построения Шлейхера базировались на непонимании некоторых аспектов специфического развития индоиранских диалектов. Открытие же в 20-х годах XX века Д. Р. Сахни и Р. Д. Банерджи Хараппской цивилизации, хронологически предшествовавшей появлению ариев на исторической арене, уже окончательно опровергло концепцию Шлейхера и под-

няло совсем другой (не менее актуальный с точки зрения лингвистики и археологии) вопрос о прародине дравидийской народности.

В современном мире на языках индоевропейской языковой семьи говорит большинство населения Европы, Австралии, Америки, а также весьма значительная часть населения Азии. К вымершим языкам индоевропейской группы относятся скифский, сарматский, аланский, массагетский, галльский, латинский, умбрский, фракийский, древнегреческий, хеттский, лидийский, фригийский, древнеперсидский, тохарский и др. древние языки.

Ядро индоевропейской проблемы составляют вопросы о прародине племен, носителей индоевропейских диалектов, путях их миграции и единого протоиндоевропейского языка. К теории о существовании такого языка, как, впрочем, и к теории о существовании именно единой индоевропейской прародины, разные ученые относятся по-разному – и в целом та или иная позиция зависит от признания или непризнания единства индоевропейских племен на заре их становления. Периферийными вопросами индоевропеистики выступают вопросы, связанные с культурой и социально-политическим уровнем развития.

Как уже было упомянуто, вопрос об индоевропейской прародине был впервые поставлен Ф. фон Шлегелем в 1806 году. Приоритетными долгое время считались теории, локализирующие прародину в азиатском регионе. Известны семь основных локализаций: в Индии, на склонах Гималаев, в бассейне Яксарта и Оксуса (Центральная Азия), в Месопотамии, на Ближнем и Среднем Востоке, в смежных с Анатолией территориях, в областях Грузии и Армении. Сильная сторона теорий азиатского происхождения заключалась в том, что они, во-первых, лучше соответствовали лингвистическим данным того времени (наиболее близким к праиндоевропейскому языку в то время считался санскрит), а во-вторых – лучше объясняли факты тесного контакта протоиндоевропейского с семитскими и кавказскими языками¹.

¹ Двусторонние заимствования слов в этих языках не подлежат сомнению. Вот некоторые характерные примеры: индоевроп. **tauro-* ‘(дикий) бык’ ~ семит. **tawr-* ‘бык’, индоевроп. **bhar(s)-* ‘зерно, крупа’ ~ семит. **ba/urr-* ‘обмолоченное зерно’, индоевроп. **medhu-* ‘мед, медовый напиток’ ~ семит. **mVtk-* ‘сладкий’.

В 1862 году Р. Лэтэм поставил под сомнение идею об особой древности санскрита и предложил теорию, согласно которой санскрит объявлялся производным от европейских диалектов. Индоевропейская прародина, по Лэтэму, должна была находиться в Европе¹. Более пристальное изучение общих индоевропейских топонимов, гидронимов и др. показало, что лингвистические данные соответствуют европейской части ойкумены или умеренным евразийским степям, и совсем не соответствуют природным условиям Азии. Теория европейской прародины начала приобретать все большее число сторонников. Прародина локализовывалась более чем в семнадцати регионах: в Западной Европе (Германия, Франция), в Скандинавии, в Северной Европе, в Северо-Восточной Европе, в Северо-Западной Европе, на Балканах и др.

Нужно сказать, что основным источником по индоевропейской проблеме в XIX веке выступали лингвистические данные. Так же обстоит дело и в наше время, но факты, предоставляемые смежными дисциплинами – археологией, палеоботаникой, палеозоологией, палеоклиматологией и др., находившимися в XIX веке в слабо развитом состоянии, а то и вовсе еще не существовавшими – позволяют отбросить ряд совершенно необоснованных версий, вроде гималайской теории Клапрота, месопотамской теории Момзена или скандинавской теории Пенки. Наиболее актуальными в наше время – с учетом данных смежных наук – представляются три возможных решения индоевропейской проблемы, в соответствии с которыми выдвигаются три локализации: в Балкано-Карпатском регионе, в евразийских степях, на территории Передней Азии.

Балкано-Карпатская теория во многом базируется на археологических источниках. Согласно сторонникам этой теории (см.: [Wade 2000] [Дьяконов 1982a]), в VII–VI тыс. до н.э. в Балкано-Карпатском регионе, представлявшем вместе с Малой Азией единую культурную область, происходили фундаментальные изменения в формах хозяйствования – впервые в Европе население здесь пришло от присваивающего хозяйства к производящему («неолитическая революция»). Это оказало большое влияние на становле-

¹ Р. Лэтэма поддержал В. Бенфеп, который ссылаясь на отсутствие общих индоевропейских названий тигра, верблюда и льва, как на основной аргумент против азиатской прародины (ирония заключается в том, что общее индоевропейское название льва все-таки существует – **leu-* ‘лев’).

ние в данном регионе металлургического производства в V–IV тыс. до н.э., уровень которого не имел себе равных в других культурных областях. Таким образом, на этой передовой в экономической плане территории, согласно сторонникам Балкано-Карпатской теории, и нужно искать прародину индоевропейцев. Но здесь встает целый ряд проблем: во-первых, общелингвистические сведения о природных условиях, территории обитания, экономическом укладе индоевропейцев слабо соотносятся с археологическими, палеоботаническими и др. данными по центрально-европейскому региону; во-вторых, археологически имеется возможность проследить миграции древнебалканских культур на юг, но миграции в восточном и западном направлении отсутствуют, что противоречит факту индоевропеизации восточных и западных регионов. Более обстоятельный разбор Балкано-Карпатской теории можно найти в первом томе Истории Европы [История Европы 1988] – к этому источнику мы и отсылаем читателя. Добавим только еще один важный аргумент против Балкано-Карпатской теории: эта теория совершенно неспособна объяснить факт контакта протоиндоевропейского с семитской, кавказской и другими языковыми семьями.

Концепция *евразийской прародины* индоевропейцев носит чисто археологический характер – примечательно то, что само ее появление связано с изысканиями археолога В. Чайлда, предпринявшего в 1926 году попытку пересмотреть Центрально-Европейские локализации в пользу степных районов Восточной Европы. Идеи Чайлда получили более детальную проработку в публикациях М. Гимбутас [Gimbutas 1970; 1985] [Gimbutas et al. 1997]. Индоевропейцы в рамках евразийской теории отождествляются с носителями археологических «ямных культур»¹. Характерной чертой индоевропейцев считается также сборная курганная культура – «ямная культура, культура погребений с охрой, культура боевых топоров, культура шнуровых керамик, культура одиночных погребений Дании» [Gimbutas 1970: 13]. Наличие археологических культур, свойственных только индоевропейцам, позволяет говорить об индоевропеизации той или иной территории. С помощью такого подхода некоторыми сторонниками евразийской теории (М. Гимбутас,

¹ Носители этих культур, по мнению М. Гимбутас, продвигались на запад и юг в V–IV тыс. до н.э. из областей Нижнего Дона и Нижней Волги.

Е. Н.Черных) были разработаны подробные схемы западных миграций индоевропейских племен. Дезинтеграция индоевропейской общности считалась обусловленной климатическими причинами, вызвавшими существенные изменения в экономическом укладе (возрастание удельного веса животноводства и, как следствие, потеря устойчивости). Теория евразийской прародины имеет один несомненный недостаток – она выступает почти полностью как археологическая концепция. Лингвистические данные учитываются слабо, а то и вовсе не учитываются (общезыковые названия осины, бука, тиса, бобра, льва и др. не могут быть соотнесены со степной зоной). При этом археологические построения зачастую противоречивы и бездоказательны¹. Слабо проработана также и проблема миграции индоевропейцев.

Наибольшей популярностью в наше время пользуется *Восточно-Анатолийская теория* происхождения индоевропейцев. Ее основателем можно считать В. Гудено, впервые предложившего искать прародину индоевропейцев в районах Европы, соседних с Анатолией и разработавшего для этого важный методологический принцип – принцип комплексного подхода. На новом качественном уровне подход Гудено был развит в совместной работе советских ученых-лингвистов Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [Гамкрелидзе, Иванов 1984], использовавших данные не только лингвистики, но и археологии, палеоботаники, палеогеографии, палеозоологии. Согласно концепции Гамкрелидзе-Иванова, первичная прародина индоевропейцев находилась в регионе Восточной Анатолии, Южного Кавказа и Северной Месопотамии, а вторичная прародина древнеевропейцев – в черноморо-каспийских степях²; таким образом, признается и идея евразийской прародины, но уже только для носителей древнеевропейских диалектов (не будучи археологами, авторы во многом используют построения М. Гимбутас о продвижении ямных культур). Стоит обратить внимание на тот факт, что в рамках Восточно-Анатолийской теории речь идет не о локализации

¹ См. критику метода М. Гимбутас у В. А. Сафронова [Сафронов 1989: 30–38], называющего выделенные М. Гимбутас критерии, якобы характеризующие носителей индоевропейских диалектов, «сборной окрошкой».

² Сходная идея о двух прародинах была высказана В. Миллером еще в 1873 г. на основании сходства протоиндоевропейского с семито-хамитскими и кавказскими языками.

единственно возможной прародины индоевропейских племен, а о локализации индоевропейской общности в период, хронологически предшествовавший ее распаду¹.

Миграции носителей индоевропейских диалектов, с точки зрения Гамкрелидзе и Иванова, выглядят примерно следующим образом²: первой выделяется анатолийская языковая общность, которая затем долгое время соседствует с носителями кавказских языков (о чем свидетельствуют двусторонние заимствования слов в этих языках), то есть движение этой общности имеет восточную и северо-восточную направленность. Вслед за анатолийской выделяется греко-арийская общность: греческий попадает (через Малую Азию) в материковую Грецию; арийцы, иранцы и тохары движутся – в разное время – в северном или северо-восточном направлении; древнеевропейские диалекты перемещаются (через Среднюю Азию и Поволжье) на запад, где и временно образуют древнеевропейскую общность (из которой позже выделяются италики, кельты, германцы, балты, славяне), известную нам по археологическим материалам Северного Причерноморья и приволжских степей.

Восточно-Анатолийская теория, несмотря на свою популярность, имеет целый ряд слабых мест. Во-первых, Гамкрелидзе и Иванов исходят из весьма спорных лингвистических построений. Во-вторых, лингвистические данные не подтверждают предложенную локализацию – в регионе Армянского нагорья нет общеиндоевропейских названий осины, тиса, липы, бобра, рыси, тетерева, лосося, слона, краба и др., также на рассматриваемой территории отсутствуют характерные для протоиндоевропейского языка гидронимы. В-третьих, при описании миграций индоевропейских диа-

¹ Распад индоевропейской языковой общности был передатирован советскими лингвистами с III тыс. до н.э. на V–IV тыс. до н.э. на основе исторически засвидетельствованных трансформаций анатолийской группы диалектов.

² Обратим особое внимание на то, что под миграциями в данном случае нужно понимать не тотальную экспансию индоевропейских племен, а миграции, прежде всего, самих диалектов. По мнению Гамкрелидзе и Иванова, миграции племен происходят с «оседанием» части этноса на определенной территории и с дальнейшим движением другой части, подхватывающей изначальный импульс и пополняющей свои ряды за счет других этносов.

лектов не учитывается проблема субстрата – больше всех задеты субстратом армянский, хеттский и греческий языки, то есть те языки, которые наименее всего сместились от центра предполагаемой прародины, а значит и имели наименьшую возможность контакта с представителями других языковых семей; балтийские и германские языки, проделавшие, согласно Восточно-Анатолийской концепции, немалый путь от предполагаемого центра, наоборот, почти не содержат в себе субстратных элементов. Немало других аргументов против Восточно-Анатолийской теории было высказано в работах видных советских лингвистов¹. Тем не менее, в целом концепция Гамкрелидзе-Иванова представляется сейчас наиболее проработанной в методологическом и фактологическом плане.

Наряду с тремя вышеописанными решениями индоевропейской проблемы существуют и альтернативные подходы. Речь идет, прежде всего, о теории так называемой «циркумпонтийской зоны» (см.: [Anthony 2007], но с элементами курганной гипотезы). Предполагается, что во второй половине IV тыс. до н.э. произошли глубокие сдвиги в развитии Балкано-Дунайского региона, в результате которых намечилось образование совершенно новых культур, генетически почти не связанных с предыдущими. Обнаруживается контакт этих археологических культур со скотоводческими культурами каспийско-черноморских степей и даже с регионами к югу от Черного моря. На этой огромной территории и предполагается становление отдельных групп индоевропейцев, характеризующихся тесными и противоречивыми взаимоотношениями (взаимными влияниями, контактами на лингвистическом, социально-политическом уровнях и т.д.). Как легко заметить, в контексте данной концепции вопросы о единой индоевропейской прародине и протоиндоевропейском языке приобретают статус простой фикции (хотя некоторые авторы подчеркивают, что теория циркумпонтийской зоны может рассматриваться как решение индоевропейской проблемы на определенном хронологическом этапе и для определенных групп индоевропейских племен).

Помимо циркумпонтийской теории определенный интерес представляет также теория В. А. Сафронова [Сафронов 1989]. В

¹ См. статьи И. М. Дьяконова [Дьяконов 1982а; 1982б], Л. А. Лелекова [Лелеков 1982].

соответствии с лингвистической концепцией о трех длительных этапах развития протоиндоевропейского языка В. А. Сафронов выделяет три этапа существования индоевропейской общности на трех разных территориях. Раннеиндоевропейская прародина, согласно Сафронову, располагалась в VII–VI тыс. до н.э. на территории Малой Азии, среднеиндоевропейская – в V–IV тыс. до н.э. на Северных Балканах, позднеиндоевропейская – в IV–III тыс. до н.э. в Центральной Европе (каждая из прародин соотносится с хорошо изученными археологическими культурами). Альтернативность теории В. А. Сафронова заключается в том, что она не предполагает одной определенной территории для формирования протоиндоевропейского языка и установления контактов с другими языковыми семьями.

Уже беглого и поверхностного экскурса в индоевропейскую проблему достаточно, чтобы понять, на каком слабом доказательном фундаменте базируются все теории, претендующие на объяснение сложнейших миграционных, языковых, социально-экономических, климатических и др. рода процессов, отстоящих от современности и даже от письменно зафиксированного, то есть исторического, периода на многие тысячелетия. Для прояснения индоевропейской проблемы используются данные десятка смежных наук, а это значит, что индоевропеистика обречена на то, чтобы быть обусловленной от многих других дисциплин, которые особой фактологической устойчивостью, очевидно, не отличаются. Притом эта обусловленность просто колоссальна, из чего можно сделать вывод, что любые индоевропеистские построения носят не более чем гипотетический характер. Но и это было бы уже с научной точки зрения весьма неплохо, вот только если бы данные смежных наук использовались в полной мере. На деле же мы видим, как лингвисты спорят с археологами, археологи – с лингвистами, и каждый отстаивает свою априорную позицию. Это заметно даже из современных концепций: чисто археологическая теория евразийских степей, предложенная Чайлдом, разрабатывалась вообще без учета лингвистических данных; сам Чайлд в работах упоминает об общеиндоевропейском транспорте, о знакомстве индоевропейцев с медью, но при этом странным образом забывает упомянуть о флоре и фауне, климате и др., а ведь именно эти данные начисто опровергают евразийскую концепцию; Гимбутас вообще

ограничивается лишь обещанием придерживаться языковых фактов и никакого лингвистического анализа не проводит. Не лучше обстоит дело и в среде лингвистов: Гамкрелидзе и Иванов принимают «на веру» археологические построения Гимбутас и удовлетворяются этим при объяснении древнеевропейских миграций, хотя в действительности идеи Гимбутас – с археологической точки зрения – очень синкретичны и более чем спорны. Это относится не только к взаимообусловленности археологии и лингвистики, но и к другим наукам, вроде палеоботаники, палеозоологии, палеоклиматологии, многие факты которых не могут быть проверены профессиональными лингвистами или археологами и потому принимаются ими на веру. Кто может с уверенностью утверждать, что завтра эти факты не будут пересмотрены, как это уже происходило не один десяток раз? А ведь такой пересмотр неминуемо произведет за собой крах многих выводов, логически вытекавших из постулируемого научного факта, что, в свою очередь, может привести к краху всей теоретической системы.

В заключении мы бы хотели обратить внимание на критическую статью Дж. Мэллори [Mallory 1997], посвященную индоевропейской проблематике. Рассмотрев основные вопросы, на которые должна отвечать археологическая и лингвистическая реконструкция, а также основные теории, Мэллори высказывает скептическое соображение, заключающееся в следующем: «Каждое новейшее решение проблемы прародины имеет как сторонников, так и оппонентов, не только погруженных в столетний спор, но и часто возражающих столь же древним доводам. Можно, конечно, отодвинуть границы обитания доисторических индоевропейцев настолько далеко, что они будут охватывать Западную Анатолию, Центральную и Восточную Европу и регионы степей, простирающиеся до Западной Азии, образуя территорию, включающую большинство мест, предложенных в качестве прародины. К сожалению, чем больше территория предполагаемой прародины (или значительно больше компромисс между конкурирующими местоположениями прародины), тем менее удовлетворительно решение проблемы, так как оно должно либо предложить территории невероятно большого размера, либо указать на археологические культуры со слабыми или маловероятными связями, которые могли бы показать нам их лингвистическую идентичность. Точное происхождение самой большой в мире семьи языков все еще остается во многом неясным» [Mallory 1997: 82]. Мы солидарны с выводами американского

ученого. Действительно, проблема индоевропейской прародины все еще далека от разрешения.

Список литературы

1. Бонгард-Левин, Грантовский 1983 – Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифии до Индии. М.: Мысль, 1983.
2. Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
3. Данилевский 1998 – И. Н. Данилевский. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.), М.: Аспект пресс, 1998.
4. Дьяконов 1982а – И. М. Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов. Часть 1 // Вестник Древней истории. 1982. № 3.
5. Дьяконов 1982б – И. М. Дьяконов. О прародине носителей индоевропейских диалектов. Часть 2 // Вестник Древней истории. 1982. № 4.
6. История Европы 1988 – З. В. Удальцова и др. (ред.). История Европы. Т. 1. Древняя Европа. М., 1988.
7. Лелеков 1982 – Л. А. Лелеков. К новейшему решению индоевропейской проблемы // Вестник Древней истории. 1982. № 2.
8. Мейе 1938 – А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л. 1938.
9. Сафронов 1989 – В. А. Сафронов. Индоевропейские прародины. М., 1989.
10. Шрадер 1886 – О. Шрадер. Сравнительное языкознание и первобытная история. СПб., 1886.
11. Anthony 2007 – D. Anthony. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton University Press, 2007.
12. Gimbutas 1970 – M. Gimbutas. Proto-Indo-European Culture: The Kurgan Culture during the Fifth, Fourth, and Third Millenia B. C. // G. Cardona et al. (eds.). Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1970.
13. Gimbutas 1985 – M. Gimbutas. Old Europe in the Fifth Millenium B. C.: The European Situation on the Arrival of Indo-Europeans // E. Polome (ed.). The Indo-Europeans in the Fourth and Third Millenia. Ann Arbor: Karoma Publishers, 1982.
14. Gimbutas et al. 1997 – M. Gimbutas, M. Dexter, K. Jones-Bley (eds.). The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe: Selected Articles from 1952 to 1993. Washigton, 1997.
15. Mallory 1997 – J. P. Mallory. The homelands of the Indo-Europeans // R. Blench, M. Spriggs (eds.). Archaeology and Language. Theoretical and Methodological Orientations. London: Routledge, 1997.
16. Wade 2000 – N. Wade. The Origin of the Europeans: Combining Genetics and Archaeology // New York Times, April 2000.

КАВКАЗ В РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, Кавказ.

Кавказ – стратегически важный регион, на протяжении всей своей истории подвергавшийся мощнейшему влиянию самых разных стран, в разное время игравших значительную роль на мировой арене. Он и сегодня продолжает оставаться «яблоком раздора». В первую очередь привлекательность этого региона обуславливается его положением. По сути, Кавказ является связующим звеном между Европой и Азией. Хотя такое его положение в определенной степени способствует поддержанию баланса между мировыми и региональными центрами, оно же предопределяет его зависимость от этих центров¹. Так, в западной своей части, выделяемой нередко в особый Черноморско-Кавказский регион, он исторически является местом пересечения жизненных интересов двух крупнейших региональных игроков. Раньше это были Российская и Османская империи, сегодня это Россия и Турция. Причем в наше время с Кавказом связаны не только геополитические интересы этих государств, но и крупные экономические, инфраструктурные и энергетические проекты, побуждающие их с еще большим вниманием относиться к ситуации на Кавказе и вокруг него.

Историография проблемы: общая характеристика

Говоря о Кавказе в российско-турецких отношениях, многие исследователи обращаются к прошлому, в первую очередь к событиям Кавказской войны и ее последствиям. Этой теме посвящены многие крупные отечественные и зарубежные исследования, тем не менее, она была и остается дискуссионной. А в настоящее время

¹ Подробнее см.: Панарин С. А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказско-Закавказском региона // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения: [Сборник] СПб.: Звезда, 2001. С. 7–8.

тема Кавказской войны и последовавшего за ней массового исхода черкесского населения в Османскую империю, так называемого *мухаджирства*, неожиданно получила новую актуальность. Во многом тому способствовало объявление Сочи столицей Олимпийских игр 2014 года, после чего многие черкесские организации стали призывать к бойкоту «олимпиады на костях». За этим последовало признание Грузией геноцида черкесов со стороны царской России. Остроту этой теме придает и ситуация в Сирии, в которой проживает достаточно большая черкесская диаспора. Турция уже заявила о том, что не намерена бросать сирийских черкесов в беде, готова принять и разместить их на своей территории. Таким образом, Анкара еще раз обозначила свою лояльную позицию к Кавказу в целом и к черкесам в частности.

Все эти события способствовали новому всплеску интереса к истории Кавказской войны и российско-турецких отношений в XIX веке, как и к соответствующим исследованиям. И сразу же следует отметить, что труды специалистов, занимающихся этой сложной темой, зачастую носят весьма противоречивый характер, так что одной из главных трудностей, возникающих при анализе места Кавказа в российско-турецких отношениях, места и роли в этих отношениях Кавказской войны представляется проблема правильного осмысления накопившейся историографии.

Историография российская – советская – постсоветская

В работах дореволюционных авторов основной упор делался, в первую очередь, на изучение военно-политических аспектов истории Восточного вопроса, присоединения Кавказа к Российской империи. События на Кавказе чаще всего рассматривались через призму российско-ирано-турецких отношений, а суть Восточного вопроса чаще всего сводилась к борьбе между Европой и Азией. Наиболее яркими выразителями этих идей были известные военные историки В. А. Потто¹ и Н. Ф. Дубровин². Во многом близкой

¹ Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I–V. СПб.: Тип. Е. Евдокимова; Тип. Окруж. шт. Кавказ. воен. округа, 1887–1889.

² См.: Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. [В 6 т., 8 кн.]. СПб.: Тип. Департамента уделов; Издание книж. склада В. А. Березовского, 1877–1888.

точки зрения придерживались также выдающийся русский историк С. М. Соловьев и менее известный С. А. Жигарев, специализировавшийся главным образом в области истории международных отношений и международного права. Первый видел корень возникших проблем в различии между «европейским и азиатским духом»¹, второй указывал на то, что немаловажную роль играют и экономические интересы России на Востоке, хотя главной причиной разногласий на Востоке считал противоречия на религиозной почве².

Религиозная вражда предстает одной из основных причин противоречий держав в Восточном вопросе и в концепции еще одного видного историка царского периода С. С. Татищева. Татищев пишет, что интересы России и Англии столкнулись после подписания между Россией и Турцией Адрианопольского трактата 1829 г. Тогда Лондон выступил против присоединения к России крепостей на черноморском побережье Кавказа, считая, что подобные действия могут привести к нарушению европейского баланса сил. Сам автор полагает, что новые территориальные приобретения Российской империи не нарушали европейского равновесия и Англия руководствовалась вовсе не желанием сохранить существующее статус-кво, а собственными интересами³.

Интерес представляют также работы представителей горских народов, которые к тому времени стали получать возможность обучаться в России. К этому периоду относятся первые работы адыгских авторов, которые в основном придерживались позиций официальной русской историографии. Они полагали, что проосманская ориентация Черкесии угрожала политической самобытно-

¹ Соловьев С. Император Александр I. Политика – Дипломатия. СПб.: [Тип. М. М. Стасюлевича], 1877; совр. изд: Соловьев С. М. Император Александр I. Политика, дипломатия. М.: Аст, Астрель, 2003. См. также его работу «Восточный вопрос» в кн.: Соловьев С. М. История падения Польши. Восточный вопрос. М.: Аст, Астрель, 2003.

² См.: Жигарев С. А. Русская политика в восточном вопросе (ее история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М.: Унив. тип., 1896. Т. I–II.

³ Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1887; Он же. Император Николай I и иностранные дворы. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889.

сти адыгских народов. Особенно показательны в данном отношении произведения С. Хан-Гирея¹. Будучи офицером царской армии и сторонником мирного присоединения Северо-Западного Кавказа к Российской империи, он активно критиковал деятельность агентов иностранных держав на Кавказе.

В целом, говоря о развитии в России XIX – начала XX в. исторического знания по исследуемой проблеме, можно сделать вывод, что в российской историографии того периода главное внимание уделялось все-таки Восточному вопросу, и именно в его контексте зачастую рассматривались и события на Кавказе.

Эта линия отчетливо выражена и в советской историографии. В особенности при исследованиях, в той или иной степени касающихся международных отношений, указывается на связь между возникновением / обострением Восточного вопроса и активизацией политики держав на Кавказе и наоборот. В частности, такого мнения придерживался А. Ф. Фадеев, утверждавший, что со временем «кавказская проблема стала оказывать прямое влияние на дальнейшее развитие Восточного кризиса»².

Интерес в этом плане представляет и работа Е. В. Тарле «Крымская война», в которой исследуется обширный круг вопросов, в том числе и перипетии дипломатической борьбы накануне и в ходе кампании. Рассматривая взаимоотношения кавказских горцев с Османской империей, Тарле делает вывод, что именно традиционная неприязнь жителей Кавказа к Турции и обусловила пассивность Шамиля во время Крымской войны³.

Что касается вопросов, непосредственно связанных с мухаджирством, то они широко освещаются в работах видных советских

¹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978; Он же. Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов // Русский вестник, 1842. № 1; Он же. Черкесские предания // Русский вестник, 1841. № 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1820-1840/Chan-Girej/text5.htm> (дата доступа: 13.09.2013).

² Фадеев А. В. Кавказ в истории международных отношений 20–50-х гг. XIX века. [очерк дипломатических и военно-политических отношений]. М.: МГУ, 1956. С. 8.

³ Тарле Е. В. Крымская война. Ч. 2 // Сочинения: в 12 т. Т. 9. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 477.

ученых А. Х. Касумова¹ и Г. А. Дзидзария², тоже активно использовавших, наряду с имеющейся научной литературой по данной проблематике, широкий спектр архивных материалов. Труд Дзидзария и по сей день считается наиболее полным обобщающим исследованием по мухаджирству.

После того, как Советский Союз встал на путь «перестройки», начался пересмотр многих событий в истории страны. В 1989 г. в Майкопе вышла книга «Адыгея», авторы которой предпринимают попытку по новому подойти к изучению Кавказской войны. Главной причиной мухаджирства в ней называется завоевательная политика царизма, поднимается вопрос о геноциде адыгов (черкесов). В 1990-е гг. в Кабардино-Балкарии были переизданы сочинения уже упоминавшегося Дубровина³, Л. Я. Люлье⁴, Я. Абрамова⁵ и другие классические работы, авторы которых осуждали переселение. В начале 90-х в свет выходит книга А. Х. Касумова и Х. А. Касумова под названием «Геноцид адыгов»⁶, в которой авторы подчеркивают, что политическое завоевание Черкесии завершилось выселением основной массы закубанских адыгов в Турцию.

Распад СССР и образование в постсоветском пространстве новых государств привели к появлению и нового взгляда на историю. Активный интерес к истории объясняется необходимостью reinterpretировать социально-политические, экономические и историко-культурные предпосылки современных событий на Кавказе. В этой связи нельзя не отметить большой вклад в современное кавказоведение В. В. Дегоева, предложившего в своих исследованиях

¹ Касумов А. Х. Две судьбы. Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд., 1967.

² Дзидзария Г. А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982.

³ Дубровин Н. Черкесы (адыге). М.: Изд-во В. Секачева, 2013.

⁴ Люлье Л. Я. Общий взгляд на страны, занимаемые черкесами (адыге), абхазами (азега) и другими смежными с ними горскими народами. Черкесия (Историко-этнографические статьи). Краснодар, 1927.

⁵ Абрамов Я. Кавказские горцы / Серия «Народы Кавказа: страницы прошлого». Нальчик: Полиграфсервис, 2011.

⁶ Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов. Киев: Логос, 1992.

наиболее разработанный альтернативный марксистской идеологии подход к изучению истории Кавказа XIX века¹.

Традиционной для современного кавказоведения продолжает оставаться тема мухаджирства, и по-прежнему особый интерес к ней проявляют сами кавказские ученые. К примеру, изучению истории черкесской диаспоры посвящено исследование А. В. Кушхабиева². В нем достаточно подробно рассматривается роль и место черкесских мухаджиров в социально-политической жизни Османской империи в XIX веке. Стоит так же отметить книгу потомка кавказских мухаджиров Фасиха Бадерхана³, в которой глубоко исследованы события, спровоцировавшие процесс переселения.

Схожей проблематике посвящено и диссертационное исследование А. А. Ганич⁴. Анализируя эмиграцию горцев Северо-Западного Кавказа в Османскую империю, автор приходит к выводу, что переселялись они прежде всего по политическим причинам. В диссертации также подробно рассматриваются проблемы взаимоотношений черкесской диаспоры с государством и коренным населением Иордании.

Западная историография

С 30-х гг. XIX века наблюдается активизация политики Великобритании на кавказском направлении, и с этого времени Кавказ становится объектом пристального внимания английских исследователей. При этом, однако, и тогда, и позже в английской, затем и американской историографии Кавказ рассматривается преимуще-

¹ См.: Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: МГИМО, 2003; Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказская война. М.: Росет, 1994.

² Кушхабиев А. В. Черкесы в Сирии. Нальчик: Респ. фонд «Возрождение», 1993; Он же. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик: Ин-т истории, филологии и экономики Кабард.-Балк. науч. центра РАН, 1997.

³ Бадерхан Фасих. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М.: ИВ РАН, 2001.

⁴ Ганич А. А. Черкесская диаспора: генезис и современное состояние. Канд. дисс. М., 2003.

ственно в контексте Восточного вопроса на различных этапах его развития.

В середине века наблюдается своеобразный всплеск интереса к Кавказу, появляются описания путешествий, труды научно-популярного характера. Например, в 1850 г. в Лондоне выходит в свет книга американского путешественника Д. Дитсона «Черкесия, или поездка на Кавказ»¹. В ней, помимо географических описаний и этнографических наблюдений, более или менее подробно рассказывается о многих исторических событиях в регионе. Любопытно, что, описав эти события и современную ему ситуацию, Дитсон приходит к выводу, что прогресс на Кавказе возможен лишь при помощи России и посредством распространения христианства².

Окончание Кавказской войны привело к снижению интереса в Англии и в целом в западной историографии к кавказской проблематике. Следует, однако, упомянуть переведенную на русский язык работу бывшего редактора выходившей в Стамбуле в 1873–1882 гг. англоязычной газеты «The Levant Herald» Карлайла Мак-Коана. По его мнению, причиной переселения горцев в Османскую империю стала «строгость, с которой русское правительство обошлось с большинством из этих племен». Впрочем, тут же Мак-Коан фактически оправдывает эту «строгость», обвиняя переселенцев в том, что они «принесли с собою незаконные хищнические привычки»³.

Вновь актуальной тема Кавказа, в том числе и в ее историческом ответвлении, стала в 20-х гг. XX века, когда интерес к ней был «подогрет» русской революцией и попытками активизации политики Англии на Кавказе. Своего рода пионерской стала здесь работа А. Мекера «Русские в Черкесии. 1760–1864»⁴. Это исследование отличается обширной библиографией, автор опирается на материалы английских, французских и русских авторов, в деталях описывает хитросплетения русско-турецкого соперничества за

¹ Ditson G. L. Circassia: Or A Tour to the Caucasus. London: T. C. Newby; New York: Stringer and Townshend, 1850.

² Ibid. P. 11.

³ Мак Коан, Карлайль. Наш новый протекторат. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии. М.: Унив. тип., 1884. С. 115.

⁴ Meker A. Les russes en Circassie. 1760–1864. Berne: [s. n.], 1919.

сферы влияния на Кавказе во второй половине XVIII – начале XIX века.

В XX веке в англоязычной научной литературе выдвигались различные гипотезы относительно ситуации на Кавказе в XIX веке, причин возникновения Кавказской войны, однако практически все авторы приходили к выводу, что, так или иначе вина за происходившие в этом регионе события и на спровоцированные этими событиями трения между великими державами лежит на Российской империи.

Любопытный подход к изучению данной проблематики демонстрирует путешественник и журналист Джон Баддэлей в вышедшей впервые в 1908 году и затем не раз переиздававшейся книге «Завоевание русскими Кавказа». Он пишет, что героическая борьба горцев безусловно вызывала сочувствие у английской общественности, так как они боролись за свою Родину, свободу и веру. Но, вместе с тем, сами того не осознавая, они боролись и за сохранение британского господства в Индии, так как создавали барьер для продвижения России к этой британской колонии¹. Соответственно, в работе Д. Баддэля присутствовала распространенная в английской историографии концепция, в соответствии с которой Россия якобы угрожала британским интересам в колониях.

Британский историк Г. Болсовер полагал, что заставила англичан обратить взор на «Черкесию» необходимость противодействовать России. На его взгляд, пик англо-русских противоречий приходится на период между заключением Ункьяр-Искелессийского договора и Лондонской конвенции 1841 г.² Но, по мнению другого английского историка, Дж. Глизона, черкесский вопрос так и не был решен, так как, несмотря на то, что Великобритания была против присоединения Северо-Западного Кавказа к России, она не могла тогда позволить себе вмешательство в кавказские дела, чреватое ненужной для нее войной с Россией³. Сходным образом, американский историк М. Флоринский отмечал, что британские госу-

¹ Baddeley D.F. The Russian conquest of the Caucasus. New York: Russell & Russell, 1969. P. 38.

² Bolsover G. II. Great Britain, and the Eastern Questions, 1832–1841 // Bulletin of Institute of Historical Research. 1933. Vol. 9. № 32. P. 129–133.

³ Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1950. P. 194.

дарственные деятели с интересом следили за развитием событий на Кавказе во время Кавказской войны и оказывали горцам моральную поддержку и материальную помощь¹.

Еще одна интересная концепция отражена в исследовании «Священная война Дэвида Уркварта» Д. Бревды и Л. де Хойос². По их мнению, во время Крымской войны, Великобритания вынашивала планы по вторжению в регион при помощи черкесов, но впоследствии отказалась от них. Во время Парижской конференции требования Лондона создать Черкесское государство в качестве буфера между Россией и Турцией не увенчались успехом. Но даже после окончания Крымской войны Британия продолжала поддерживать сопротивление горцев Кавказа.

Турецкая историография

Безусловно, особого внимания заслуживает позиция турецких исследователей относительно этих вопросов. В XX в. в Турции появилось много ученых, которые занимались изучением и анализом российско-турецких отношений и регионов, где сталкивались интересы двух держав. Многие турецкие историки, рассматривают события на Кавказе с позиций пантюркизма. К примеру, А. Эрен³ утверждает, что Северный Кавказ всегда был турецкой территорией, поэтому Османская империя отстаивала свои исконные интересы, так же как и современная Турция. Похожей позиции придерживается и другой турецкий историк Х. Гюрселя⁴. При оценке событий в регионе в XIX в. и турецко-российских противоречий, он во главу угла ставит, популярную у многих историков концепцию о враждебности ислама и христианства. Кроме того, интерес представляет книга Джемала Гёкче «Кавказ и кавказская политика Османской империи»⁵. В ней рассматриваются история установления

¹ Florinsky M. Russia a History and Interpretation. Vol. 2. New York: MacMillan, 1953. P. 842.

² Brewda J., Hoyos L. de. David Urquhart's holy war // Executive Intelligence Review, 1999. Vol. 26. № 36. P. 26–27.

³ Eren, Ahmet Cevat. Türkiye'de Göç ve Göçmen Meseleleri, İstanbul: Nurgök Matbaası, 1966.

⁴ Gürsel, Halük F. Tarih Boyunca Türk-Rus İlişkileri. İstanbul: Ak Yay, 1968.

⁵ Gökçe, Cemal. Kafkasya ve Osmanlı İmparatorluğu'nun Kafkasya Siyaseti, İstanbul: Şamil Eğitim ve Kültür Vakfı Yay, 1979.

отношений Османской империи с Северным Кавказом и причины последующего ослабления османского влияния на этой территории.

Ценность исследования другого турецкого историка Бедри Хабиджоглу «Переселение и расселение с Кавказа в Анатолию»¹ заключается, прежде всего в том, что автор использует архивный материал о народах Кавказа и политике Российской империи в регионе. В своем исследовании Б. Хабиджоглу приходит к выводу, что у горцев было достаточно причин для переселения в Османскую империю, в том числе и религиозных, национальных, политических, экономических и др. По его мнению, после долгой борьбы с Россией, горцы не желали подчиняться новой власти.

Стоит отметить, что работы ряда авторов исследующих эту проблематику, носят несколько тенденциозный характер и отражают официальную позицию того государства, в котором эти исследователи трудятся.

Нужно также иметь в виду, что многие из турецких историков являются выходцами с Кавказа, с чем связана и тематика их исследований. В частности, И. Беркок, адыг по происхождению, генерал турецкой армии, в работе «История Кавказа»² рассматривая столкновения различных держав на Кавказе, пишет, что Турция стояла на защите интересов единоверцев.

В свою очередь иорданский историк адыгского происхождения М. Кандур, в своей работе поднимает вопросы, связанные с британской политикой на Северо-Западном Кавказе. Автор считает, что, несмотря на все усилия, идея черкесской независимости не получила реальной поддержки со стороны английского правительства³.

Научный интерес представляет и книга Н. Бэрзедж, посвященная черкесским переселенцам. В круг вопросов, которые ставит автор, входят проблемы взаимоотношений Османской империи и

¹ Habiçoğlu Bedri. Kafkasya'dan Anadolu'ya Göçler ve İskanları. İstanbul: Nart Yayınları, 1993.

² Berkok, İsmail. Tarihte Kafkasya. İstanbul Matbaası, 1958.

³ Quandour M. I. Muridism: a study of the Caucasian wars of independence 1819–1859. Ann Arbor (Mich.): UMI Diss. Services, 1992. P. 163, 165–167, 175, 197.

Северного Кавказа, различные факторы, послужившие причиной мухаджирства¹.

Как уже отмечалось, в настоящее время вопросы, связанные с событиями Кавказской войны, приковывают пристальное внимание исследователей, как в России, так и за ее пределами. Так называемый «черкесский вопрос» снова выходит на повестку дня и активно обсуждается. Так, в марте 2013 года в США вышла книга под названием «Геноцид черкесов»², что, безусловно, свидетельствует о сохранении – или новом всплеске – интереса западных исследователей к Кавказу и его истории. Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что тема Кавказской войны и мухаджирства в настоящее время часто политизируется и нередко выходит за рамки научного дискурса.

Подводя итог, следует отметить, что, несомненно, актуальность изучения Кавказа и его роли в региональном и международном балансе сил обуславливает интерес исследователей к различным аспектам этой многогранной темы. Проводя анализ историографии, можно заметить определенную специфику работ исследователей, принадлежащих разным национальным школам. К примеру, на Западе в первую очередь интерес вызывали и вызывают проблемы, связанные с продвижением России на Восток и с так называемым Восточным вопросом, тогда как в турецкой историографии основное внимание уделено вопросам мухаджирства. Однако, несмотря на весь спектр имеющейся отечественной и зарубежной литературы, при сохраняющемся устойчивом интересе к исследуемым вопросам, необходимо признать, что разработана эта проблема далеко не исчерпывающим образом.

¹ Berzeg, Nihat. Çerkesler Kafkas Sürgünü: Vatansız Bırakılan Bir Halk. İstanbul: Chiviyazıları Yayınevi, 2006.

² Richmond, Walter. The Circassian Genocide. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 2013.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СИФИАНСКОГО ГНОСТИЦИЗМА ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ БИБЛИОТЕКИ НАГ-ХАММАДИ

В XX в. был открыт и издан обширный массив древних рукописей, относящихся к различным религиозным течениям начала нашей эры. Одним из подобных собраний, значение которого трудно переоценить, выступает библиотека Наг-Хаммади – обнаруженные в районе поселения греко-римского времени Хенобоскион у подножия горы Гебель-Эль-Тариф (Верхний Египет, современный район Наг-Хаммади)¹ в 1945 г. тринадцать папирусных кодексов, содержащих коптские гностические рукописи.

Существует целый ряд различающихся между собой оценок гностицизма, которые дают определение термину, исходя из различных аспектов этого явления. Гностицизм рассматривается в науке и как явление внутри христианства, и как независимое от христианской церкви течение. Оно представляется при этом ограниченным несколькими столетиями начала нашей эры или «вневременным»². Другими словами, словом «гностицизм» обозначается совокупность религиозно-философских систем первых веков нашей эры, состоящую из различных течений, общин, которые имели определенные общие черты. К ним относятся прежде всего вопросы о знании – постижении человеком своей природы, о спасении как результате этого постижения, об истоках зла, о творении богом мира и человека, об откровении.

Внутри гностицизма принято выделять различные группы: школы Валентина, Василида и Карпократа, архонтики, барбелогностики, сифиане, каиниты, наассены, николаиты, офиты, пера-

¹ Подробную историю находки рукописей Наг-Хаммади и последующего обретения их научным сообществом см. The Nag Hammadi Library in English / Ed. J. M. Robinson and M. W. Meyer. Leiden: Brill, 1988. P. 22–26.

² Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М.: Наука, 1979. С. 17.

ты и др¹. Сразу следует оговориться, что названия эти условны и основаны на свидетельствах ересиологов, которые, выступая против ересей, описывали различные группы еретиков, с той или иной степенью подробности излагая их религиозные системы, а также приводя цитаты из их сочинений. Ф. Виссе писал, что обозначения, которые использовали ересиологи и которые, соответственно, вошли в научный оборот, были введены самими апологетами христианства и не были самоназваниями. Названия, таким образом, происходили от имени предполагаемого основателя этой «секты»², или автора главных священных книг, или основной фигуры в их мифологии³. В гностических трактатах отсутствуют названия гностических групп. Такие названия встречаются только в «Свидетельстве Истины» (IX, 3), но они, по мнению Ф. Виссе, скорее всего также были взяты из ересиологических сочинений⁴. В статье речь пойдет об истории изучения одной из групп в русле египетского гностицизма, а именно: сифиан.

Для того чтобы определить вклад отечественной историографии в изучение сифианского гностицизма, сначала обратимся к зарубежной историографии. Основная тенденция развития историографии в целом по египетскому гностицизму заключается в том, что литературу можно условно разделить на работы до начала XX в., начала – середины XX в. и с середины XX в. по наши дни⁵. Сначала ученые в основном базировались на свидетельствах позднеантичных и раннесредневековых авторов, затем стали учитывать

¹ Scholer D. M. Nag Hammadi Bibliography, 1995–2006. Leiden: Brill, 2009. P. 74–111.

² Я предпочитаю воздержаться от обозначения гностических общин как еретических сект в лоне египетского христианства и использовать для обозначения сифиан выражение «гностическая группа» или просто «группа». Термин «секта» заключается в кавычки и используется только для передачи отношения христианских апологетов к гностикам.

³ Wisse F. Stalking those elusive Sethians // The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978 / Ed. B. Layton. Vol. 2: Sethian Gnosticism. Leiden, 1981 (Supplements to Numen, 41). P. 563.

⁴ Ibid. P. 564.

⁵ Сочинения гностиков в Берлинском Коптском Папирусе 8502 (пер. с немецкого и коптского, дополнительные примечания и главы А. С. Четверухина), СПб.: Алетейя, 2004. С. 17.

ранние находки гностических текстов, например Пистис София, и некоторых других. Сейчас исследователи в большей мере работают по новым материалам из собрания Наг-Хаммади. Сходным образом увеличение источниковой базы существенно изменило представление о сифианском гностицизме, поскольку собственно сифианские гностические тексты в основном содержатся именно в библиотеке Наг-Хаммади (сифианским сейчас также считается сочинение «Евангелие Иуды» из Кодекса Чакос, одного из наиболее поздних открытий гностических текстов на данный момент). В связи с этим в статье представляется оправданным обратиться только к последнему, современному, этапу изучения египетского гностицизма, а именно времени после обнаружения библиотеки Наг-Хаммади. Будут рассмотрены лишь основные тенденции развития зарубежной и отечественной историографии, ведь попытка осветить весь массив литературы по сифианскому гностицизму в рамках одной статьи была бы заранее обречена на неудачу ввиду его исключительной обширности. В свет вышло уже три тома библиографии по собранию Наг-Хаммади – за 1948–1969, 1970–1994 и 1995–2006 гг.¹, в этих книгах можно найти полный перечень монографий и статей, посвященных библиотеке в целом, отдельным группам в русле гностицизма (в том числе, сифианам), а также каждому из текстов собрания.

Прежде всего остановимся на краткой характеристике сифианского гностицизма. Сифианский гностицизм имел, вероятнее всего, дохристианскую природу и был сильно связан с иудаизмом. Название группы взято из сообщений ересиологов и происходит от главной фигуры в мифологии сифиан – от прародителя и Спасителя их рода, Сифа, который выступал и «автором» ряда священных книг. Приходится констатировать, что дошедшие до нас тексты, которые принято причислять к сифианским, не содержат конкретно-исторической информации, например, о локализации этой гностической группы или точных сведений о ее истории. Нам также не известен ее основатель и пока остается неясной повседневная

¹ Scholer D.M. Nag Hammadi Bibliography 1948–1969. Nag Hammadi Studies I; Leiden: Brill, 1971; Scholer D.M. Nag Hammadi Bibliography 1970–1994. Nag Hammadi Studies I; Leiden: Brill, 1997; Scholer D.M. Nag Hammadi bibliography, 1995–2006...

жизнь общины. Тем не менее, ряд данных из сифианских текстов позволяют сделать ряд предположений.

Сифианская община, вероятнее всего, возникла в Палестине или Сирии в период I в. до н.э. – II в. н.э. Затем в течение некоторого времени происходило проникновение сифианского гностицизма в Египет, сопровождающееся переводом текстов, написанных на греческом языке, на коптский. В конце I – во II в. н.э. сифианская община христианизируется, что выражается в добавлении в тексты цитат из Нового Завета, христологических глосс, отождествлении Сифа и Адама с Христом. С конца II – начала III в. н.э. наблюдается постепенный отход от христианства, что отражается в инверсии традиционных для христианства образов. С III в. сифианский гностицизм соприкасается с неоплатоническими группами, на первый план выходят индивидуальные, а не общинные ритуальные практики. Сифианская община не была единой, представляя собой конгломерат разрозненных групп (по аналогии с другой гностической группой – со школой Валентина¹). В сифианских текстах можно встретить разнообразные описания ритуала крещения-инициации, необходимого для постижения гносиса и спасения душ, и гимнов-молитв для проведения культовых практик. Эта общность, вероятно, проповедовала аскетизм. Содом в сифианских текстах выступает как обитель праведников. Можно было бы предположить, что Содомом в метафорическом смысле называется некая конкретная местность, но подобных географических отсылок в текстах нет.

До открытия собственно гностических текстов, единственным источником по гностицизму в целом и по сифианам в частности

¹ Основателем школы был Валентин, философ и религиозный деятель II в., египтянин по происхождению. Получив образование в Александрии, он переехал в Рим и стремился стать епископом, но после постигшей его неудачи отошел от Церкви. После его смерти образованное им религиозное течение распалось на западную и восточную ветвь. При этом подобное разделение, вероятно, не нужно понимать буквально. Скорее всего речь шла не о реальном расколе школы, исходя из доктринальных противоречий, а об относительной географической изоляции ряда валентинианских групп, которая могла повлиять на появление некоторых различий в трактовке единой доктрины. См. об этом подробнее: Афонасин Е. В. «В начале было...» Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов. СПб., 2002. С. 150.

были свидетельства античных авторов, материалы патристики. Уже во II и III вв. н.э. христианские ересиологи заявляли о существовании еретических групп, которые они называли «сифианами», чьи доктрины опровергались как искажающие христианскую истину. Наиболее раннее описание гностической группы, обозначенной названием «сифиане», принадлежит Псевдо-Тертуллиану (250–300) и содержится в его сочинении «Против всех ересей» (*Adversus omnes haereses*)¹. Довольно кратко и сообщение о сифианах в «Против ересей» (*Contra haereses*)² Ириней Лионского (130 – ок. 202), епископу грекоязычной общины из Лиона. Примечательно, что Ириней не называет эту группу сифианами, а отождествляет их с офитами³. Содержание же источника, который Ириней приписывает офитам и по которому излагает их доктрину, с некоторыми ограничениями повторяет содержание «Апокрифа Иоанна», текста из библиотеки Наг-Хаммади (ННС II,1; III,1; IV,1).

Самое пространное описание доктрины сифиан мы находим у ересиолога Ипполита Римского (ок. 170 – ок. 235) в его сочинении «Опровержении всех ересей» (*Refutatio omnium haeresium*)⁴. Вся система сифиан, по Ипполиту, представлена в книге под названием «Парафраз Сифа»⁵. По Ипполиту Римскому, в центре сифианской

¹ Оригинал текста на латинском языке – URL: http://www.tertullian.org/latin/adversus_omnes_haereses.htm; английский перевод – URL: <http://www.tertullian.org/anf/anf03/anf03-46.htm>.

² Оригинал текста на латинском языке – URL: http://www.documentacatholicaomnia.eu/20_30_0130-0202-_Iraeneus.html; английский (URL: <http://www.newadvent.org/fathers/0103.html>), и русский перевод (URL: http://krotov.info/library/i/iriney/vers_1.html).

³ Хосроев А. Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади (II, 7; VI, 3; VII, 4; IX, 3). М.: Наука, 1991. С. 52.

⁴ Оригинал текста на греческом языке – Marcovich M. *Refutatio omnium haeresium*. Hippolytus (Antipope). Walter de Gruyter, 1986. P. 53–417; английский перевод: Roberts A., Donaldson J. *The Refutation of All Heresies, by Hippolytus: With Fragments from His Commentaries on Various Books of Scripture*. Elibron Classics, 2005; русский перевод – URL: <http://www.nsu.ru/classics/gnosis/Hippolyt.htm#set>, а также Афонасин Е. В. «Опровержение всех ересей» Ипполита как вспомогательный источник по истории античной науки // *Философия науки*. 2005, 2 (25). С. 3–32.

⁵ В результате проведенного мной исследования в рамках дипломной работы, защищенной на кафедре Древнего мира Исторического факультета

системы находятся три первоначала (Свет, Мрак и Дух между ними), а также Разум. Особое внимание уделяется истории сотворения земли, неба, животных и человека и истории спасения и деятельности Спасителя. Последний мотив получает в изложении Ипполита развитие только в плане изначальной борьбы Света и Мрака и в том, что Слово (Логос) Бога спасает плененный во Мраке Разум. Епифаний Кипрский (ум. 403) в своем сочинении «Против ересей»¹ писал, что был знаком с сифианами во время своих путешествий и имел доступ к нескольким их книгам (Наег. 39.1.2), но при этом не смог вспомнить, в каком городе Египта он встречал их². Таким образом, ни по сообщениям ересиологов, ни по самим гностическим текстам у нас нет возможности локализовать эту общину по причине отсутствия каких-либо четких географических привязок. Феодорит Кирский (386(393?)–457), представитель антиохийской школы богословия, епископ кирский, в своем сообщении о сифианах (в *Haereticarum fabularum compendium*³), как и Иринея, отождествляет их с офитами. Феодорит не добавляет от себя ничего нового о сифианах, а лишь сводит вместе все, что было написано в ересиологической литературе до него.

МГУ им. Ломоносова в 2012 г., был сделан вывод, что трактат «Парафраз Сима» из седьмого кодекса библиотеки Наг-Хаммади включает в себя все важнейшие элементы «сифианского мифа» и при сравнении его содержания с «Парафразом Сифа» из сообщения Ипполита Римского становится ясно, что мы имеем дело с двумя версиями одного сочинения, причем «Парафраз Сифа» предшествовал в своем развитии «Парафразу Сима».

¹ Текст оригинала на греческом языке – URL:

<http://patrologia.narod.ru/patrolog/epiphan/panarion.htm>, русский перевод – URL: <http://mystudies.narod.ru/library/e/epiphanius/panarion/panarion.htm>

² Marksches Ch. Gnosis: an Introduction. Continuum International Publishing Group, 2003. P. 98.

³ На русский язык название этого сочинения Феодорита переводят как «Сокращение еретических лжемудрований», «Еретические басни» или «Компендий еретических басен». Оригинал – URL:

[http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0393-](http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0393-0466_Theodoretus_Cyrrhi_Episcopus__Haereticarum_fabularum_compendium_MGR.pdf.html)

[0466_Theodoretus_Cyrrhi_Episcopus__Haereticarum_fabularum_compendium_MGR.pdf.html](http://www.documentacatholicaomnia.eu/04z/z_0393-0466_Theodoretus_Cyrrhi_Episcopus__Haereticarum_fabularum_compendium_MGR.pdf.html); английский перевод: Kupan I.P. Theodoret of Cyrus. New York: Routledge. 2006 (URL:

<http://www.taylorandfrancis.com/books/details/9780415309615/>).

При сравнении свидетельств ересиологов между собой их можно условно разделить на две группы. Первая группа (Ириней Лионский, Псевдо-Тертуллиан, Епифаний Кирский, Феодорит Кирский) передает следующую информацию: сведения о Сифе как прародителе гностического рода, о Норее (сестре/жене Сифа), играющей важную роль в мифологической системе сифиан, об обстоятельствах их рождения и о потопе, в котором был спасен праведный род Сифа. Исследователи патристики признают, что в основном сообщения ересиологов основаны на свидетельствах предшествующих авторов, чаще всего на сочинении Псевдо-Тертуллиана. Вторая группа представляет собой одно только свидетельство о сифианах, «Опровержение всех ересей» Ипполита Римского, в котором отсутствуют сюжеты, посвященные фигуре Сифа. Наиболее вероятным объяснением существования подобного различия можно считать то, что ересиологи ставили перед собой различные задачи. В задачу Псевдо-Тертуллиана и остальных, во многом, основывающихся на его сообщении, христианских апологетов входило упоминание как можно большего количества гностических групп, чтобы показать весь спектр существовавших в то время «ересей». В этой связи их больше всего интересовало объяснение названия общины сифиан, поэтому сюжеты о Сифе, мифы о его рождении и дальнейшей истории оказывались в центре внимания. Ипполит же стремился изложить сифианскую доктрину более подробно. Таким образом, свидетельства ересиологов о сифианах не противоречат, а дополняют друг друга.

Вся библиотека Наг-Хаммади первое время считалась принадлежащей группе сифиан. Такую точку зрения высказывал один из первых исследователей библиотеки, Ж. Доресс, аргументируя ее тем, что много трактатов в названиях имеют упоминание имени Сифа, в ряде текстов среди высших сил упоминается Барбело¹ и Аллоген², одно из сочинений носит название «Парафраз Сима»¹.

¹ Барбело – второй член божественной сифианской триады. Идея о Триаде – центральная в представлении сифиан о небесном мире. Члены триады в источниках часто называются по-разному: Отец (невидимый Дух), Мать (Барбело или Протэннойя), Сын (Самородный или Человек). Барбело не встречается в несифианских источниках.

² В одноименном трактате ННС XI,3 Аллоген выступает адресатом откровения и передает его своему сыну. Аллоген, судя по всему, тождественен

Отметим, что Ж. Доресс ставит знак равенства между первым сочинением ННС VII и источником, упоминаемым Ипполитом Римским в «Опровержении всех ересей». Он пишет, что «Парафраз Сима» «также называется Парафразом Сифа»².

По мере изучения кодексов Наг-Хаммади количество текстов, приписываемых сифианской группе, было резко сокращено. Сейчас принято основываться на списке, составленном Г.-М. Шенке³. Он утверждал, что ряд текстов, содержащихся в 13 кодексах из Наг-Хаммади («Апокриф Иоанна», «Ипостась архонтов», «Евангелие египтян», «Апокалипсис Адама», «Три стелы Сифа», «Зостриан», «Мельхиседек», «Мысль Нореи» и «Трехликая Протэнной»), имеют определенные общие черты. Эти черты стали в историографии основополагающими для выделения корпуса сифианских текстов. Г.-М. Шенке также считал, что сифианский гностицизм имел дохристианскую природу. Особого внимания заслуживает еще одна статья Г.-М. Шенке⁴, в которой он расширил список сифианских текстов, включив в него сочинения «Марсан» и «Аллоген». К сифианским текстам был причислен и «Трактат без названия» из Кодекса Брюса.

В своей статье Г.-М. Шенке уделил внимание двум ритуальным практикам у сифиан – крещению и ритуалу культового вознесения. Г.-М. Шенке писал, что «все эти сочинения тесно перепле-

Сифу, поскольку в переводе с греческого языка «Аллоген» означает «странник» или «некто из другой расы». См. подробнее: Robinson J. M. The Three Steles of Seth and the Gnostics of Plotinus // *Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism*, Stockholm, August 20–25 1973. Ed. G. Widengren. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1977. P. 132–142.

¹ Doresse J. The Discovery of the Nag Hammadi Texts: A Firsthand Account of the Expedition that Shook the Foundations of Christianity. Rochester, Vermont, 2005. P. 194.

² Ibid. P. 195.

³ Schenke H.-M. Das sethianische System nach Nag-Hammadi-Handschriften // *Studia Coptica*, 1974.

⁴ Schenke H.-M. The Phenomenon and Significance of Gnostic Sethianism // *The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale*, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978 / Ed. B. Layton. Vol. 2: *Sethian Gnosticism*. Leiden, 1981 (Supplements to Numen, 41). P. 588–616.

тены друг с другом и представляют или скорее предполагают – в различном направлении, более или менее чистом виде, или скорее более или менее загрязненным мотивами из других систем, (...) – одну и ту же гностическую систему. И эта система, связывающая все эти сочинения, оказывается типично сифианской»¹.

Первый критерий, который предлагает Шенке, связан с пониманием сифиан себя как потомков Сифа, истинного сына Адама (тогда как Каин и Авель были рождены от связи Евы с архонтами² против ее воли). Второй критерий определял Сифа как Спасителя своего рода, получающего спасение путем приобщения к гносису. Третий критерий касается представления о четырех светочах Хармозель, Оройаэль, Давейте, Элелет. Четвертый критерий описывает триаду Отец–Мать–Сын, в которой Отец – это высшая суть, Свет, Мать – Барбело и Сын – Самородный. Пятый критерий связан с мифом о демиурге, порочном и невежественном Иалтабаофе, который пытается уничтожить поколение Сифа. Шестой критерий – особая периодизация прошлого – разделение истории на три века: время Сифа, «изначальных» сифиан и время «исторических» сифиан (т.е. читателей этих сочинений). При этом Шенке отмечает, что в каждый век приходит Спаситель. Седьмой критерий – присутствие в тексте так называемой «экстатической молитвы». Восьмой критерий касается греческого обозначения «Pigeradamas» для Адама с целью подчеркнуть небесную природу Адама.

Противоположную Г.-М. Шенке точку зрения высказывал Ф. Виссе³. Слабость системы Г.-М. Шенке он видел в том, что ни одно из сочинений, входящих в сифианскую группу, не отвечает

¹ Schenke H.-M. Das sethianische System... P. 166

² Архонты – порочные правители нижнего мира, порождения Иалтабаофа. Согласно сифианскому мифу, Иалтабаоф, произошедший от двенадцатого зона – Софии (Мудрости), которая нарушила божественный порядок, произведя его в одиночку, – демиург, творец нижнего мира. Этим фактом объясняется несовершенство мира. Иалтабаоф захотел подчинить себе праведный род людей, но когда понял, что все эти попытки тщетны, решил искоренить его, ниспослав потоп, и заселить землю своими сторонниками (с этим связана одна из центральных идей сифианского мифа – представления о преследованиях праведного рода и об обретении им спасения).

³ Wisse F. Stalking those elusive Sethians... P. 563–576.

всем обозначенным критериям. Ф. Виссе критиковал отдельные критерии Г.-М. Шенке. Во-первых, ни в одном из текстов не встречается прописанная (а не, как принято полагать, подразумеваемая) связь между расой Сифа и читателями этого сочинения, общиной сифиан. Во-вторых, роль Сифа как Спасителя часто затмевается ролью его отца, Адама. Фигура Иалтабаофа встречается и в текстах библиотеки Наг-Хаммади, не включенных в сифианский корпус; то же можно сказать и об идее трех веков и прихода Спасителя в каждом из них (так же, например, в «Понятии нашей великой силы» (VI,4)). Все это дает исследователю основание сомневаться в том, что эта система вообще когда-то была оформлена в единую и существовала в виде учения¹. Ф. Виссе полагал, что интересующие нас книги не представляют собой священные тексты какой-то определенной гностической группы, обладавшей собственной идеологией, а связаны с индивидуальной медитацией.

Вопрос, не является ли группа сифиан искусственным объединением отдельных разрозненных текстов, которое предприняли ересиологи и вслед за ними ученые, задавал и другой исследователь, К. Рудольф. Он обращал внимание на разницу между свидетельствами о сифианах в патристике и сделал вывод, что доверять классификации, проведенной ересиологами, опасно без критического ее сопоставления с материалами дошедших до нас критических текстов².

Одной из тенденций в развитии историографии было параллельное изучение двух ветвей гностицизма – школы Валентина и сифианства. Параллельное изучение сифианской и валентинианской гностических групп было характерной чертой проходившей в 1978 г. в Йельском университете организованной Б. Лейтоном международной конференции по вопросам гностицизма³. Выход в

¹ Ibid. P. 575.

² Rudolph K. Die «Sethianische» Gnosis – Eine haresiologische Fiction? // The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978 / Ed. B. Layton. Vol. 2: Sethian Gnosticism. Leiden, 1981 (Supplements to Numen, 41). P. 578.

³ The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978. / Ed. B. Layton. Leiden, 1981 Vol. I–II.

свет материалов конференции в Йеле, послужил началом для непрерывно возраставшей в дальнейшем полемики в историографии, касающейся вопросов классификации текстов из Наг-Хаммади и определению природы сифианского гностицизма. Долгое время в зарубежной историографии внимание уделялось только лишь вопросам, связанным с фигурой Сифа, как определяющей черте сифианского гностицизма. Среди подобных исследований можно назвать прежде всего книгу А.Ф.Дж. Клийна¹, а также статьи Дж. МакРея² и Б. Пирсона³. Но затем тематика работ стала изменяться, появились исследования по другим аспектам сифианского гностицизма.

Ряд исследователей, описывая мифологию сифиан на материале дошедших до нас текстов, избегали определения «сифианский гностицизм». Так, Б. Лейтон в соответствующем разделе антологии о гностических рукописях называет сифианские сочинения «классическими гностическими сочинениями»⁴, уделяя пристальное внимание сообщению Ириней Лионского о сифианах. А. Г. Струмса и М. А. Уильямс в своих работах также не называли эти тексты сифианскими, используя терминологию из самих сочинений – «другое семя» и «неколебимый род». В одной из своих книг А. Г. Струмса прослеживает историю развития литературы от иудейских апокалипсисов и псевдо-апокалипсисов к гностическому мифу, рассматривает отношение гностиков к фигуре Сифа как отражение в текстах гностической истории спасения⁵. Важными являются проводимые А. Г. Струмсой параллели между гностическими сочинениями, с одной стороны, и герметическими традициями, а также манихейством, с другой. М. А. Уильямс в своей мо-

¹ Klijn A. F. J. *Seth in Jewish, Christian and Gnostic Literature*. Leiden: Brill, 1977.

² MacRae G. *Seth in Gnostic Texts and Traditions* // *Society of Biblical Literature 1977 Seminar Papers* / Ed. P. J. Achtemeier; Missoula: Scholars Press, 1977.

³ Pearson B. *The figure of Seth in Gnostic Literature* // *The Rediscovery of Gnosticism...* Vol. 2.

⁴ Layton B. *The Gnostic Scriptures: A New Translation with Annotations and Introductions*. Doubleday. 1995. P. 5–201.

⁵ Stroumsa A. G. *Another Seed: Studies in Gnostic Mythology*. Brill Archive, 1984.

нографии подробнейшим образом останавливается на системе представлений сифиан о бедствиях, которые насылаются на этот праведный, «неколебимый» род и от избавлении от них¹.

Т. Расимус в свою очередь причисляет сифианские тексты к «офитской» мифологии², которая включает в себя ритуал миропомазания, который должен был гарантировать будущее вознесение души к высшим сферам. Отождествления сифиан с офитами довольно часты и в ересиологической литературе (например, у Ирины Лионского или Феодорита Кирского). Это связано, прежде всего, с тем, что около 20 гностических сочинений из Наг-Хаммади так или иначе упоминают образ змеи (змия). Т. Расимус предоставил в одной из своих статей доказательства того, что главный источник этой идеи следует искать в иудео-христианских сочинениях³.

Еще одна интересная тенденции в изучении сифианского гностицизма заключается в рассмотрении сифианства через призму неоплатонизма. Дж. Тернер выделяет в особую группу следующие сочинения – «Зостриан» (VII, 1), «Марсан» (X, 1), «Аллоген» (XI, 3) и «Три стелы Сифа», отличающиеся наиболее сильной степенью неоплатонического влияния. Ученый отмечает большое количество философских терминов (прежде всего при описании «верхнего», божественного мира), содержащихся в ряде текстов из собрания Наг-Хаммади – «бытие/небытие», «истинно сущий», «существование», «жизненность», «нечто», «качество/количество», «индивиды» и т.д. Дж. Тернер разделяет сифианские тексты на две группы – трактаты, согласно материалу которых спасение происходит путем нисхождения спасительной фигуры (чаще всего в различных ипостасях) в человеческий мир («Апокриф Иоанна», «Трехлика Протэнной», «Мельхиседек», «Апокалипсис Адама», «Евангелие египтян», «Ипостась архонтов», «Мысль Нореи»), и сочинения, центральная идея которых заключена в визионерской

¹ Williams M. A. The Immovable Race: A Gnostic Designation and the Theme of Stability in Late Antiquity. Leiden: Brill, 1985.

² Rasimus T. Paradise Reconsidered in Gnostic Mythmaking: Rethinking Sethianism in Light of the Ophite Evidence. Leiden: Brill, 2009.

³ Rasimus T. The serpent in gnostic and related texts // Colloque international L'Evangile selon Thomas et les texts de Nag Hammadi. Presses Université Laval, 2007. P. 418.

практике восхождения (духовного вознесения) самого гностика к высшим сферам ради единения с божеством («Зостриан», «Аллоген», «Три стелы Сифа», «Марсан»)¹.

Наконец, настало время перейти к обзору наиболее важных отечественных работ по сифианским сочинениям. Сразу следует отметить, что эти работы по большей части представляют собой подробные научные комментарии к переводам текстов на русский язык. Монографий, полностью посвященных сифианскому гностицизму, в отечественной историографии нет.

Прежде всего, следует сказать об издании Берлинского коптского папируса на русском языке в книге А. С. Четверухина². Берлинский коптский папирус получил название по месту своего хранения в Берлинском музее. Кодекс был приобретен музеем в 1896 г., но впервые был издан только в 1955 г.³ Среди сочинений этого папируса присутствует версия сифианского сочинения «Апокриф Иоанна» – второе сочинение из четырех, содержащихся в рукописи (другие – «Евангелие от Марии», «Премудрость Иисуса Христа», «Деяние Петра», являющийся негностическим⁴). В «Апокрифе Иоанна» (II, 1; III, 1; IV, 1) «сифианский миф» представлен во всей его полноте. Это сочинение представляет собой откровение в форме вопросов и ответов, в котором излагаются представления сифиан относительно библейского повествования о сотворении мира и всемирном потопе. Помимо Берлинского коптского папируса (19, 6–77, 7) этот источник дошел до нас еще в других четырех версиях – в изложении Ириния Лионского в его сочинении «Против ересей» (1.29.1–4), а также во втором (1, 1–32, 9, третьем (1, 1–40, 11) и четвертом (1, 1–49, 28) кодексах Наг-Хаммади. Несмотря на очевидное сходство текстов, они развивались независимо друг от друга. Книга в целом представляет собой перевод издания источника, выполненного В. Тилем в 1955 г. (второе издание подготовил Г.-М. Шенке в 1972 г.), при этом

¹ Turner J. D. Sethian Gnosticism and the Platonic Tradition. Presses Université Laval, 2001. P. 125.

² Сочинения гностиков...

³ Synopsis of Nag Hammadi Codices II,1; III,1; and IV,1 with BG 8502,2: Apocryphon of John / Ed. M. Waldstein and F. Wisse. Leiden, New York and Koln: Brill, 1995. P. 2.

⁴ Сочинения гностиков... С. 84.

А. С. Четверухин дополнил немецкое издание обширным филологическим комментарием.

Необходимо назвать комментированные переводы сифианских сочинений «Ипостась архонтов», «Апокалипсис Адама» и «Трехликая Протэннойя», выполненные А. И. Еланской¹, в основном специализировавшейся на коптской грамматике и синтаксисе. К каждому из переводов А. И. Еланская дала подробный комментарий. Остановимся подробнее на каждом из этих трех сочинений.

«Ипостась архонтов» (II,4) – представляет собой гностическую интерпретацию начального фрагмента Книги Бытия (Gen. 1–6). В центре истории находится конфликт между архонтами (порочными правителями нижнего мира, порождениями демиурга Иалтабаофа) и Нореи, дочери Евы. Целью подобной интерпретации Книги Бытия выступает желание поведать о борьбе за человеческую душу и представить истинную природу архонтов². Говоря о жанровой характеристике «Ипостаси архонтов», выделяют две части трактата – интерпретацию Книги Бытия (описание ведется при этом от третьего лица) и апокалипсис, в котором повествование принимает форму диалога между ангелом Элелет и Нореей. Вопросы Норее в диалоге с Элелет касаются сущности Элелет, происхождения архонтов, вопроса об общем небесном происхождении Норее и архонтов, вопроса о разделении людей на различные роды. Далее следует эсхатологическая часть, которая посвящена определению гносиса и обращение к праведникам, которые будут спасены³.

В «Апокалипсисе Адама» содержатся наставления Адама, находящегося на смертном одре, своему сыну Сифу, своего рода завещание. В своем откровении Адам объясняет потерю спасительного знания им и Евой, передачу этого знания Сифу и его потом-

¹ Еланская А. И. Премудрость Иисуса Христа: апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками. СПб.: Алетейя. 2004 (переводы всех трех текстов); Еланская А. И. Изречения египетских отцов: памятники литературы на коптском языке. СПб.: Алетейя, 2011 (перевод «Трехликой Протэннойя»).

² Gilhus I. S. The Nature of the Archons: A Study in the Soteriology of a Gnostic Treatise from Nag Hammadi (CGII,4). Wien: Otto Harrassowitz Verlag. 1985. P. 15.

³ Подробную передачу содержания текста можно найти, например, в Gilhus I. S. Op. cit. P. 13–20.

кам, сохранение рода Сифа, несмотря на попытки Демиурга уничтожить человечество потопом и огнем. Далее говорится про ожидаемый третий приход Спасителя. В «Трехликой Протэнной» («Троеобразной Протенной»¹) содержатся сведения о том, как, согласно сифианским представлениям, Протэнная проявляет себя в низшем мире в трех формах (как Отец, Голос Мысли, как Мать, Речь Мысли, как Сын, Слово Мысли). В своем очерке «Из гностических сочинений»² А. И. Еланская гораздо больше внимания уделяет описанию учения валентиниан, чем сифиан, про которых пишет, что «Апокалипсис Адама» – это сифианский трактат, «в котором избранные принадлежат к особому великому роду Людей, вос-

¹ В отечественной историографии нет единства в транслитерации названия этого сочинения. У Е. Б. Смагиной (например, «Евангелие египтян» – памятник мифологического гностицизма. Вступительная статья, перевод с коптского и комментарии Е. Б. Смагиной // Вестник Древней Истории. 1995. № 2. С. 239) мы встречаем название «Трехликая Протенной». В книгах А. И. Еланской (Еланская А. И. Изречения египетских отцов...; Еланская А. И. Премудрость Иисуса Христа...) перевод названия дается следующим образом: «Троеобразная Протенная». Другие варианты передачи названия этого текста – у А. Ю. Момы («Тройственная Протоэнной»; см.: Момма А. Ю. Космологический аспект в исследовании гностицизма I–IV вв. URL: <http://astrovic.ru/gnosis/cosmology/00.htm>) и у А. Л. Хосроева («Первомысль в трех образах»; см.: Хосроев А. Л. Александрийское христианство...). По моему мнению, переводить коптский термин на русский язык в названии сочинения некорректно. Добавление буквы «й» и использование буквы «э», а не «е» представляется более правомерным, поскольку таким образом достигается более точная звукопередача этого коптского термина. Так, в статье будет использоваться именно название «Трехликая Протэнной». Показательно, что видоизмененное название перевода А. И. Еланской («Троеобразная Протенной») можно встретить в аннотации к книге: Еланская А. И. Премудрость Иисуса Христа...

² Еланская А. И. Изречения египетских отцов... С. 316–318. Следует упомянуть и о другом очерке «Копты и их литература», напрямую с темой этой статьи не связанном, в котором А. И. Еланская освещает историческую и религиозную обстановку первых четырех веков нашей эры, рассказывает о египетском отшельничестве и монашеской литературе, о возникновении и распространении коптского языка. См.: Еланская А. И. Изречения египетских отцов... С. 5–30.

ходящему к зону Сифу»¹. Про «Ипостась архонтов» (у А. И. Еланской – «Сущность архонтов») вообще не говорится, что этот текст – сифианский. Более того, исследовательница связывает это сочинение с трактатом «О происхождении мира», который обозначает как валентинианский².

Комментарий к переводу «Трекликой Протэнной» гораздо более обширен и подробен, чем комментарии к «Ипостаси архонтов» и «Апокалипсису Адама». А. И. Еланская обобщает употребление в гностических текстах (к сожалению, практически без ссылок на эти тексты, в редких случаях даются отсылки к «Ипостаси архонтов», «Евангелию египтян» и «Апокрифу Иоанна») таких понятий как: «Протэннойя» (первая мысль Отца), «движение» (творческое начало, созидание), «сон» (неведение), «молчание» (выражение непознаваемости, недоступности высшего божества), «Самородный» (Сын, третий член божественной триады), «эон» (жизнь, век, вечность, местопребывание божественных сущностей). А. И. Еланская подробно описывает, как Протэннойя в трех ипостасях появляется в человеческом мире и с какой целью («пробудить ото сна» праведников, принести им знание, гносис, спасти их)³, но при этом не связывает этот мотив с такой основополагающей чертой сифианского гностицизма как представлении о трехкратном приходе Спасителя, не обозначая «Трехликую Протэннойю» как сифианское сочинение. Рассказывая о том, что «в гностических сочинениях не раз упоминаются Пять Печатей» А. И. Еланская пишет, что, по ее мнению, под этим подразумеваются тайные истинные имена Бога, которые открываются только избранным, посвященным (о связи пяти печатей с ритуалом крещения исследовательница не упоминает). Вполне вероятно, что А. И. Еланская на момент перевода этих гностических текстов и составления к ним комментария не была знакома с зарубежной историографией по сифианскому гностицизму (в частности, со статьями Г.-М. Шенке).

Комментированный перевод еще одного сифианского сочинения «Евангелие египтян» был опубликован в 1995 г. Е. Б. Смаги-

¹ Еланская А. И. Изречения египетских отцов... С. 318.

² Там же. С. 317.

³ Там же. С. 372.

ной, крупным специалистом по манихейству¹ и египетскому гностицизму. «Евангелие Египтян» – источник, представляющий историю спасения праведного рода, сочинение мифологического гностицизма. Источник сохранился в двух коптских версиях (дошли до нас в третьем и четвертом кодексах Наг-Хаммади), которые независимо друг от друга были переведены с греческого языка на коптский². Перевод Е. Б. Смагиной снабжен введением, а также подробным комментарием с обилием библиографических ссылок не только по конкретному содержанию текста, но и по сходным традициям в гностических текстах и других (иудейской, манихейской) традициях. Перевод был выполнен по тексту кодекса III, обладающему гораздо лучшей сохранностью, чем текст кодекса IV, по которому Е. Б. Смагина восполнила недостающие страницы. «Евангелие египтян» определено как «типичный пример мифологического трактата», относящегося «к так называемому сифианскому типу», обозначая при этом основные характерные черты сифианского гностицизма³. Е. Б. Смагина уточняет, что в трактате есть и «несифианские» черты, останавливаясь на таком интересном моменте, как синкретизм в гностической мифологии⁴.

Как пишет Е. Б. Смагина, «Евангелие египтян» – одна из наиболее нехристианских книг в Наг-Хаммади, в которой «христология занимает очень малое место и носит, как считают большинство исследователей, вторичный характер», в космогонической части текста наблюдаются значительные пробелы. Главная тема трактата – сотериология, сфокусированная на ритуале небесного крещения⁵. Важными являются краткие очерки о возможной этимологии названия эона Домедона, имен второго члена сифианской триады, Барбело, некой божественной сущности, Мойротеи, четырех свето-

¹ Кефалайа («Главы») Коптский манихейский трактат. Перевод с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е. Б. Смагиной. М.: Восточная литература, 1998; Смагина Е. Б. Манихейство: по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011.

² Nag Hammadi Codices (NHC) III,2 and IV,2: The Gospel of the Egyptians / Ed. and Trans. A. Bohlig and F. Wisse. Leiden: Brill, 1975 (Nag Hammadi Studies (NHS) 4). P. 8.

³ «Евангелие египтян» – памятник... С. 230.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ Там же. С. 232.

чей (Хармозель, Оройаэль, Давейте, Элелет), божественных стражей (Аэросиэль и Селмехел), носителя откровения, Поймаэля (чьё имя вызывает ассоциации с Поймандром, носителем откровения в герметической литературе¹). Внимание в комментарии уделяется толкованию гностических терминов «эон» («и персонифицированная сущность, и пространственно-временная категория»²), «проноя» (промысел, проведение, в тексте источника – обозначение женской ипостаси Бога), «облако» («местопребывание и зримый образ небесной силы», обычно женской сущности³) и многих других.

Нельзя оставить без внимания российских коптологов, чьи работы не посвящены именно сифианскому гностицизму, но без упоминания которых этот историографический очерк был бы неполным. Прежде всего, следует сказать о М. К. Трофимовой, авторе множества работ по раннему христианству и гностицизму, например, книги «Историко-философские вопросы гностицизма»⁴, а также переводов гностических сочинений на русский язык. М. К. Трофимова выполнила переводы, дополнив их обширным историо-филологическим комментарием, следующих несифианских текстов из библиотеки Наг-Хаммади – «Евангелие от Фомы» (II, 2), «Евангелие от Филиппа» (II, 3), «Толкование о душе» (II, 6), «Книга Фомы» (II, 7), «Гром, совершенный Ум» (VI, 2).

В книгах А. Л. Хосроева⁵, исследователя раннего христианства во в Египте и манихейства содержатся переводы таких несифианских сочинений как «Апокалипсис Петра» (VII, 3), «Поучения Силуана» (VII, 4), «Толкование о душе» (II, 6), «Подлинное учение» (VI, 3) и «Свидетельство Истины» (IX, 3). Интересны очерки А. Л. Хосроева по жанровой (исследователь делит дошедшие до нас тексты на следующие группы: евангелия, деяния, послания, диалоги, апокалипсисы, апокрифы, молитвы, литературу премудрости, толкования, богословско-философские мифологические трактаты и

¹ Там же. С. 250.

² Там же. С. 239.

³ Там же. С. 244.

⁴ Трофимова М. К. Указ. соч.

⁵ Хосроев А. Л. История манихейства (Prolegomena). Источники и исследования. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2007.

гомилии¹), идеологической характеристике сочинений из Наг-Хаммади², а также по определению датировки собрания и его возможного владельца³. А. Л. Хосроев видит главную черту сифианского гностицизма не в представлении о Сифе как родоначальнике особого рода («расы» в терминологии исследователя) людей⁴, а в его нехристианском происхождении и мифологической направленности.

Итак, подводя итоги, основные тенденции в изучении сифианского гностицизма в зарубежной историографии можно определить следующим образом. После обнаружения библиотеки Наг-Хаммади, когда исследователи египетского гностицизма получили доступ к собственно гностическим текстам, все собрание некоторое время считалось сифианским (точка зрения Ж. Доресса). Затем в историографии прослеживается тенденция к сокращению количества приписываемых сифианам текстов и к стремлению создать классификацию дошедших до нас сочинений (соотнести их с известными из сочинений ересиологов гностическими группами). В отношении сифиан этой работой прежде всего занимался Г.-М. Шенке, которому мы обязаны существованием системы критериев определения принадлежности того или иного текста к сифианскому гностицизму. Эти критерии можно условно объединить в четыре группы – черты, связанные с самоопределением сифиан, космогонические представления, воззрения на историю своего рода, а также различные текстологические особенности. Взгляд Г.-М. Шенке на сифианский гностицизм отличает то, что он воспринимал эту группу как истинно существовавшую, со стройно прописанной системой представлений. Противоположную точку зрения высказывали Ф. Виссе и К. Рудольф, которые отрицали са-

¹ Хосроев А. Л. Александрийское христианство... С. 26–34.

² Там же. С. 48–56 (особенно для нас интересны страницы 52–53, посвященные группе сифиан).

³ Хосроев А. Л. Из истории раннего христианства (на материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади). М.: Прицельс, 1997. С. 13–43, 101–156, 211–229.

⁴ В свидетельствах ересиологов нет единства, так особую роль Сифу отводили и валентиниане, и «другие гностики» (согласно Иринею Лионскому), и архонтики (согласно Елифанию). См.: Хосроев А. Л. Александрийское христианство... С. 52.

мо существование сифианского гностицизма как единого учения, с чем мы согласиться не можем. Ряд исследователей занимали осторожную позицию, среднюю между представлением Г.-М. Шенке об оформленном религиозно-мифологическом учении и точкой зрения Ф. Виссе о разрозненных группах, условно объединенных ересиологами и названных в их сочинениях сифианами, и в своих работах заменяли термин «сифианский гностицизм» более нейтральными обозначениями для описания мифологии сифиан. Среди них следует назвать Б. Лейтона («классические гностические сочинения»), А. Г. Струмсу, М. А. Уильямса («другое семя» и «неколебимый род») и Т. Расимуса (отождествление сифиан с офитами).

Одной из ранних тенденций в изучении сифианского гностицизма был параллелизм с исследованием представлений школы Валентина. Во время параллельного изучения сифианской и валентинианской групп сифианство рассматривалось как хронологически предшествующее валентинианству и, возможно, послужившее основой характерных для него мифологических представлений. Особого внимания заслуживают работы Дж. Тернера, который был склонен рассматривать сифианский гностицизм в его связи с неоплатонизмом (в основном исследователь обратился к сифианским текстам «Зостриан», «Марсан», «Аллоген» и «Три стелы Сифа», которые сильно отличаются от сочинений сифианского мифологического гностицизма).

Увы, приходится констатировать, что в зарубежной историографии проблема сифианского гностицизма изучена в гораздо большей степени, нежели в отечественной. Отечественная историография по сифианскому гностицизму практически полностью представляет собой комментированные научные переводы коптских текстов на русский язык. Полноценному исследованию по сифианскому гностицизму и по истории его развития на русском языке еще только предстоит появиться, для чего уже созданы более чем благоприятные условия благодаря многолетним трудам отечественных ученых по классификации текстов из библиотеки Наг-Хаммади, а также по переводам с коптского языка как несифианских, так и сифианских текстов, и по созданию обширных комментариев к этим переводам.

Список литературы

1. Афонасин Е. В. «В начале было...» Античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов. СПб., 2002.
2. «Евангелие египтян» – памятник мифологического гностицизма. Вступительная статья, перевод с коптского и комментарии Е. Б. Смагиной // Вестник Древней Истории. 1995. № 2.
3. Еланская А. И. Изречения египетских отцов: памятники литературы на коптском языке. СПб.: Алетейя, 2011.
4. Еланская А. И. Премудрость Иисуса Христа: апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками. СПб.: Алетейя, 2004.
5. Кефалайа («Главы») Коптский манихейский трактат. Перевод с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е. Б. Смагиной. М.: Восточная литература, 1998.
6. Смагина Е. Б. Манихейство: по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011.
7. Сочинения гностиков в Берлинском Коптском Папирусе 8502 / пер. с немецкого и коптского, дополнительные примечания и главы А. С. Четверухина. СПб.: Алетейя, 2004.
8. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М.: Наука, 1979.
9. Хосроев А. Л. Александрийское христианство по данным текстов из Наг Хаммади (II,7; VI,3; VII,4; IX,3). М.: Наука, 1991.
10. Хосроев А. Л. Из истории раннего христианства (на материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади). М.: Прицельс, 1997.
11. Хосроев А. Л. История манихейства (Prolegomena). Источники и исследования. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2007.
12. Doresse J. The Discovery of the Nag Hammadi Texts: A Firsthand Account of the Expedition that Shook the Foundations of Christianity. Rochester, Vermont, 2005.
13. Gilhus I. S. The Nature of the Archons: A Study in the Soteriology of a Gnostic Treatise from Nag Hammadi (CGII,4). Vien: Otto Harrassowitz Verlag. 1985.
14. Klijn A. F. J. Seth in Jewish, Christian and Gnostic Literature. Leiden: Brill, 1977.
15. Layton B. The Gnostic Scriptures: A New Translation with Annotations and Introductions. Doubleday. 1995.
16. MacRae G. Seth in Gnostic Texts and Traditions // Society of Biblical Literature 1977 Seminar Papers / Ed. P. J. Achtemeier; Missoula: Scholars Press, 1977.

17. Marcovich M. *Refutatio omnium haeresium. Hippolytus (Antipope)*. Walter de Gruyter, 1986.
18. Marksches Ch. *Gnosis: An Introduction*. Continuum International Publishing Group, 2003.
19. Nag Hammadi Codices (NHC) III,2 and IV,2: *The Gospel of the Egyptians* / Ed. and Trans. A. Bohlig and F. Wisse. Leiden: Brill, 1975 (Nag Hammadi Studies (NHS) 4).
20. Pearson B. The figure of Seth in Gnostic Literature // *The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978* / Ed. B. Layton. Vol. 2: *Sethian Gnosticism*. Leiden, 1981 (Supplements to Numen, 41).
21. Rasimus T. *Paradise Reconsidered in Gnostic Mythmaking: Rethinking Sethianism in Light of the Ophite Evidence*. Leiden: Brill, 2009.
22. Rasimus T. The serpent in gnostic and related texts // *Colloque international L’Evangile selon Thomas et les texts de Nag Hammadi*. Presses Université Laval, 2007.
23. Robinson J. M. The Three Steles of Seth and the Gnostics of Plotinus // *Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism, Stockholm, August 20–25 1973*. Ed. G. Widengren. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1977. P. 132–142.
24. Rudolph K. Die «Sethianische» Gnosis – Eine haresiologische Fiction? // *The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978* / Ed. B. Layton. Vol. 2: *Sethian Gnosticism*. Leiden, 1981 (Supplements to Numen, 41).
25. Schenke H.-M. Das sethianische System nach Nag-Hammadi-Handschriften // *Studia Coptica*, 1974.
26. Schenke H.-M. The Phenomenon and Significance of Gnostic Sethianism // *The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978* / Ed. B. Layton. Vol. 2: *Sethian Gnosticism*. Leiden, 1981 (Suppl. to Numen, 41).
27. Scholer D. M. *Nag Hammadi Bibliography 1948–1969: Nag Hammadi Studies I*. Leiden: Brill, 1971.
28. Scholer D. M. *Nag Hammadi Bibliography 1970–1994: Nag Hammadi Studies I*. Leiden: Brill, 1997.
29. Scholer D. M. *Nag Hammadi bibliography, 1995–2006: Nag Hammadi Studies I*; Leiden: Brill, 2009.
30. *Synopsis of Nag Hammadi Codices II,1; III,1; and IV,1 with BG 8502,2: Apocryphon of John* / Ed. M. Waldstein and F. Wisse. Leiden, New York and Koln: Brill, 1995.
31. Stroumsa A. G. *Another Seed: Studies in Gnostic Mythology*. Brill Archive, 1984.

32. The Nag Hammadi Library in English / Ed. J. M. Robinson and M. W. Meyer. Leiden: Brill, 1988.
33. Turner J. D. Sethian Gnosticism: A Literary History // URL: <http://jdt.unl.edu/lithist.html>
34. Turner J. D. Sethian Gnosticism and the Platonic Tradition. Presses Université Laval, 2001.
35. Williams M. A. The Immovable Race: A Gnostic Designation and the Theme of Stability in Late Antiquity. Leiden: Brill, 1985.
36. Wisse F. Stalking those elusive Sethians // The Rediscovery of Gnosticism: Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28–31, 1978 / Ed. B. Layton. Vol. 2: Sethian Gnosticism. Leiden, 1981 (Suppl. to Numen, 41).

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО КЛАССИЧЕСКОГО РОМАНА «СОН В КРАСНОМ ТЕРЕМЕ»

Ключевые слова: Сон в красном тереме, рукопись, авторство, комментированное издание, 80-главая версия.

«Сон в красном тереме» – это бытописательный роман о расцвете и падении аристократической семьи. Он всегда вызывал интерес у читателей и привлекал большое внимание критиков. Перед ними встают вопросы, на которые до сих пор нет ответов.

Сразу после написания романа авторская рукопись была утеряна и осталось лишь множество списков и редакций печатных изданий, которые в той или иной степени отличаются друг от друга. И в настоящее время ведутся текстологические исследования сохранившихся рукописей с целью выделить среди них вариант, наиболее близкий к авторскому замыслу и который можно было бы использовать как канонический текст для последующих печатных изданий. Исследователей также интересует авторство романа и точное время его написания, понимание глубинного смысла произведения.

Проблема авторства романа возникла еще в конце XVIII века в связи с тем, что рукопись «Сна в красном тереме» была утеряна. При этом активно продавалось множество его списков, претендовавших на подлинность, между которыми, однако, было много расхождений. Первое печатное издание (1791) базировалось на одном из таких списков. В предисловии издатель писал: «Версии об авторстве романа очень разные и, в конце концов, никто не знает, кто написал роман»¹.

Первым мысль о том, что автором романа является Цао Сюэцинь, высказал литератор Ху Ши. Проведя ряд биографических

¹ Юй Жуй. Цао чуан сяньби (Заметки на досуге у окна под финиковым деревом) // Чжунго гудянь вэньсюэ яньцзю цзыляо хуэйбянь хунлоу мэн цзюань (Сборник материалов для изучения классической литературы. Раздел «Сон в красном тереме»). Пекин, 1963. С. 113.

исследований, он предположил, что в год *цзя-суй* (1754 г.) Цао написал только 16 глав романа (главы 1–8, 13–16, 25–28), остальные же дописывал позже, однако так и не успел завершить произведение¹. Один из учеников Ху Ши, Юй Пинбо, критикуя Ху Ши, отметил, что рукопись года *цзя-суй* изначально была полнее, но со временем от нее осталось только 16 глав, остальное же было утеряно. Если бы точка зрения Ху Ши была верна, то повествование в перечисленных главах, к примеру в 8-ой и 13-ой, было бы логически связным, однако между ними отсутствуют необходимые переходы, из-за чего в какой-то момент нить повествования теряется, то есть отдельные фрагменты рукописи были утеряны. Юй Пинбо согласен с Ху Ши в том, что автором является Цао Сюэцин, но о количестве глав он говорит, что кисти Цао Сюэцина принадлежат только 80 глав романа².

Мнения ученых расходятся также и по поводу последних 40 глав. Чжоу Жучан поддерживает точку зрения Юй Пинбо об авторстве Гао Э. Он уверен, что Гао Э приписал к роману Цао Сюэцина 40 глав Цао Сюэциню. По его мнению, это имело свою политическую подоплеку и стало результатом активной борьбы Цинского правительства против культуры. Развивая эту тему, другие исследователи (У Сяожу, Ши Чаньюй) считают, что последние 40 глав не соответствуют политическим воззрениям и эстетическим идеалам самого Цао Сюэцина, следовательно, не могли быть написаны им. С другой стороны, противники этой точки зрения считают, что эти главы «взялись не из воздуха». По мнению Сяо Лияня, есть немалая вероятность того, что в этой части имеются исправления и дополнения, сделанные другими людьми, но он уверен, что в целом содержание этих глав является творением Цао Сюэцина. Как считает Шу И, последние главы являются логичным завершением сюжета о трагической любви между Баоюем и Дайюй, без которого произведение было бы неполным. Чжоу Шаолян добавляет, что каковы

¹ Ху Ши. Инъинь цянълун цзясуй чжиянь-чжай чунпин шитоу цзи ба (Послесловие к фотолитографии списка года *цзя-суй* правления Цянълуна романа «Записки о камне» с повторными комментариями Чжиянь-чжая). Тайбэй, 1962. С. 4.

² Юй Пинбо. Бяньхоу сыши хуэйдэ хуэйму фэйюанью (Дискуссия по поводу оригинальности последних 40 глав) // Хунлоу мэн яньцзю (Исследование романа «Сон в красном тереме»). Шанхай, 1953. С. 7.

бы ни были недостатки у 120-главой версии романа, сюжет в этой полной версии выстроен гармонично, логично и связно, в нем отсутствуют противоречия и нестыковки. Чжоу Шаолян изучил исторические материалы, связанные с печатным изданием Чэн-Гао и предположил, что последние 40 глав написаны не Гао Э¹.

Некоторые исследователи вообще отрицают авторство Цао Сюэцин и предполагают, что Цао лишь сделал литературную обработку данного произведения, создателем же романа является другой автор, личность которого до сих пор не удается установить². Первым это предположение выдвинул Пань Чунгуй. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, основываются на имеющихся старых комментариях и записях литераторов, утверждающих, что Цао Сюэцин только обработал готовое произведение анонимного автора. Такую версию мы находим в книге Юй Жуя «Заметки у окна под финиковым деревом» (начало XIX века): «Говорят, что когда-то существовала книга «Драгоценное зеркало любви». Другое ее название «Записки о камне» неизвестного автора. Раздобыв эту книгу, Цао Сюэцин обнаружил, что многое написанное в ней совпадает с фактами из жизни его рода. Ее он и использовал как основу для своей книги, пять раз изменял и исправлял ее»³.

В 1981 году в России была опубликована работа Пан Ина, который пришел к выводу, что гипотеза об авторстве Цао Сюэцин вполне достоверна. Исследователь пользовался тремя видами источников: текстом романа, комментариями к разным спискам романа, а также произведениями, написанными близкими друзьями, приняв последний из них как наиболее достоверный. В произведе-

¹ Чан Шу. Хунлоу мэн яньцзю цзяньшу (Краткий очерк исследований романа «Сон в красном тереме») // Чжунго вэньсюэ яньцзю няньцзянь (Ежегодник по исследованиям в области китайской литературы). Пекин, 1981. С. 79.

² Пань Чунгуй. Гуаньюй хунлоу мэндэ цзочжэ хэ сысян вэньти дэ шанцюэ (К вопросу об авторстве и идейном содержании романа «Сон в красном тереме») // Хунлоу мэн яньцзю чжуанькань (Специальный выпуск по изучению романа «Сон в красном тереме»). Вып. 11. Гонконг, 1974.

³ Ху Ши. Инъинь цяньлун цзясую чжиянь-чжай чунпин шитоу цзи ба (Послесловие к фотолитографии списка года цзя-суй правления Цяньлуна романа «Записки о камне» с повторными комментариями Чжиянь-чжая). Тайбэй, 1962. С. 9.

ниях, заметках и комментариях, сделанных друзьями и родными Цао Сюэциня упоминается, о том, что Цао в тот момент писал книгу, и о том, каково содержание этой книги. Все эти данные позволяют сделать вывод о том, что это и был роман «Сон в красном тереме»¹.

Точная **дата написания** романа неизвестна, но в самом раннем известном списке под названием «цзя-суй» в тексте главы 1 есть строчка, которая гласит: «Когда Чжиянь-чжай переписывал и комментировал во второй раз в году *цзя-суй* (1754), было вновь использовано название «Записки о камне»², что, на первый взгляд, позволяет установить верхнюю границу: произведение написано до 1754 года. Однако мы знаем, что роман создавался Цао Сюэцинем на протяжении 10 лет и к моменту смерти автор не успел завершить окончательную редакцию. Таким образом роман остался незавершенным³. Дата смерти Цао Сюэциня точно не известна, примерной считается 1763–1764 гг.⁴. С учетом этого противоречия будем считать, что верхняя граница написания романа – 1764 год.

Что касается существующих **вариантов рукописей и первых печатных изданий** (в том числе утерянных и тех, о которых мы знаем лишь благодаря упоминаниям в других работах), то наиболее подробный и упорядоченный их обзор дал английский ученый Дэвид Стилман в предисловии к английскому изданию 1981 года⁵. Он подразделил их на несколько групп: собственно рукописи, четыре варианта первого печатного издания Чэн-Гао, более поздние комментированные издания и, наконец, комбинированные издания, составленные из различных вариантов текста.

¹ Пан Ин. Несколько гипотез об авторстве романа «Сон в красном тереме» // Текстология китайского классического романа («Речные заводы» и «Сон в красном тереме». СПб.: Нестор-История, 2008. С. 198.

² Пер. с английского; см. Steelman D. L. An introduction to editions of the Red Chamber. 1981. – <http://etext.virginia.edu/chinese/HLM/hlmitre2.htm>

³ Пан Ин. Текстология китайского классического романа («Речные заводы» и «Сон в красном тереме». СПб.: Нестор-История, 2008. С. 241.

⁴ Воскресенский Д. Н. Сага о большой семье // Литературный мир средневекового Китая (собрание трудов). М.: Восточная литература, 2006. С. 563.

⁵ Steelman D. L. An introductions to editions of the Red Chamber. – 1981. <http://etext.virginia.edu/chinese/HLM/hlmitre2.htm>

Интерес представляют выводы уже упоминавшегося исследователя «Сна в красном тереме» Пан Ина, сделанные им в результате анализа так называемой Петербургской рукописи. Изучив текстологические особенности этого списка в ходе сопоставительного анализа петербургской рукописи с остальными известными списками¹, Пан Ин пришел к выводу, что он является одним из наиболее близких к авторскому замыслу, а значит, представляет собой один из наиболее ранних списков романа². Он подтвердил предположение, высказанное по этому поводу Меньшиковым и Рифтиным в описании петербургской рукописи³.

Дискуссии по поводу датировки написания романа и идентификации списков и печатных изданий сопровождаются спорами о количестве глав в авторском варианте романа. Существует три варианта романа: 120-главый, 100-главый и 80-главый, причем наибольшее распространение сначала получил последний.

Вариант, содержащий 120 глав появился впервые в виде первого печатного издания Чэн-Гао в 1791 году. При этом в предисловии к изданию Чэн Вэйюань сообщает, что все списки до этой редакции имели всего 80 глав, тогда как у него были сведения, что в авторском списке должно быть 120 глав. В результате тщательных поисков он нашел недостающие 40 глав и после переработки романа отдал его в печать. По мнению китайского исследователя Юй Пинбо, последние 40 глав были написаны Гао Э⁴, так как эта часть романа своей выразительностью и изящностью слога сильно уступает исходным 80 главам. Однако это лишь предположение, не доказанное фактами. Для того, чтобы с уверенностью принять или опровергнуть эту точку зрения, требуется тщательный текстологический анализ.

¹ См.: Пан Ин. По поводу неизданной рукописи «Хун лоу мэн», хранящейся в Санкт-Петербурге // Текстология китайского классического романа («Речные заводы» и «Сон в красном тереме»). СПб.: Нестор-История, 2008. С. 221–223.

² Пан Ин. Там же. С. 223.

³ Меньшиков Л. Н., Рифтин Б. Л. Неизвестный список романа «Сон в красном тереме» // Народы Азии и Африки, 1964. № 5.

⁴ Юй Пинбо. Бянь хоу сыши хуэй дэ хуэйму фэй юанью (Дискуссия по поводу оригинальности последних сорока глав) // Хунлоу мэн яньцзю (Исследования романа «Сон в красном тереме»). Шанхай, 1955. С. 879.

Изучив записи и комментарии современников и в том числе близких и друзей Цао Сюэциня, в которых упоминается и о самом писателе и о его произведении, исследователь «Сна в красном тереме» Пан Ин предположил, что роман вероятнее всего должен был состоять из 100 глав.

Немало проблем вызывают **анализ и интерпретация содержания** романа.

Не совсем правильное толкование некоторых обычаев и привычек героев влечет за собой некорректную интерпретацию того или иного сюжетного хода. Решение этой проблемы Дэвид Стилман видит в тщательном изучении комментариев, сделанных к первым печатным изданиям романа «Сон в красном тереме». Авторы этих комментариев в любом случае ближе к месту и времени создания романа «Сон в красном тереме» и могут оказаться наиболее полезными для прояснения непонятных фрагментов. К тому же, по полученному образованию они ближе к автору, чем современный читатель. В таком сложном литературном произведении, как «Сон в красном тереме», знакомство с литературным багажом автора и культурным фоном произведения имеет огромное значение и помогает уловить в нем авторский смысл¹.

Большое количество главных и второстепенных героев с их «линией жизни» также усложняет работу исследователей.

Проблемой изучения персонажей романа китайские филологи заинтересовались еще в XIX веке. В частности Ван Силян, один из филологов, оставивших комментарии к роману, нашел любопытный подход, к анализу персонажей. По его мнению, особое значение для человека имеют счастье (*фу*), долголетие (*шоу*), талант (*цай*) и добродетель (*дэ*), и только все эти четыре качества в совокупности определяют подлинное достоинство личности. По мнению Ван Силяна, им обладает лишь старая госпожа Цзя. Остальных персонажей он характеризует так: «У Цзя Цзина и Цзя Шэ нет ни добродетели, ни таланта; Цзя Чжэн обладает добродетелью, но лишен таланта; у Цзя Ляня сызмальства был талант, но не было добродетели, а у Цзя Чжэня не было ни того ни другого» и т.д.².

¹ Steelman D. L. An introductions to editions of the Red Chamber. 1981. URL: <http://etext.virginia.edu/chinese/HLM/hlmitre2.htm>

² Воскресенский Д. Н. Сага о большой семье // Литературный мир средневекового Китая (собрание трудов). Москва, 2006. С. 570.

Большой интерес представляют «говорящие» имена героев: в большинстве случаев это словосочетания, омонимы которых несут определенный смысл и характеризуют носителя. Китайский филолог У Шичан, проанализировав имена персонажей из первых 80 глав, попытался восстановить предполагаемую их судьбу, как это мог задумать автор. А на основе содержания вставленных в текст стихов он нарисовал вектор развития действия в романе. Это исследование имеет большое значение для изучения текстологии произведения¹.

Особое внимание исследователей привлекает развитие любовной линии романа. Любовь между Баоюем и Линь Даюй заканчивается трагедией: Баоюя обманом женят на другой, и Дайюй умирает от горя. Однако развитие и развязка этой сюжетной линии происходит в последних 40 главах, вопрос об авторстве которых остается открытым. В связи с этим некоторые исследователи на основе первых 80 глав дают свои собственные предположения об изначальном замысле автора относительно судьбы Баоюя и его сестер.

Одну из наиболее любопытных догадок излагает Л. Н. Меньшиков. Помимо Линь Дайюй и Сюэ Баочай, еще одна сестра Баоюя, Ши Сяньюнь, могла бы быть «претенденткой» на роль его жены. В подтверждение догадки, что такой поворот событий согласуется с первоначальным замыслом автора, приводятся некоторые эпизоды из текста, в том числе и из ключевой главы, где Баоюй попадает в страну Грез и находит стихи, в которых в зашифрованной форме предсказывается судьба его сестер. Трагичная судьба Сяньюнь, о которой повествуется в последних главах 120-главой версии романа, противоречит предсказанному ей в пятой главе «безбрежному счастью». Исследователи намекают на некоторую степень автобиографичности романа и приводят стихи друзей Цао Сюэцзиня, упоминающих о последней его жене, с которой он был счастлив. Сопоставляя этот факт с фактами в тексте романа, было бы логично

¹ Чан Шу. Хунлоу мэн яньцзю цзяньшу (Краткий очерк исследований романа «Сон в красном тереме») // Чжунго вэньсюэ яньцзю няньцзянь (Ежегодник по исследованиям в области китайской литературы). Пекин, 1981. С. 78.

предположить, что именно Ши Сяньюнь должна была выйти замуж за Баоюя, с тем чтобы они принесли друг другу счастье¹.

Вызывает дискуссии и образ главного героя – Цзя Баоюя. В частности Дин Чжэньхай в своей работе «Гуаньюй цзя баоюй пинлуньчжун дэ цзигэ вэньти» («О некоторых проблемах в изучении образа Цзя Баоюя») оценивает этого персонажа как образец героя, отражающего зарождение ёновых экономических отношений, однако и подчеркивает, что его нельзя охарактеризовать просто как представителя переживавшей в то время подъем мелкой городской буржуазии или вымирающей аристократии. Бунтарский дух Баоюя нельзя объяснять только лишь его желанием вернуться в «пустоту» и результатом воспитания на женской половине, на формирование его повлияла и суровая борьба в реальной жизни между новым и традиционным².

Много внимания уделяется и женским образам, например, одной из сестер Баоюя – Цзя Таньчунь. Сюэ Жуйшэн пишет о симпатии и даже восхищении автором этой героиней и считает, что создание образа Таньчунь само по себе уже говорит о некоторой отсталости взглядов Цао Сюэциня, выражающейся в мечтах о спасении умирающего феодального строя, хотя он сам объективно показал, что спасти его нельзя. Ма Гоцюань считает, что Таньчунь не является для автора положительным персонажем или эталоном поведения. Описывая ее неудачи в управлении хозяйством, автор лишь пытается показать, что гибель феодального общества является естественным и неизбежным этапом исторического процесса. По мнению Ду Цзинхуа, с точки зрения самого описания героини и с точки зрения симпатий автора, Таньчунь – положительный образ. «Автор изобразил двух персонажей, которые идут против феодального общества – это Цзя Баоюй и Линь Дайюй; а также изобразил и персонажа, который предпочел бы сохранить феодальное общество, – это Цзя Таньчунь. Таким образом в произведении отра-

¹ Меньшиков Л. Н. Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы // Сон в красном тереме. Т. 1. М.: Художественная литература, 1997. С. 14.

² Чан Шу. Хунлоу мэн яньцзю цзяньшу (Краткий очерк исследований романа «Сон в красном тереме») // Чжунго вэньсюэ яньцзю няньцзянь (Ежегодник по исследованиям в области китайской литературы). Пекин, 1981. С. 78.

зились противоречивые взгляды и переживания автора»¹. На наш взгляд, такой подход к анализу героев романа грешит вульгаризаторством и снижает художественную ценность романа.

Итак, изучение различных вопросов, связанных со «Сном в красном тереме», началось еще в конце XVIII века, почти сразу после смерти автора. Основную проблему создало наличие многочисленных рукописей и изданий романа. Установление авторства как всего произведения, так и отдельных его частей, и изучение самого текста романа до сих пор остаются предметом дискуссий. В России история изучения «Сна в красном тереме» началась в 1832 году, когда П. Курляндцев привез из Китая в Петербург вариант романа, состоящий из восьмидесяти глав. Чуть позже, в 1843 году начало первой главы было опубликовано в переводе И. Кованько в первом номере журнала «Отечественные записки». В дальнейшем, в XX веке, многие отечественные синологи интересовались изучением данного произведения. Известны обширные обзорные статьи Д. Н. Воскресенского², Л. Н. Меньшикова³, Н. Т. Федоренко⁴, а также подробное описание обнаруженной в 1962 году так называемой «петербургской рукописи» романа, опубликованное Л. Н. Меньшиковым и Б. Л. Рифтиным в 1964 году⁵, и труд О. Лин-лин⁶, посвященный портретам двух главных женских фигур в романе.

¹ Чан Шу. Хунлоу мэн яньцзю цзяньшу (Краткий очерк исследований романа «Сон в красном тереме») // Чжунго вэньсюэ яньцзю няньцзянь (Ежегодник по исследованиям в области китайской литературы). Пекин, 1981. С. 78.

² См.: Воскресенский Д. Н. Сага о большой семье – см.: Литературный мир средневекового Китая: собрание трудов. М.: Восточная литература, 2006.

³ См.: Меньшиков Л. Н. Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы // Сон в красном тереме. Т. 1. М.: Художественная литература, 1997.

⁴ См.: Федоренко Н. Т. Китайский роман и «Сон в красном тереме» // Сон в красном тереме. Т. 1. М.: Художественная литература, 1958.

⁵ См.: Меньшиков Л. Н., Рифтин Б. Л. Неизвестный список романа «Сон в красном тереме» // Народы Азии и Африки, 1964. № 5.

⁶ См.: Лин-Лин О. Два женских портрета в романе Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». М., 1974.

На многие вопросы удалось найти убедительные ответы, однако споры не утихают, и изучение романа «Сон в красном тереме» нельзя считать завершенным.

Список литературы

1. Воскресенский Д. Н. Сага о большой семье // Литературный мир средневекового Китая: собрание трудов. М.: Восточная литература, 2006.
2. Меньшиков Л. Н. Роман «Сон в красном тереме» – вершина китайской классической литературы // Сон в красном тереме. Т. 1. М.: Художественная литература, 1997.
3. Пан Ин. Текстология китайского классического романа («Речные заводи» и «Сон в красном тереме»). СПб.: Нестор-История, 2008.
4. Пань Чунгуй. Гуаньюй хунлоу мэндэ цзочжэ хэ сысян вэньти дэ шанцюэ (К вопросу об авторстве и идейном содержании романа «Сон в красном тереме») // Хунлоу мэн яньцзю чжуанькань (Специальный выпуск по изучению романа «Сон в красном тереме»). Выпуск 11. Гонконг, 1974.
5. Ху Ши. Инъинь цяньлун цзясуй чжиянь-чжай чунпин шитоу цзи ба (Послесловие к фотолитографии списка года цзя-суй правления Цяньлуна романа «Записки о камне» с повторными комментариями Чжиянь-чжая). Тайбэй, 1962.
6. Чан Шу. Хунлоу мэн яньцзю цзяньшу (Краткий очерк исследований романа «Сон в красном тереме») // Чжунго вэньсюэ яньцзю няньцзянь (Ежегодник по исследованиям в области китайской литературы). Пекин, 1981.
7. Юй Жуй. Цзао чуан сяньби (Заметки на досуге у окна под финиковым деревом) // Чжунго гудянь вэньсюэ яньцзю цзыляо хуэйбянь хунлоу мэн цзюань (Сборник материалов для изучения классической литературы. Раздел «Сон в красном тереме»). Пекин, 1963.
8. Юй Пинбо. Бянь хоу сыши хуэй дэ хуэйму фэй юанью (Дискуссия по поводу оригинальности последних сорока глав) // Хунлоу мэн яньцзю (Исследования романа «Сон в красном тереме»). Шанхай, 1955.
9. Steelman D. L. An introduction to editions of the Red Chamber. 1981. – <http://etext.virginia.edu/chinese/HLM/hlmitre2.htm>

РАННИЙ ПЕРИОД АМЕРИКАНО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1860–1870-е гг.) В ОСВЕЩЕНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ВОСТОКОВЕДАМИ

Ключевые слова: история Кореи, американо-корейский договор, дальневосточная политика США, «открытие» Кореи

Значительный вклад в изучение раннего периода американской политики в Корее внесли видные советские историки В. Я. Аварин, М. Г. Галкович, Р. Ш. Ганелин, А. Ф. Добров, Л. И. Зубок, А. А. Мурадян, А. Л. Нарочницкий, В. П. Нихамин, Б. Д. Пак, А. С. Суворов, Г. Д. Тягай, Н. А. Халфин. После 1990-х гг. углубленных исследований по этой теме не проводилось. Важные сведения представлены в труде современника рассматриваемой эпохи, российского дипломата А. М. Поджио¹.

В 1860–1870 гг. Корея стала объектом колониальной агрессии ряда западных держав, среди которых США не стали исключением. На протяжении более двух веков Корея являлась «запретной страной», «королевством-отшельником», закрытым для иностранного проникновения. Незначительные контакты с внешним миром заключались в строго регламентированной торговле с Китаем и Японией – определенное количество раз в году, в определенных законом местах на границе с Китаем устраивались ярмарки, два раза в месяц в порту Пусан разрешалась торговля с японцами². Однако, полученные от миссионеров сведения о естественных природных богатствах полуостровного государства, а также его выгодное стратегическое положение между Китаем и Японией давали основания странам Запада вступить в соперничество за «открытие» столь важного стратегического форпоста³. Политика США раннего

¹ Поджио М. А. Очерки Кореи. СПб., 1892. 391 с.

² Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960. С. 20.

³ Ганелин Р. Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866–1871) // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 8. С. 82.

периода в корейском вопросе носила характер открытой демонстрации военной силы¹.

С «открытием» Японии Соединенными Штатами в 1854 г. европейские державы обратили особое внимание на Корею. Как отмечает Н. А. Халфин, внешняя политика Линкольна во многом определялась его госсекретарем У. Сьюордом, сторонником широкой экспансии в Азии, выражавшим интересы состоятельных слоев северо-восточных и тихоокеанских штатов. Н. А. Халфин приходит к выводу, что внешняя политика США, руководимая Сьюордом, «обеспечивала дальнейшее развитие их агрессии и расширение политического влияния на Востоке»². В. Я. Аварин объясняет попытки американцев закрепиться в Корее их вытеснением из Японии англичанами, занявшими там господствующее положение³.

Нередкими гостями в корейских прибрежных водах стали и американские суда. Довольно часто базировавшиеся в порту Хакодате китобойные суда вели незаконный промысел в корейских владениях, и поэтому, несмотря на жесткую «политику изоляционизма», объявленную корейским принцем-регентом (тэвонгуном), корейским властям нередко приходилось встречать потерпевшие крушения экипажи и оказывать всю необходимую помощь при возвращении на родину.

Сложившееся представление о корейцах как об исключительно миролюбивых людях побудило американские власти предпринять более настойчивые меры для установления торговых отношений с Кореей. В августе 1866 г. гамбургский купец и авантюрист Эрнст Опперт, зашедший на американском пароходе «Empregor» в устье реки Ханган около острова Канхва, провел безуспешные переговоры относительно установления торговых отношений с губернатором провинции Канхва. Последовавшая вслед за этим событием вооруженная экспедиция стала последней каплей, переполнившей чашу терпения местных властей, и послужила отправной точкой к открытому противостоянию западному вмешательству во внутрен-

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945) / под ред. Е.М. Жукова. М., 1951. С. 22.

² Халфин Н. А. Американская экспансия в странах Азии в 40–60-е годы XIX века // Народы Азии и Африки. 1962. № 6. С. 75.

³ Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии. Их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952. С. 53.

ний уклад Кореи вплоть до 1882 г. Вошедшее в историю «дело Шермана» явилось прекрасным поводом для американских властей использовать его в осуществлении поставленной цели, а именно – установлении торговых отношений, для чего от имени официальных американских властей в Корею были направлены военно-морские силы. В этой связи спровоцированный американской стороной инцидент с участием шхуны «Генерал Шерман» получил подробное рассмотрение в работах советских историков.

В июле 1866 г. американская шхуна «Генерал Шерман» прибыла в Тяньцзинь и выгрузила товары, предназначенные для английской фирмы «Мидоуз энд Ко». Наряду с обычным грузом на борт были погружены оружие, порох и другие контрабандные позиции, предназначенные для ограбления королевских могил в окрестностях Пхеньяна. Предполагалось выкрасть трупы, считавшиеся у корейцев священными, и затем потребовать от корейских властей выкуп¹. Ответственность за экспедицию нес владелец судна Престон, проводником и переводчиком выступал английский миссионер Томас. 9 августа «Генерал Шерман» вышел из Чифу и взял курс на северо-запад к устью реки Тэдонган. На основании корейских источников Р. Ш. Ганелин выяснил следующие обстоятельства. В море американцы перехватили китайскую джонку и под угрозами потребовали сопровождать их до устья реки Тэдонган. Вопреки вежливым предупреждениям местных властей шхуна пошла вверх по реке и 18 августа остановилась у волостного центра Хванчжу. Местные власти трижды снабжали экспедицию рисом и мясом². Местный правитель (мокса) Чон Дэ Сик лично поднялся на шхуну выяснить о причинах появления иностранного судна и разъяснить незаконность его пребывания, однако ему было сказано: «Кто может помешать нашему движению к Пхеньяну? Как только подует западный ветер, мы поднимем паруса». 22 августа по бурным потокам воды шхуна не без труда достигла морских ворот Пхеньяна. Пытавшегося помешать проникновению судна в город начальника обороны Пхеньяна полковника Ли Хён Ика и сопровождавших его двух чиновников американцы неожиданно взяли в

¹ Ганелин Р. Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866–1871) // Вестник Ленинградского университета. 1951. № 8. С. 87.

² Там же. С. 88.

заложники и потребовали за его освобождение рис, золото, женьшень и других корейцев, чтобы в дальнейшем их также использовать для шантажа. Лишь 28 августа после решительных протестов местных властей, полковник и его спутники были выброшены с борта американской шхуны, причем один из спутников утонул¹. По сведениям, собранным русским посланником в Пекине А. Влангали у корейцев, местные жители подверглись обстрелу, когда попытались спасти сановника². Последней каплей стало разграбление корейских судов на пути у «Шермана» и стрельба по местным жителям, в ходе которой погибло 18 человек. После того, как все способы в отношении непрошенных гостей были испробованы, и 31 августа поступили сведения, что Престон не намерен оставить Корею, губернатор Пхеньяна (камса) отдал распоряжение изгнать бандитов силой³. «Генерал Шерман» был сначала загнан на мель, а затем подожжен при помощи лодки, нагруженной воспламеняющимся веществом. Судно с находившимся на нем экипажем было уничтожено.

Затянувшееся на несколько лет расследование «дела о Шермане» показало, что именно экипаж спровоцировал конфликт. Дипломатические представители Вашингтона в Пекине и Шанхае были осведомлены об обстоятельствах гибели «Шермана», об оказанной накануне помощи другому американскому судну, потерпевшему кораблекрушение. Однако американские власти прибегли к тому, чтобы использовать эпизод с «Шерманом» как повод к новой провокации⁴.

Под предлогом «выяснения фактов гибели шхуны» госсекретарь США У. Сьюорд в марте 1867 г. предложил Великобритании, Франции и России организовать совместную экспедицию в Корею. В беседе с А. Е. Влангали американский представитель в Пекине Бэрлинхэм сообщил о приглашении американских властей принять участие в вооруженной экспедиции в Корею, намекнув на возмож-

¹ Нихамин В. П. Вероломное нападение на Корею в 1871 г. // Краткие сообщения института востоковедения. 1953. С. 55.

² Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 2004. М. 101.

³ Нихамин В.П. Вероломное нападение на Корею... С. 56.

⁴ Ганелин Р.Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая... С. 88.

ное участие французской и британской сторон. А. М. Горчаков дал указание Влангали уклониться от этого предложения¹.

Американские власти под видом расследования происшествия намеревались выяснить возможные пути установления торговых отношений. Имели место далеко идущие замыслы. А. С. Суворов, например, сообщает о том, что посланник США в Петербурге Касиус Клей, узнав в 1867 г. о планах экспедиции в Корею, предложил У. Сьюорду захватить порт Гамильтон на юге Кореи, приравняв его по значению к Гибралтару. В этом он видел «возможность держать позиции против естественных врагов США Англии и Франции на Тихом океане». В духе «новой и большой политики экспансионизма» Клей предрекал большое будущее Китаю, Японии и Индии, в отношении с которыми Соединенным Штатам отводил роль «хозяина положения». При этом Корее отводилась роль «моста» на пути продвижения США к главному объекту своих устремлений – Китаю².

В разгар подготовки к проникновению в Корею в 1867 и 1868 гг. состоялись разведывательные экспедиции, в ходе которых «собирались сведения об обстоятельствах гибели Шермана». Подробности еще одной авантюристической «экспедиции за трупами», предпринятой бывшим переводчиком американского консульства в Шанхае Дженкинсом в сотрудничестве с немецким купцом Оппертом и французским миссионером Фероном, не так давно избежавшим казни в Корее, приведены в книге Г. Д. Тягай. В ней сообщается, что участники экспедиции везли проект американо-корейского договора из 21 пункта, с помощью которого рассчитывали открыть все крупные порты Кореи³. 30 апреля 1867 г. нанятый Дженкинсом корабль «China» под северо-германским (в целях маскировки) флагом отправился из Шанхая в Нагасаки.

В японском порту на борт судна было принято десять заблаговременно завезенных ящиков оружия и инструментов. Спустя два дня судно направилось в сторону Кореи и 9 мая зашло в залив Асан

¹ Цит. по: Нарочницкий А. Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70 гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1953 г. Т. 44. С. 167; АВГР. Гл. архив. 1-1. 1867. Д. № 177.

² Суворов А. С. Экспансия США в Корее во второй половине XIX в. (1866–1882 гг.) / дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955. С. 72.

³ Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи... С. 42.

провинции Чхунчхондо. Цель «археологов» – могильник с саркофагом Нам Ён Гуна находился приблизительно в 35–40 милях от морского побережья в месте Кандон уезда Токсан. Когда наемные моряки занялись раскопками, собрались местные жители и стали забрасывать пришедших иностранцев палками и камнями. Американцам пришлось бросить раскопки и бежать, ведя на ходу беспорядочную стрельбу в местных жителей. Благодаря туману отряду Дженкинса удалось избежать участи «шермановцев». Предприятие Опперта – Дженкинса получило скандальную огласку¹ не только во всей Корее, но и в соседнем Китае. По мнению Г. Д. Тягай, представители европейских держав, опасаясь, что «корейский лакомый кусок» достанется США, неодобрительно отнеслись к действиям американцев в Корее². Американская дипломатия, безрассудно поддержав эту аферу, просчиталась в намерении сыграть на религиозных чувствах корейцев в достижении планов по «открытию» Кореи. Американцы были вынуждены судить Дженкинса, но «в силу недоказанности преступления» авантюрист был оправдан.

В этот период для американцев складывалась благоприятная обстановка на Дальнем Востоке в связи с тем, что внимание главных конкурентов США было приковано к европейским событиям и положению на Ближнем и Среднем Востоке. Под предлогом «выяснения обстоятельств» гибели «Генерала Шермана» американские военные корабли беспрепятственно могли заходить в пределы Кореи и заниматься сбором необходимых сведений. В январе 1867 г. адмирал Белл по запросу Берлинхэма направил военное судно «Wachusett» под командованием опытного офицера и дипломата Шуфельдта, которому предписывалось не только выяснить обстоятельства гибели «шермановцев», но и «произвести такое дальнейшее обследование, какое будет практически возможно». В ходе экспедиции Шуфельдту удалось установить, что «Генерал Шерман» стал жертвой собственной провокации. Весной 1868 г. в Корею был направлен пароход-фрегат «Shenandoah» под командованием Фебигера. Фебигер попытался проникнуть по реке Тэдонган во внутренние районы Кореи и также как Шуфельдт попытался убедить корейские власти «открыть» Корею для иностранной тор-

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945)... С. 23.

² Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи... С. 43.

говли. Однако, по уточнению М. А. Поджио, члены экспедиции не учли топографических особенностей Тэдонгана – река судоходна лишь на незначительном расстоянии от устья только для судов с небольшой осадкой, и вследствие большого осадка фрегата¹ от этой идеи пришлось отказаться. Фебигеру лишь был вручен ответ на письмо Шуфельдта с разъяснением обстоятельств гибели шхуны «Генерал Шерман».

Данные, полученные в ходе двух экспедиций, дали американским правящим кругам основания для перехода к более жестким мерам давления на корейские власти. В конце 1868 г. американские власти продолжили обсуждение планов по «открытию» Кореи. Состоялись совещания американских посланников в Китае и Японии с участием военного командного состава. В 1869 г. пост госсекретаря занял экспансионист Гамильтон Фиш, который поддержал идею предшественника о проникновении в Корею, и уже в мае 1871 г. американское правительство направило в Корею значительную «военно-дипломатическую миссию» в составе шести военных кораблей, возглавляемую посланником США в Китае Ф. Лоу и контр-адмиралом Дж. Роджерсом – оба были назначены на новые должности в декабре 1869 г. с возложенными на них полномочиями осуществления экспедиции. Образцом должна была послужить миссия commodore Перри в Японию², результатом которой стало заключение Канагавского договора 1854 г. Успех предстоящего похода в Корею связывался с усилением американского влияния в Китае.

Активизации американской политики на дальневосточном направлении способствовали внутриевропейские противоречия 1870–1871 гг. В частности, Англия проводила подготовку к усилению антирусской кампании в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Франция, проигравшая войну Пруссии, вынуждена была отказаться от реализации планов в Корее. Б. Д. Пак в своей книге впервые сообщает о том, что в начале апреля 1871 г. Ф. Лоу сделал А. Влангали вторичное предложение о совместной экспедиции в Корею для заключения соглашения о кораблекрушениях, указывая на то, что об истинной цели посылки эскадры Роджерса – установ-

¹ Поджио М. А. Очерки Кореи. СПб., 1892. С. 5.

² Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 2004. С. 104.

лении дипломатических и торговых отношениях – американцы замалчивали¹.

Россия придерживалась позиции необходимости сохранения замкнутого положения Кореи. После захода русского корабля в Вонсан в 1866 г. и добровольного его ухода, Россия вплоть до 1884 г. не предпринимала новых попыток установить торговые отношения со своим соседом. Русско-корейские отношения ограничивались местными переговорами пограничных властей по поводу переселения корейцев на территорию России². Это было продиктовано военно-экономической слабостью России на Дальнем Востоке.

Таким образом, американцы могли беспрепятственно и в одиночку действовать на Дальнем Востоке в то время, как внимание других держав было отвлечено от происходившего в этом регионе. Не случайно, по мнению М. Г. Галковича, Америка впоследствии будет «хлопотать» за независимое (от Китая) корейское королевство, соблюдая «нейтралитет» во время японо-китайской войны и внимательно наблюдая за русско-японским конфликтом. Соединенным Штатам были выгодны усиление влияния своего «сторожа и охранника на Дальнем Востоке» Японии и потеря независимости Китая, где американцы могли беспрепятственно проводить «политику открытых дверей»³.

16 мая «корейский экспедиционный флот» направился из Нагасаки в сторону западного побережья Кореи с развевающимся на флагмане девизом «На Сеул!». В. П. Нихамин указывает на то, что посылка американскими властями группы капитана Блэйка к Сеулу была чистой провокацией, рассчитанной на военное столкновение⁴. А. Ф. Добров, обращая внимание на провокационный характер экспедиции: 30 мая эскадра вошла в морские ворота Сеула – пролив Канхва и демонстративно стала на якорь вблизи укрепления на подступах к столице, также отмечает, что американский

¹ Там же.

² Суворов А. С. Экспансия США в Корею... С. 91.

³ Галкович М. Г. С. Штаты и дальневосточная проблема. М.–Л., 1928. С. 41.

⁴ Нихамин В. П. Вероломное нападение на Корею... С. 61.

представитель Лоу с самого начала стремился не к ведению переговоров, а к тому, чтобы спровоцировать столкновение с ними¹.

Отказ принять корейских чиновников уже означал вызов корейскому правительству. В приведенной А. С. Суворовым статье из «Кронштадского вестника» от 1 сентября 1871 г. содержатся выдержки из новой инструкции Блэйку, в соответствии с которой в случае противодействия «научным изысканиям» требовалось «...ответить силой и по возможности уничтожить людей и место, откуда будет произведено нападение»². С этими указаниями 1 июня «геодезическая группа» двинулась на главные корейские укрепления, но и на этот раз получила достойный отпор со стороны корейцев. После получения положительного ответа Вашингтона на применение агрессии, 10 июня «карательный отряд» из 750 человек совершил неожиданное нападение на первый форт на подступе к Сеулу Чходжиджин. Против современного по тем меркам американского оружия «Ремингтон» в ход шли подручные средства, огонь, песок. Бой продолжался до последнего корейского солдата. Число жертв составило 350 человек с корейской стороны³ и 3 – с американской. Трехнедельная экспедиция в полной мере показала американским властям несостоятельность их намерений «открыть» Корею силовыми методами и, в этой связи, явилась заключительной в серии военизированных рейдов вблизи ее территории.

Неудача этой экспедиции заставила американское правительство отказаться от планов прямого захвата⁴. Когда Конгресс отказал Роджерсу в просьбе о новой более оснащенной экспедиции, Лоу обратился к правительству США с призывом об организации совместно с другими западными державами вторжения в Корею. Однако это предложение осталось без ответа, поскольку американ-

¹ Добров А. Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952. С. 51.

² Суворов А.С. Экспансия США в Корею во второй половине XIX в. ... С. 151.

³ Вебер писал о 500 погибших местных жителях // Донесение российского поверенного в делах в Сеуле Вебера директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву. Сеул, 22 января 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1. Л. 194.

⁴ Добров А. Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952. С. 52.

ские власти приняли решение действовать через дружественных им японцев. США в ущерб интересам Англии заключили торговое соглашение с Японией, по которому японской стороне было передано значительное количество вооружения. Обладая им, Япония смогла в 1876 г. пригрозить войной и навязать Корее неравноправный договор. Именно с этого периода Япония при энергичной поддержке США начала осуществлять свою агрессию в Корее¹.

Усиление японского контроля над Кореей, по мнению А. А. Мурадяна, отвечало американским внешнеполитическим интересам, это была «плата» за благожелательное отношение с японской стороны к распространению американского влияния в тихоокеанском регионе. Он приходит к выводу о том, что американской дипломатии было выгодно «канализировать» японскую экспансию на Азиатский материк, где ее ожидало столкновение с Китаем².

Американо-корейский договор был заключен в 1882 г. при содействии Китая, заинтересованного в ослаблении японского влияния на полуострове. Американцам удалось добиться согласия на установление торговых связей между США и Кореей, спекулируя на японо-китайских противоречиях и напряженности русско-китайских отношений³. Договор предоставлял американцам большие возможности эксплуатации природных богатств Кореи – они добились заключения ряда контрактов на каботажное пароходство, добычу жемчуга, рубку леса на некоторых островах у берегов Кореи⁴.

Период 1860–1870-х гг. стал началом колониальной политики в Корее. В этот период США наряду с Англией и Францией включились в борьбу за «открытие» Кореи и утверждение своего влияния на Дальнем Востоке. Корея не стала исключением в практикуемой в середине XIX в. под лозунгами «альтруизма» и «гуманности» американской «дипломатии канонерок».

¹ Там же.

² Мурадян А. А. Американская историография тихоокеанской политики США в XIX в. М., 1975. С. 106.

³ Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи... М., 1960. С. 58.

⁴ Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969. С. 184–185.

Список источников и литературы

1. Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан. Агрессия США и Англии. Их противоречия и освободительная борьба народов. М., 1952.
2. Галкович М. Г. С. Штаты и дальневосточная проблема. М.–Л., 1928.
3. Ганелин Р. Ш. Из истории агрессии США против Кореи и Китая (1866–1871) // Вестник Ленинградского университета, 1951, № 8.
4. Добров А. Ф. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952.
5. Зубок Л. И. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945) / под общ. ред. Е. М. Жукова. М., 1951.
7. Мурадян А. А. Американская историография тихоокеанской политики США в XIX в. М., 1975.
8. Нарочницкий А. Л. Экспансия США на Дальнем Востоке в 50–70 гг. XIX в. // Исторические записки. Т. 44. М., 1953.
9. Нихамин В. П. Вероломное нападение на Корею в 1871 г. // Краткие сообщения института востоковедения. 1953.
10. Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 2004.
11. Поджио М. А. Очерки Кореи. СПб., 1892.
12. Суворов А. С. Экспансия США в Корею во второй половине XIX в. (1866–1882 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1955.
13. Тягай Г. Д. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960.
14. Халфин Н. А. Американская экспансия в странах Азии в 40–60-е годы XIX века // Народы Азии и Африки. 1962. № 6.
15. Донесение российского поверенного в делах в Сеуле Вебера директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву. Сеул, 22 января 1887 г. // АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1. Л. 194.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МАКЕДОНСКОГО ВОПРОСА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Ключевые слова: Македония, Панславизм, Историография, Османская Империя, Россия.

Во внешней политике Российской Империи одно из важнейших мест занимало балканское направление. Национально-освободительное движение славянских народов Османской Империи оказывало существенное влияние на характер русско-турецких отношений. Религиозная и этническая общность русского народа – с большинством населения Балкан составляли основу для проведения политики покровительства славянскому населению.

Данная тема является недостаточно изученной в отечественной тюркологии. Необходимо её системное и комплексное изучение с привлечением максимального количества источников. Актуальность исследованию придает и то, что в формировании современных международных отношений на Балканах важную роль играет исторически сложившаяся традиция государственности.

В настоящей работе предполагается проанализировать работы отечественных исследователей по данной теме и выявить основные этапы формирования историографии вопроса. Объектом исследования является комплекс отечественных работ по Македонскому вопросу. Целью настоящего исследования является изучение основных положений и особенностей отечественной историографии. Для этого предполагается использовать компаративно-аналитический метод.

Ранее Македонский вопрос освещался в исторической литературе. Но, несмотря на это, на сегодняшний день нет комплексного изучения данного вопроса с привлечением в совокупности как российских, так и турецких архивных материалов. В поле зрения исследователей традиционно находились интересы великих держав на Ближнем Востоке, а также борьба России и других держав за влияние над территориями Османской Империи. Вместе с тем двусторонние отношения России и Османской Империи в начале

XX века стали отходить на второй план, уступая место изучению глобальных тенденций, и изображались как исключительно враждебные. Эта традиция особенно заметна в Турции, где в центре внимания исследователей оказывались периоды конфронтации и столкновений. В связи с этим следует отметить, что архивные документы из российских и в особенности турецких архивов, а также периодическая печать свидетельствуют о редком периоде мирного развития русско-турецких отношений в начале XX века.

Во внешней политике Российской Империи одно из важнейших мест занимало балканское направление. Национально-освободительное движение славянских народов Османской Империи оказывало существенное влияние на характер русско-турецких отношений. Религиозная и этническая общность русского народа – с большинством населения Балкан составляли основу для проведения политики покровительства славянскому населению.

Дореволюционная историография Македонского вопроса

В конце XIX – начале XX века Македонский вопрос продолжал оставаться одной из острейших проблем на Балканах. Предпосылки возникновения Македонского вопроса были заложены в результате Восточного кризиса 1870-х гг. Тогда по Сан-Стефанскому мирному договору Македония была включена в состав Болгарского княжества. Но из-за жесткого противодействия Великобритании и Австро-Венгрии, Сан-Стефанский договор заменили Берлинским трактатом, в соответствии с которым Македония была вновь возвращена под турецкое управление. По условиям Берлинского трактата, руководство Османской Империи было обязано провести в Македонии реформы, с целью уравнивать христиан в правах с мусульманами и, прежде всего, допустить христиан в состав судебных и административных учреждений, а также в полицию и жандармерию¹.

В начале XX века Внутренняя Македонско-одринская революционная организация (ВМРО) и Македонский комитет, активизировали движение за национальное и политическое освобождение от османского господства. В результате этого в сентябре 1902 г. в Солунском вилайете вспыхнуло восстание, вошедшее в историю как

¹ Сквозников А. Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара, 2010. С. 12.

Горнодзума́йское. Россия и Австро-Венгрия пытались урегулировать ситуацию в Македонии путем введения реформ, предусмотренных Берлинским трактатом. Но попытки урегулирования ситуации в Македонии не достигли преследуемой цели. Революционное движение в Македонии продолжало усиливаться, что привело к Илинденскому восстанию в августе 1903 г. В целях предотвращения очередных восстаний российское правительство пыталось нормализовать ситуацию в регионе и не допустить нарушения статус-кво. В рассматриваемый период вопрос о реформах в Македонии занимал центральное место в балканской политике России.

С другой стороны Македония продолжала оставаться ареной борьбы греческих, сербских и болгарских революционных организаций, которые соперничали между собой за влияние в Македонии¹. Следовательно, кризис в Македонии был обусловлен не только национально-освободительной борьбой христианского населения Македонии, но и экспансионистскими устремлениями Болгарии, Сербии, Греции и Румынии, которые боролись между собой за территории Македонии.

В связи с усилением австрийского и германского влияния на Балканах, российское правительство взяло курс на сотрудничество с Австро-Венгрией. Россия и Австро-Венгрия пытались решить македонскую проблему в рамках Мюрцштегской программы реформ, предусмотренной императорами России и Австро-Венгрии осенью 1903 г. Эта программа начала реализовываться в 1904 г., встретив немало препятствий на пути своего осуществления: сопротивление правительства Порты, разногласия среди великих держав, неконтролируемый ход развития событий в Македонии и обострение соперничества соседних стран². Такие события 1908–1909 гг. как Младотурецкая революция и Боснийский кризис положили конец попытке мирного решения Македонской проблемы, что в дальнейшем привело к Балканским войнам 1912–1913 гг.

Работы российских и советских историков по Македонскому вопросу содержат большой объем информации и материалов.

¹ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912. М., 1960. С. 33.

² Исаева О. Н. Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 162.

Отечественную историографию рассматриваемой темы можно достаточно условно разделить на три этапа. К первому этапу относится дореволюционная историография. В этой связи следует отметить, что по сравнению с советской и современной историографией данной темы, дореволюционная историография является незначительной. В этот период изучением Македонского вопроса в основном занимались государственные деятели, и дипломаты.

Появление ряда исследований о политике России на Балканах было связано в первую очередь с активизацией балканской политики России и растущим интересом российской общественности к событиям, происходившим на Балканах. В трудах сторонников панславистской теории преобладает мнение о необходимости выполнения исторической миссии России на Балканах. Среди ученых, отстаивающих эту точку зрения необходимо выделить Н. Я. Данилевского (1822–1885), который в своем труде «Россия и Европа» призывал к созданию единой славянской федерации под руководством России. Историческую миссию России он видел в заботе о сохранении и развитии славянского культурно-исторического типа¹. В этой связи необходимо отметить также исследование российского дипломата и историка С. С. Татищева (1846–1906) «История российской дипломатии»². В данной работе автор обращал внимание на то, что основной причиной столкновений между Россией и Османской Империей на Балканах и в Македонии в частности являлась религиозная распря между христианами и мусульманами.

Российский дипломат В. Теплов, который с 1879 г. был вторым секретарем посольства в Константинополе, анализировал балканскую политику России в своих статьях, опубликованных в журнале Русский Вестник. Он придерживался мнения о том, что российскому руководству следовало отказаться от политики проведения реформ в Македонии. По словам В. Теплова, «нельзя было ожидать урегулирования ситуации в регионе при условии сохранения турецкой власти. России нужно было посмотреть «прямо в глаза действительным условиям жизни турецких христиан. Население Македонии было убеждено в том, что принятые султаном проекты

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

² Татищев С. С. История российской дипломатии. СПб., 2010.

реформ не способны были урегулировать ситуацию в регионе»¹. В. Теплов справедливо утверждал, что попытки России урегулировать ситуацию в Македонии путем введения реформ местного управления вовсе не удовлетворяли лидеров Македонского революционного движения².

В рассматриваемый период среди историков-балканистов преобладало мнение о необходимости выявления этнической принадлежности народов, населяющих Македонские вилайеты Османской Империи. Российское руководство было уверено в том, что этническая неоднородность населения Македонии являлась одним из основных препятствий на пути решения Македонского вопроса. Известный русский историк, археолог, искусствовед и первый директор Русского археологического института в Константинополе, Н. П. Кондаков в 1900 г. руководил научной экспедицией в Македонию. В своей работе «Македония: археологическое путешествие»³ автор указывал на то, что самым приемлемым решением было бы предоставление Македонии автономии.

Специалист по славянским вопросам Н. Р. Овсяный (1847–1913), в своем труде, посвященном Македонскому вопросу, попытался определить причины его возникновения и сделал вполне справедливый вывод о том, что причины этой проблемы уходили корнями в восточный кризис 1877–1878 г., когда управление Македонией было передано Османской Империи. Автор обращал внимание на брошюру бывшего министра юстиции М. Миловановича, «Срби и булгари», где говорится: «Македония нужна и сербам, и болгарам, так как и тем, и другим для защиты своей национальной независимости необходим выход к Эгейскому морю»⁴. Следует отметить, что в связи с усилившимся интересом российской общественности к истории славян, работы Н. Р. Овсяного пользовались значительным успехом.

Особое внимание следует уделить исследованиям П. Н. Милюкова (1859–1943), который внимательно наблюдал за событиями на

¹ Цит. по: Теплов В. Македонская смута // Русский вестник. Выпуск 4-й. М., 1903. С. 343.

² Теплов В. Нынешний фазис македонского вопроса // Русский вестник. Выпуск 12-й. М., 1903.

³ Кондаков Н. П. Македония: археологическое путешествие. СПб., 1909.

⁴ Цит. по: Овсяный Н. Р. Македония. СПб., 1900. С. 122.

Балканах. Он проанализировал события в регионе сквозь призму государственных интересов России. В ходе своей политической деятельности П. Н. Милюков опубликовал ряд трудов по Македонской проблематике: «Христианские древности Западной Македонии»¹, «Воспоминания»², «Балканский Кризис и политика Извольского»³. Рассматривая Македонский вопрос в контексте как региональной, так и европейской политики, автор настаивал на необходимости предоставления Македонии автономии в составе Болгарии. Российский историк А. Л. Погодин в своей работе «История Болгарии»⁴ также отмечал, что решение Македонского вопроса было возможно лишь путем присоединения Македонии к Болгарии, так как македонское возрождение являлось неотъемлемой частью возрождения Болгарии. Подобные утверждения, несомненно, вызвали бурю негодований у сербов и греков.

Историк-славист Л. Нидерле (1865–1944), который проанализировал обширную литературу об этнической принадлежности македонских славян, сделал вывод о том, что большинство македонцев «чувствовали себя болгарами». В своей работе «Обозрение современного славянства»⁵ автор подробно анализирует взаимоотношения России и других великих держав со славянскими народами Османской Империи. Необходимо отметить, что Л. Нидерле рассматривает Македонский вопрос в контексте сербо-болгарских отношений и определяет причины разногласий между Сербией и Болгарией. Кроме этого автор уделяет особое внимание определению роли России в процессе решения Македонского вопроса.

Подводя итог изучению Македонского вопроса в дореволюционной историографии, необходимо отметить, что, не смотря на некоторые различия в подходах к данной теме, исследователям присущи некоторые общие черты: многие из дореволюционных историков интересовались этнической принадлежностью населения Македонии и были сторонниками, так называемой панславистской

¹ Милюков П. Н. Христианские древности западной Македонии // Известия Русского археологического института в Константинополе. Т. IV. София, 1899.

² Милюков П. Н. Воспоминания. Т. 1. М., 1990.

³ Милюков П. Н. Балканский Кризис и политика Извольского. СПб., 1910.

⁴ Погодин А. Л. История Болгарии. СПб., 1910.

⁵ Нидерле Л. Обозрение современного славянства. СПб., 1909.

теории. Например, Н. Я. Данилевский и С. С. Татищев рассматривали политику России на Балканах в контексте исторической миссии России и указывали на необходимость создания единого славянского государства под руководством России. Такие исследователи как Н. П. Кондаков, А. Л. Погодин и Л. Нидерле указывали на тот факт, что большинство славянского населения Македонии составляли болгары, и соответственно, Македонии необходимо было предоставить автономию в составе Болгарии. Государственный деятель П. Н. Милюков указывал на то, что наиболее приемлемым решением Македонского вопроса было бы предоставление Македонии автономии. Н. Р. Овсяный, отмечал, что Македонцы имели полное право на самостоятельность и не желали называться сербами, болгарами или же греками. Российский дипломат В. Теплов, критиковал политику России в Македонском вопросе и указывал на то, что единственным способом решения данного вопроса было бы предоставление автономии Салоникского, Битольского и Косовского вилайетов.

Советская историография Македонского вопроса

В советский период Македонский вопрос рассматривался лишь в самых общих чертах. В первую очередь следует отметить тот факт, что из-за политических и идеологических ограничений, углубленное изучение данной темы было весьма затруднено. Доказательством этому служит монография К. Л. Струковой, «Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70 г. XIX в.»¹, которая была написана в 1960 г., но опубликована только в 2004 г. Автор подробно рассмотрел процесс национально-освободительного движения в Македонии. Но политика России в Македонском вопросе не затрагивалась автором.

В рассматриваемый период широкое распространение получили взгляды М. Н. Покровского (1868–1932), который интересовался проблемами славянских народов, находившихся под властью Османской Империи. В концепциях М. Н. Покровского также особое внимание уделяется политике России в области проливов. М. Н. Покровский отмечал, что конечной целью балканской поли-

¹ Струкова К. Л. Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX в. М., 2004.

тики России являлось овладение проливами Босфор, Дарданеллы и столицей Османской Империи Константинополем¹. Но впоследствии данная концепция была отвергнута. Аналогичную точку зрения можно наблюдать и в марксистско-ленинских установках, где говорилось о том, что Балканы были центром противоречий империалистических держав, и что в дальнейшем это противостояние стало причиной Балканских войн. Но в настоящий момент получила подтверждение теория о том, что основной причиной балканских войн были противоречия среди балканских стран².

Первые работы по Македонскому вопросу появились в 1950-е годы. Под редакцией П. Н. Третьякова, С. А. Никитина, Л. Б. Валева была опубликована коллективная работа «История Болгарии», где только косвенно затрагивалась македонская проблематика³. В 1957 г. под ред. С. А. Никитина выходит учебное пособие «История южных и западных славян», где Македонский вопрос рассматривается в контексте национально-освободительного движения на Балканах⁴. А. К. Мартыненко рассмотрел политику России в Македонском вопросе в контексте русско-болгарских отношений. Автор указывает на то, что решение Македонского вопроса являлось для России крайне сложной задачей, и она всячески стремилась предотвратить обострение Македонского вопроса. Оценивая политику России в Македонском вопросе, автор утверждал, что для Российского внешнеполитического ведомства Македонский вопрос имел важное значение, во-первых, потому, что Россию интересовала судьба христианского населения Македонии, во-вторых, потому, что эта проблема была тесно связана с сохранением международного баланса сил⁵.

Вопросы, связанные с национально-освободительным движением на Балканах подробно освещены в работе И. С. Галкина. В своей монографии, насыщенной многочисленными архивными ма-

¹ Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1923.

² Виноградов В. Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая новейшая история. Выпуск 4-й. М., 1993. С. 12.

³ Третьяков П. Н., Никитин С. А., Валев Л. Б. История Болгарии. М., 1954.

⁴ История южных и западных славян / под ред. С. А. Никитина / М., 1979.

⁵ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967; Его же. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974.

териалами автор рассмотрел процесс реформ в Македонии в контексте взаимоотношений России с европейскими державами. Уделяя большое внимание политики России на Балканах, он пришел к выводу о том, что Россия не желала обострения ситуации на Балканах. В книге также достаточно основательно проанализирована политика младотурецкого правительства в Македонии. По этому поводу автор указывает на то, что с приходом к власти младотурков, кризис в Македонии еще больше обострился¹.

Балканскому направлению внешней политики Российской Империи также уделено внимание в общих работах по Восточному вопросу. Следует отметить работы таких историков, как В. М. Хвостов, И. С. Достян, В. Бромлей² уделили особое внимание роли России в освобождении балканских народов. Одной из основных работ, в которой подробно освещается политика России на Балканах, является коллективный труд под ред. Н. С. Киняпиной «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX века». В данной работе Македонский вопрос рассматривался в контексте Восточного вопроса. Авторы отметили, что в начале XX в. Россия, стремилась всеми силами сохранить статус-кво в регионе и не допустить утверждения в Проливах Босфор и Дарданеллы влияния Англии или какой-либо другой европейской державы³. Касаясь реформ в Македонии, авторы указали, что «дело реформ затягивалось в столкновениях противоречивых интересов великих держав, что способствовало успешному противодействию Абдульхамида 2 Мюрцштегской программе реформ»⁴.

Особую ценность при изучении Македонского вопроса представляют сборники Института Славяноведения и Балканистики РАН – «Балканские Исследования» под редакцией Г. А. Арш и В. Я. Гросул. В них подробно проанализированы вопросы, связанные с национально-освободительным движением на Балканах.

¹ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав... С. 232.

² Хвостов В. М. История дипломатии. М., 1963; Достян И. С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972; Бромлей В. Славяне и Россия, к 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М, 1972.

³ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец 18 – начало 20 в. / под ред. Н. С. Киняпиной. М., 1978. С. 287.

⁴ Там же. С. 301.

Анализируя балканскую политику России в начале XX в., Ю. П. Аншаков придавал особое значение деятельности российских консулов в Македонии¹. Л. В. Шатилова уделила особое внимание тому, что во внешнеполитическом ведомстве России не было единого мнения в вопросе решения Македонской проблемы².

В этой связи необходимо отметить, что в силу ряда причин Македонский вопрос не получил достаточно подробного освещения в отечественной балканистике и туркологии. Это было связано, во-первых, с особенностями внутривосточной ситуации в СССР. Во-вторых, ограничения исследовательской деятельности были обусловлены идеологическими соображениями. В-третьих, ввиду усиления болгаро-югославских разногласий из-за Македонии, историки-балканисты старались не затрагивать Македонскую проблематику. В связи с ухудшением советско-югославских отношений Македонский вопрос также стал одним из предметов разногласий между Сталиным и Тито. С другой стороны между Болгарией, Сербией и Югославией продолжались споры о национальной принадлежности славянского населения Македонии.

Современная историография Македонского вопроса

Современный этап изучения данной темы начинается с 1990 г. и отличается активным поиском новых источников, методов, исследовательских тем, а также появлением новых точек зрения на историю Балкан. С исчезновением идеологических запретов начался прорыв в исследованиях, касающихся Македонского вопроса. В работах О. Н. Исаевой рассматривался процесс формирования македонской нации и политика России в Македонском вопросе в начале XX в. В статье «Мюнцихтегский опыт умиротворения Македонии» автор рассмотрела процесс реформ, инициатором которых были Россия и Австро-Венгрия. Автор достаточно основательно

¹ Аншаков Ю. П. Русская дипломатия о положении славянского населения Косовского вилайета в 1902–1912 гг. // Становништво словенског поријекла у Албанији. Выпуск 2-й. Титоград, 1991. С. 144.

² Шатилова Л. В. Положение славянского населения в Албании и Македонии в период албанского национального движения 1910–1912 гг. // Становништво словенског поријекла у Албанији. Титоград. Выпуск 2-й. 1991; Ее же. Македонский вопрос в период Балканских войн. 1912–1913 гг. и политика России // Балканские исследования. Выпуск 15-й. М., 1992.

проанализировала политику России в Македонском вопросе и пришла к выводу, о том, что в силу традиционной политики покровительства христиан Османской Империи, Россия была вынуждена принять меры для урегулирования ситуации в Македонии¹.

В 1997 г. в сборнике «Македония: проблемы истории и культуры» была опубликована статья В. И. Косика и А. В. Карасева² «Этапы борьбы македонского народа за независимость». В данной статье внимание авторов фокусировалось на процессе становления македонского государства. В коллективном труде «На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий южнославянских народов», вышедшей также в 1997 г, В. И. Косик справедливо отмечал, что в результате Балканских войн Македонский вопрос был решен военным путем, а македонский народ не принимал участия в решении своей национальной проблемы.

Вопрос о реформах в Македонии затрагивается также и в кандидатской диссертация И. Чомака «Турция и Россия на рубеже XIX–XX вв. и дипломатическая деятельность посла России в Константинополе И. А. Зиновьева». Следует отметить, что диссертант использовал в совокупности как российские, так и турецкие архивные материалы, что представляет большой интерес для исследователей. И. Чомак обратил внимание на то, что в рассматриваемый период между Россией и Османской Империей сложились достаточно конструктивные отношения. Диссертант также сделал вывод о том, что в Македонском вопросе Россия была сторонником сохранения законной Османской власти в Македонии³.

В работе И. В. Якубовской «Имперская политика великих держав конца XIX – начала XX в. и Балканы» рассматривались взаимоотношения великих держав на Балканах. И. В. Якубовская уде-

¹ См. об этом: Исаева О. Н. Македонский вопрос и Россия в начале 20 века. // Новая и новейшая история. Выпуск 15-й. Саратов, 1995; Ее же. «Македонская смута»: взгляд русских консулов // Славянский сборник. Выпуск 6-й. Саратов, 2003; Ее же. Македонский вопрос и Россия в начале XX в. // Новая и новейшая история. Выпуск 15-й. М., 1999.

² Карасев А. В. Этапы борьбы македонского народа за независимость // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 236.

³ Чомак И. Турция и Россия на рубеже XIX–XX вв. и дипломатическая деятельность посла России в Константинополе И. А. Зиновьева / автореф. дисс. ... к.и.н. М., 2000.

лила особое внимание анализу «идеи великодержавности», которая, по мнению автора, была характерной чертой внешней политики империй нового и новейшего времени. Автор утверждает, что в рассматриваемый период балканская политика Великобритании, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии и России была направлена на практическую реализацию «идеи великодержавности». В данной работе Македонский вопрос исследовался в контексте усиления «вмешательства» великих держав в дела балканских государств. По вопросу о реформах в Македонии И. В. Якубовская отмечала тот факт, что согласованные действия России и Австро-Венгрии встретили препятствие со стороны Англии, которая стремилась усилить свое влияние в регионе¹. Коллективная работа исследователей Института славяноведения и Балканистики РАН «В пороховом погребе Европы»² посвящена международным отношениям на Балканах в 1878–1914 гг. Авторы придавали большое значение роли независимых христианских государств в становлении международных отношений. В итоге они пришли к выводу, что противоречия между балканскими государствами порождали в регионе обстановку постоянных конфликтов, которая препятствовала проведению реформ и иногда переходила в фазы «горячего» противостояния.

В монографии А. Н. Сквозникова «Македония в конце XIX – начале XX в. – яблоко раздора на Балканах», опубликованной в 2010 г., Македонский вопрос рассматривался в контексте международных отношений на Балканах. Автор подробно рассматривал внешнеполитические цели Царского правительства в 1878–1908 гг. и оценивал роль России в процессе урегулирования конфликтов в Македонии. А. Н. Сквозников оценивал политику России в Македонском вопросе, как стабилизирующего фактора рубежа – XIX–XX в. в геополитике всех заинтересованных держав. Раскрывая роль Внутренней македонско-одринской революционной организации в усилении национально-освободительного движения в Македонии, автор также подчеркивал ее роль в организации восстаний 1902–1903 гг. В отношении этноконфессиональных конфликтов на

¹ Якубовская И. В. Имперская политика великих держав конца 19 – начала 20 века и Балканы. М., 2004.

² Виноградов В. Н., Косик В. И., Соколовская О. В. В «пороховом» погребе Европы», 1878–1914. М., 2003.

Балканах, автор пришел к выводу, что агрессивная внешняя политика Болгарии, Сербии, Румынии и Греции стала не только причиной ожесточенной борьбы за территорию Македонии, а также привела к насилию над мирным населением Македонских вилайетов Османской Империи¹.

Аналогичного мнения придерживался историк М. Л. Ямбаев, который уделил особое внимание экспансионистским устремлениям Болгарии, Сербии, Греции, а также – их борьбе за влияние в Македонии. Кроме этого автор довольно подробно рассмотрел положение в каждом из Македонских вилайетов. М. Л. Ямбаев придавал большое значение консульским донесениям и переписке русских представителей в Македонии, а также их роли в разработке и реализации балканской политики России². Следует отметить, что эти документы представляют особую ценность для исследования, так как они являются новым типом источников, которые введены в научный оборот.

Подводя итоги к современному этапу историографии Македонского вопроса, следует отметить, что данный этап отличается поиском новых методов исследования и использованием ранее не доступных российских архивных материалов. Рассматривая различные аспекты данного вопроса, исследователи уделяют особое внимание роли России в процессе урегулирования кризисов на Балканах. Македонский вопрос рассматривается не только в контексте региональной политики, но и в контексте международных отношений на Балканах. Ввиду того, что Македонский вопрос был самой острой региональной проблемой и затрагивал интересы не только великих держав, но и балканских стран, этой теме уделено особое внимание в отечественной историографии. Но мнения дореволюционных, советских и современных историков далеко не однозначны. Не смотря на то, что источники достаточно разнообразны по характеру и содержанию, они дают возможность сделать сравнительный анализ и комплексно изучить данную проблематику. В дореволюционной историографии ученым было свойственно уделять большое внимание историческим миссиям России: покро-

¹ Сквозников А. Н. Македония в конце XIX – начале XX века... С. 29.

² Ямбаев М. Л. А. А. Ростовский в Македонии. Начало 20 века // Профессор С. А. Никитин и его историческая школа. М., 2004; Его же. Македония в 1877–1912 гг. // В «пороховом погребке Европы». М., 2003.

вительство славянским народам Османской Империи и овладение проливами Босфор и Дарданеллы. Считается крайне необходимым отнестись с осторожностью также и к работам советских ученых. Ввиду политических и идеологических ограничений, объективное изучение данного вопроса было весьма затруднено. От советских ученых требовалась жесткая критика внешней политики царской России. По сравнению с дореволюционной и советской историографией македонской проблематики, современный этап отличается тем, что исследователи используют новые подходы и вводят в оборот ранее не доступные архивные документы.

Список литературы

1. Аншаков Ю. П. Русская дипломатия о положении славянского населения Косовского вилайета в 1902–1912 гг. // Становништво словенског поријекла у Албанији. Титоград, 1991. С. 512–621.
2. Виноградов В. Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая новейшая история. М., 1993. Вып. IV. С. 3–12.
3. Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1905–1912. М., 1960. 266 с.
4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. 573 с.
5. Исаева О. Н. Македонский вопрос и Россия в начале XX века // Новая и новейшая история. Вып. 15. Саратов, 1995. С. 46–64.
6. Исаева О. Н. Мюлцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 72–99.
7. Кондаков Н. П. Македония: археологическое путешествие. СПб., 1909.
8. Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. 450 с.
9. Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905–1907 гг. Киев, 1974. 470 с.
10. Милюков П. Н. Балканский кризис и политика А. П. Извольского. СПб., 1910. 390 с.
11. Милюков П. Н. Христианские древности западной Македонии // Известия Русского археологического института в Константинополе. София, 1899. С. 21–151.
12. Овсяный Н. Р. Македония // История Сербии и Черногории. М., 1900. С. 407–417.
13. Погодин А. Л. История Болгарии. СПб., 1910. 260 с.

14. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1923. 392 с.
15. Сквозников А. Н. Македония в конце XIX – начало XX в – яблоко раздора на Балканах., Самара, 2010. 172 с.
16. Татищев С. С. История российской дипломатии. СПб., 2010.
17. Теплов В. Македонская смута // Русский вестник, 1903. № 4. С. 788–789.
18. Теплов В. Нынешний фазис македонского вопроса // Русский вестник, 1903. № 12. С. 456–488.
19. Чомак И. Турция и Россия на рубеже XIX–XX вв. и дипломатическая деятельность посла России в Константинополе И. А. Зиновьева: автореф. дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. М., 2000. 20 с.
20. Шатилова Л. В. Положение славянского населения в Албании и Македонии в период албанского национального движения 1910–1912 гг. // Становништво словенског поријекла у Албанији. Титоград, 1991. С. 607–713.
21. Никитин С. А. История южных и западных славян. М., 1979.
22. В «пороховом» погребе Европы», 1878–1914 / под ред. В. Н. Виноградов, В. И. Косик, О. В. Соколовская. М., 2003. 536 с.
23. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. Н. С. Киняпина. М., 1978. 435 с.
24. Третьяков П. Н., Никитин С. А., Валев Л. Б. История Болгарии. М., 1954. 530 с.

О НЕКОТОРЫХ ЭТАПАХ ИЗУЧЕНИЯ ВОЕННОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ В РОССИИ

Ключевые слова: Китайская военная мысль, академик Н. И. Конрад.

Военная мысль древнего Китая отнюдь не ограничивается исключительно военной сферой, включая в себя теорию управления государством, политику, дипломатию. Она использовала лучшие достижения современной ей китайской философии и основывалась на практике непрекращающихся войн в эпоху Чуньцю-Чжаньго. Сочинения китайских военных классиков породили в дальнейшем обширную комментаторскую литературу. Традиция комментирования всегда была в Китае особым видом интеллектуальной деятельности, опирающейся на канон. В военной мысли таким образом развивали идеи и теории военных классиков и разрабатывали свои собственные. Это было также одним из видов квалификационных экзаменов при занятии какой-либо военной должности. Такое богатейшее военное наследие не должно оставаться без внимания российских военных авторов и китаеведов. В статье дается краткий исторический обзор комментирования китайской военной мысли российскими исследователями.

Китайская цивилизация уникальна своей непрерывной письменной традицией, которая восходит ко второй половине II тыс. до н.э. поначалу в форме фиксации текущих событий в надписях на гадательных костях. Параллельно возник еще один исторический источник такого же рода – надписи на бронзовых сосудах. А письменные памятники в узком значении этого термина – тексты книжного характера (необязательно книжные по форме) – появились в первой половине I тыс. до н.э.¹. Очень важную группу письменных источников составляют философские трактаты, включая военные трактаты, самые значимые из которых зародились в период Чуньцю-Чжаньго, когда войны в древнем Китае были повседневным

¹ История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебн. пособие / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 538.

занятием¹. Появление основных китайских классических военных трактатов совпадает по времени с зарождением и расцветом основных китайских философских школ: конфуцианства, моизма, даосизма, номинализма, легизма, натурфилософии и т.д.

При династии Сун в конце XI в. было окончательно отобрано «Семикнижие военного канона», включающее: «Сунь-цзы» (Чунь-цю, VI–V вв. до н.э.), «У-цзы» (Чжаньго, IV в. до н.э.); «Сыма фа» (Чжаньго, IV в. до н.э.). «Вэй Ляо-цзы» (Чжаньго, IV в. до н.э.), «Лютао» (Вэй-Цзинь, III–IV вв.). «Сань люэ» (Суй, VI–VII вв.), «Ли Вэй-гунвэньдуй» (Тан, VII в.). Трактаты «Семикнижия» вошли в число обязательных предметов при сдаче государственных экзаменов для поступления на военную службу. В связи с этим был произведен отбор комментаторов, являвшихся наиболее авторитетными. Таких оказалось десять: вэйский Цао-гун (155–220); лянский Мэн-ши (первая половина VI в.); танские Ли Цюань, Ду Му (803–852), Чэнь Хао, Цзя Линь; сунские: Мэй Яо-чэнь (1002–1060), Ван Чже, Хэ Янь-си, Чжан Юй. К этим комментаторам присоединяют Ду Ю (ум. в 812 г.)².

Эти источники служат до настоящего времени основой изучения военной мысли древнего Китая. Их изучение породило дальнейшую комментаторскую литературу не только в Китае, но и в Японии, Корее, Вьетнаме в более позднее время. Начиная с XVIII в., с древнекитайскими военными классиками стали знакомиться европейцы.

Считается, что европейцы впервые узнали о древнекитайском военно-теоретическом наследии только в XVIII в. посредством французских миссионеров. В 1772 г. появился французский перевод трактата, выполненный миссионером-иезуитом Амио (Amiot J.), который ему поручил сделать французский военный министр Бертен³. В. В. Малявин отмечает, что эту книгу внимательно изучал Наполеон, но в эпоху колониальных захватов неоспоримое военное превосходство Запада не способствовало изучению

¹ Там же. С. 540.

² Конрад Н. И. Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995. С. 20–22.

³ Срезневский. Инструкция китайского полководца Сунтсе подчиненным ему генералам (извлечение из французского перевода). СПб.: Военный сборник, 1860. Т. 13. Кн. 6. С. 330.

китайской военной доктрины европейцами. Только после того как в Китае победили коммунисты, с успехом применявшие на практике максимы древнекитайского стратега, интерес к «Сунь-цзы» на Западе резко возрос¹.

Н. И. Чуев объясняет резко возросший интерес европейцев к древнекитайской военной мысли несколько по-другому: «Несмотря на то, что европейцы познакомились с классическими военными взглядами еще в XVIII в., реальное влияние на европейскую военную мысль они начали оказывать лишь в XX веке. Прежде всего это было связано с тем удивлением, которое испытали европейцы, обнаружив их близость со взглядами К. Клаузевица...»².

Близость взглядов Клаузевица и Сунь-цзы отмечает и О. В. Зотов³. Он рассуждает о причинах внимания к «Сунь-цзы» на Западе: «...что заставило Запад не удовлетвориться собственным схожим опытом и обратиться к древнекитайскому стратегическому учению? Не получилось ли так, что некоторые «резервы» учения Сунь-цзы, веками находившиеся под спудом, лишь теперь постепенно осознаются и находят применение?»⁴. «На Западе интерес к Сунь-цзы проявила школа генерала М. Тейлора, некогда помощника Стилуэлла в Китае. Неподдельный интерес к учению Сунь-цзы сохранил на всю жизнь А. Даллес. Начиная в Китае свою дипломатическую карьеру. Ряд положений Сунь-цзы можно обнаружить в теории партизанской войны у Э. Че Гевары»⁵.

В XVIII в. в Европе проявился вообще интерес ко всему китайскому, особенно при дворах. В России же ее высший свет заинтересовался Китаем, во многом следуя европейской моде. Тогдашняя богема внимательно следила за новыми течениями в философии, политике и т.д. На европейскую культуру XVII и XVIII вв., особенно на Францию, сильное влияние оказывало увлечение Китаем.

¹ Малявин В. В. Китайская наука стратегии / Серия «Каноны». М.: Белые альвы, 1999. С. 114.

² Чуев Н. И. Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. М.: Любимая книга, 1999. С. 174.

³ Зотов О. В. Сунь-цзы и Клаузевиц: парадоксы различия // XVII НК ОГК. М., 1986. С. 17–24.

⁴ Зотов О. В. Учение Сунь-цзы о «необычной» войне // XVIII НК ОГК. М., 1987. С. 8.

⁵ Там же. С. 15.

Одни в идеях китайских мыслителей искали пути выхода из тяжелого социально-экономического положения, в котором находилась Франция до революции, другие в государственном устройстве «идеального» Китая видели подтверждение незыблемости деспотического абсолютизма; третьи, увлекаясь китайской культурой, находили в китайских сочинениях обоснование превалирующего значения земледелия в экономике страны. Увлечение Китаем переживало и русское дворянство, группирующееся главным образом вокруг царского двора. «Китайское поветрие» сказалось и на русской литературе, театре и архитектуре. Подобно французским феодалам, Екатерина II и ее придворные искали в образе жизни, законах, философии и истории Китая обоснование природы деспотической власти¹.

Первый перевод на русский язык трактата Сунь-цзы был сделан с французского языка подполковником Костромского пехотного полка Срезневским. Перевод, скорее вольное изложение, был выполнен по изданию 1772 г. упомянутого выше автора Амио и вышел в «Военном сборнике» в 1860 году в Санкт-Петербурге. То обстоятельство, что русский перевод появился почти на столетие позже, можно объяснить тем, что в то время в России каждый человек, считающий себя образованным, должен был знать французский язык. Так что переводить «Сунь-цзы» на русский не было «технической необходимости». Срезневский привнес в свой вольный перевод собственные мысли, которые не встретишь у Сунь-цзы и которые достойны внимания, поскольку их высказывает человек с большим боевым опытом.

Второй российский автор, который изучал китайские военные сочинения, – полковник Генштаба Д. В. Путята, российский военный атташе в Китае (1886–1892). Его работа вышла в секретном военном сборнике в 1889 г. Вот что сказал относительно этого автора О. В. Зотов: «Трактат Сунь-цзы о военном искусстве содержит столько загадок и метафор, что война в нем предстает как “путь обмана” не для противника даже, а скорее для не вполне искушенного читателя. Именно такое впечатление произвел “Сунь-цзы бин фа” на Д. В. Путяту... Вот почему ортодоксальными военными тео-

¹ Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. 1977. С. 66–67.

ретиками и практиками Сунь-цзы подозревается в мистификациях и фантастике, вызывая тем самым скепсис и подозрительность...»¹.

Начинает Д. В. Путята с военной организации в Китае. Он отмечает полнейший застой в организации, вооружении и системе обучения, ничем не отличающейся, как он считает, от того, что было полтора столетия до этого. Лишь неудачи войн с европейцами и эпоха Тайпинского восстания, по его мнению, показали правительству накопившиеся недостатки в устройстве вооруженных сил государства и обратили его внимание на упадок воинских доблестей. Это побудило правительство осуществить военную реформу под руководством «иностраных авантюристов»². Д. В. Путята говорит о продаже военных чинов, которые, как и публичные государственные экзамены, ведут часто к подкупам, подделке документов и т.п.³. Военному образованию в Китае, как считает Д. В. Путята, мешали низкая компетентность немецких преподавателей и плохая дисциплина в военных школах, а также недостаток хороших переводчиков⁴.

Далее автор совершенно справедливо отмечает лингвистические трудности восприятия трудов древнекитайских военных классиков для европейцев:

«Язык изложения часто загадочен; авторы не редко приводят положения, смысл которых может быть истолкован тем или иным способом. Должно заметить также, что самый характер китайской письменности не вполне удовлетворителен; многие понятия выражаются одинаковыми иероглифами и пишущий употребляет их, не задумываясь, будет ли правильно понята его мысль или нет»⁵.

Д. В. Путята рассматривает труды китайских военных классиков с практической точки зрения военного человека, применяя для их изложения по-своему разумную классификацию и методику. Но

¹ Зотов О. В. О логике и структуре трактата Сунь-цзы // XXV НК ОГК. М., 1994. С. 86–87.

² Путята, полковник Генштаба. Вооруженные силы Китая и принципы военного искусства в токовании древних китайских полководцев... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 39. СПб., 1898. С. 29.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же. С. 138.

рассматривает он их в силу субъективных и объективных причин в отрыве от целого, т.е. от традиционной китайской философии, о которой, вероятно, имел смутные представления. Такой подход приводит к усугублению лингвистических трудностей восприятия древних трактатов.

На поверку эти трудности имеют более глубокие корни. Даже если бы он и был знатоком древнекитайской философии и взял на себя труд познакомить читателей помимо военных трактатов еще с китайской философией и культурой, то его статья оказалась бы неимоверно раздута. К тому же вряд ли он бы нашел вследствие этого благодарность в лице военных, для которых эта статья и писалась.

Исследователи-военные в изучении военной мысли древнего Китая долгое время варились в собственном соку, хотя и пользовались переводами исследователей-востоковедов. Но этим сотрудничество военных и востоковедов зачастую и ограничивалось – востоковеды занимались своим делом, военные своим. Качественный сдвиг в данном направлении сделал академик Н. И. Конрад, выпустивший перевод и комментарии таких трактатов древнекитайских военных классиков как Сунь-цзы (1950 г.) и У-цзы (1958 г.), считая их основными в «Семикнижии»: «Репутация этих двух трактатов такова, что уже с давних пор и в Китае и в Японии принято было считать, что вообще военное искусство старого Китая есть “военное искусство Сунь-У” (Сунь-У бин фа)»¹.

Вообще обращение к военной мысли древнего Китая актуализировалось в нашей стране после заметно углубившихся американских исследований в этой области, когда после поражения войны во Вьетнаме в США был сделан акцент на достижение политических целей невоенными средствами. Н. И. Конрад же обратился к этой теме, казалось бы, в самое неподходящее для этого время – в конце сороковых годов XX века, т.е. во времена эйфории от победы в войне над фашистской Германией и милитаристской Японией. Что же заставило Н. И. Конрада обратиться к древнекитайской военной мысли именно в это время?

Советские читатели к тому времени уже были знакомы с трактатом Сунь-цзы, в частности по переводу на русский язык издания

¹ Конрад Н. И. Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995. С. 7.

Л. Джайлса 1910 г.¹ (L. Giles), который был сделан по предложению кафедры истории военного искусства Высшей военной академии имени К. Е. Ворошилова во время Великой Отечественной войны в 1943 г. Скорее всего здесь происходила своего рода реализация лозунга «Все для фронта, все для победы!».

Какую же Н. И. Конрад увидел актуальность и практическую необходимость издать свой труд уже после Победы? Прежде всего, отмечу, что в китайской традиции отношение к победе весьма осторожное. Она ничего не стоит, если за нее заплачено слишком дорого, и любую, даже самую удачную победу рекомендуют встречать «похоронным маршем» («Дао дэ цзин», гл. 31). Кто много раз побеждает, тот в итоге проигрывает, потому что победы обходятся очень дорого. Неслучайно Н. И. Конрад особое внимание уделяет положениям трактата о победе-поражении и о выгоде-вреде. Он обращается к ним как к наиболее актуальным в то время и вслед за древнекитайскими авторами предостерегает своего читателя от упоения победой, так как победитель становится самонадеянным, вызывает зависть у других государств и жажду реванша у побежденного*.

Подходя к своей работе как ученый-востоковед, Н. И. Конрад в то же время говорит, что не хотел бы делать «труд узкоспециального синологического характера ... так как он обращается в первую очередь к военному специалисту вообще, к историку военно-теоретической мысли»². Более того, касаясь сугубо военной стороны вопроса, он отмечает, что трактат «Сунь-цзы» входил в систему военного образования стран конфуцианской культуры, и обращает на это внимание своих читателей-специалистов. Более того, именно этот факт и заставил Н. И. Конрада, по его признанию, взяться за изучение этого памятника³. Иными словами, по его собственному

¹ Sun Tzu on The Art of War: the Oldest Military Treatise in the World / translated from the Chinese with Introduction and Critical Notes by Lionel Giles. L.: British Museum, 1910.

* Подробнее разбор изучения Н. И. Конрадом китайское военной мысли см.: Зиганьшин Р. М. Исследования академиком Н. И. Конрадом военной мысли древнего Китая // Восток. 2007, № 2. С. 211–221.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 12.

признанию, военно-специальная сторона вопроса являлась главной целью и назначением его исследования.

Н. И. Конрад не рассматривает взгляды на Сунь-цзы и других китайских военных классиков со стороны европейских военных авторов, не считая себя в военной области специалистом. Вероятно, их труды, поразившие его своими заблуждениями и ограниченностью (с точки зрения китаевода), и натолкнули его на идею создать свое собственное исследование. Вместо пути критики-конфронтации с военными авторами, по которому пошел в свое время немецкий историк Г. Дельбрюк¹, Н. И. Конрад, по-видимому, задался целью расширить их кругозор, раздвинуть рамки их мировоззрения, основанного на своей традиции и науке. Последнее составляет основу и стержень их исследований, но не позволяет взглянуть на проблему более широко.

Военный человек, скорее всего, найдет в его работах много недостатков, неточностей частного характера, подметит отсутствие у автора военного образования и по многим чисто военным вопросам признает его некомпетентным. Хотя заметно, что Н. И. Конрад в достаточной мере изучил военную литературу и в своем исследовании свободно оперировал военными терминами, чтобы пояснять мысли Сунь-цзы понятным для военных языком. В отличие от исследователей-военных, он подходит к столь сложной теме с другого конца, не как военный теоретик, а как исследователь-востоковед. Н. И. Конрад взял на себя труд рассматривать и объяснять данные

¹ Имеется в виду спор между немецким историком Дельбрюком и лучшими представителями немецкой военной мысли в начале XX века. Военная доктрина Германии имела на вооружении, как она считала, стратегию сокрушения, и лучшим ее представителем признавался Фридрих II. Дельбрюк же доказывал, что король вел «картофельные войны», то есть осуществлял стратегию измора, что и позволило ему в кольце врагов успешно им противостоять. Признать правоту Дельбрюка означало для немецких военных не только признать несостоятельность своей доктрины, но и признать отказ от священных военных традиций и отказ от воспитания духа нации в бесстрашном, наступательном, сокрушающем порыве. Дельбрюк далее показал, что Германия во время Первой мировой войны, находясь в аналогичной с Фридрихом II ситуации и придерживаясь доктрины стратегии сокрушения, войну проиграла. Таким образом, когда в военную науку вмешивается идеология, дело оказывается довольно щекотливым и для людей заинтересованных довольно болезненным.

трактаты с точки зрения и из глубины традиционной китайской истории, культуры и философии.

В силу вышеперечисленного отмеченные недостатки работы Н. И. Конрада оборачиваются его достоинствами, и стоит сожалеть о том, что данный автор ограничился переводом и исследованием только трактатов «Сунь-цзы» и «У-цзы» и не смог или не успел сделать такие же полноценные работы в отношении трактатов других древнекитайских военных авторов. Н. И. Конрада отличают высокая компетентность и глубокие познания как в общем (история, культура и философия Китая и сопредельных стран), так и в частном (сочинения военных мыслителей Китая), в то время как для военных авторов в данном случае общее – это мировая военная теория, а частное – китайская военная мысль. Сам Н. И. Конрад отмечает, что если его работой хотя бы заинтересуются профессиональные военные и другие исследователи в тех областях, в которых он не является специалистом, если они найдут в ней для себя что-то полезное, то он посчитает свою задачу выполненной. Кроме того, Н. И. Конрад подчеркивает специфическую сторону трактата Сунь-цзы, которой он в значительной мере обязан своей широкой известностью:

«Многие из его общих положений всегда легко переносились из области войны в область политики и дипломатии. Поэтому трактат Сунь-цзы имеет известное значение для понимания поступков не только военных деятелей, но и политиков упомянутых стран Дальнего Востока (Китая, Кореи, Японии. – Р. 3.), и притом отнюдь не только в отдаленные исторические времена»¹.

Этот трактат для военных специалистов не цель познания, а средство. Они смотрят на него с точки зрения полезности и правильности понимания военной науки древним автором, зачастую предвзято находя рядом с гениальными догадками большие недостатки. Вероятно, так и должен смотреть на этот трактат и на другие вещи любой исследователь – специалист в своей области, предполагая, что критерием правильности и полезности является именно его специальность, а все остальное – лишь средство или промежуточные цели. Война как явление охватывает все сферы человеческой жизни, к ней имеют прямое отношение такие казалось бы чис-

¹ Там же. С. 9.

то гражданские дисциплины, как история, культурология, политология, социология, психология, экономика и т.д. И если представители этих и других наук войну и военную теорию, как частное, будут рассматривать в контексте своего общего, «вторгаясь» в военную сферу – от этого военная мысль и сами военные только выиграют. Разумеется, если будет иметь место серьезное, компетентное, критическое, именно научное исследование, как в случае с акад. Н. И. Конрадом.

Сам он называет свою работу «историко-филологической» и особо подчеркивает, что не лезет в анализ военной стороны трактата, так как не является в этой области специалистом, но именно для таких специалистов и дает свой материал¹. Кроме этого, он приводит две главные задачи, которые преследует своей работой: 1) понять и оценить учение в свете его эпохи и среды (этой задаче в основном и посвящена аналитическая часть его работы – «комментарий»); 2) понять учение, изложенное в трактате, как некую систему взглядов, пусть не всегда отчетливо изложенную, но все же систему, за которой скрывается определенное мировоззрение. Общая картина этой системы дается Н. И. Конрадом в главе «Военная доктрина Сунь-цзы»².

В этой же главе сделана попытка выяснить некоторые общепhilosophические основы древнекитайского учения о войне. По его мнению, эти основы могут быть найдены в течении китайской мысли той эпохи, которое связано с «И-цзин» («Книгой перемен») и дальнейшим развитием концепции этого памятника. Он отмечает, что такого рода задача в истории изучения «Сунь-цзы» до него не ставилась ни китайскими, ни японскими комментаторами, не говоря уже о западных, которые: «ограничивались обычно простым переводом, да и то сделанным на основе одного какого-либо популярного китайского комментария»³. От трактата Сунь-цзы нас отделяет огромный исторический и мировоззренческий барьер, отсюда проистекают трудности понимания трактата и древнекитайской военной мысли в целом людьми разных эпох и традиций. Поэтому Н. И. Конрад также говорит об особой роли комментатора, чтобы

¹ Там же. С. 12–13.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 12.

читатели смогли лучше понять этот трактат, или, как он выражается, «вскрыть мысль Сунь-цзы»¹.

Для комментирования трактата Сунь-цзы Н. И. Конрад использует труды «Семикнижия» (его он ставит в один ряд с конфуцианским «Пятикнижием» и «Четверокнижием»), по-своему раскрывающие некоторые положения Сунь-цзы. Он привлек работы других китайских комментаторов и одного японского – Огю Сорая². Другими японскими комментариями Н. И. Конрад не пользовался, так как, по его словам, в них нет ничего, что заслуживало бы внимания с точки зрения раскрытия подлинного содержания учения Сунь-цзы, хотя они ему были хорошо известны³. Н. И. Конрад здесь также ставит задачу ни в коем случае не подчиниться концепции какого-либо одного из используемых им комментаторов, так как концепция каждого комментатора всегда отражает его эпоху, его личность. Он же стремился понять мысль Сунь-цзы адекватно его эпохе и его социальной среде, интересы и чаяния которой он представлял⁴.

Н. И. Конрад в ходе своего исследования применяет понятийно-логический аппарат, присущий авторам этих древних трактатов. Ход его мыслей и рассуждений выражен, подан уже в адаптированной для нас (представителей нашей культуры) форме. Он своей работой ломает обычные представления и понятия европейского человека, заставляет его многое переосмыслить и на многое смотреть другими глазами.

Для упомянутых Н. И. Конрадом наиболее авторитетных комментаторов Сунь-цзы характерно отсутствие критики в современном научном понимании этого слова. Все они только раскрывают и

¹ Там же. С. 9.

² Огю Сорай (1666–1728) – основатель школы «классического конфуцианства» в Японии, которая сформировалась в рамках направления «китайских наук», опиравшегося на изучение китайских философских, исторических и литературных памятников. Его считают человеком широкого творческого диапазона и высоких интеллектуальных способностей. Он был ярким представителем политической и философской оппозиции, ведшей борьбу с официальной схоластической и догматической идеологией режима Токугава.

³ Там же. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

дополняют положения трактата Сунь-цзы. То же можно сказать и о всей традиции комментирования в Китае. Трактат Сунь-цзы пережил в Китае все смены династий, все переоценки ценностей, все потрясения и революции, в том числе и «культурную». Его тщательно штудируют и изучают, и далеко не только военные деятели. В случаях же неудачи и поражений пеняют не на него, а на себя – не доучились, недопоняли и недоучли что-то они, а не Сунь-цзы. Авторитет Сунь-цзы непререкаем. Это можно объяснить не косностью мышления китайцев и их слепым почитанием традиций, а скорее тем, что уровень трактата действительно очень высок.

У Н. И. Конрада не встретить ни одного критического замечания ни по одному положению трактата Сунь-цзы, и это вряд ли связано с недостаточностью у него критичности мышления. Это нельзя объяснить и тем, что он «слепо» следует за «призванными» им на помощь комментаторами, тем более что жил Н. И. Конрад в то время и в той среде, когда любой древний или современный ему мыслитель, не вооруженный марксистско-ленинским учением, заслуживал в лучшем случае снисхождения. Это можно объяснить опять же очень высоким уровнем трактата Сунь-цзы. Н. И. Конрад очень высоко оценивает и другие трактаты «Семикнижия», особенно «У-цзы», но считает, что ни в одном из них нет той полноты и ценности, которые наличествуют в учении Сунь-цзы¹. Примечательно, что Н. И. Конрад в своем исследовании не стоит ни на европоцентристских, ни на марксистско-ленинских позициях. Его выгодно отличает и то, что он не стоит и на китаеццентрических позициях, ставших модными в последнее время.

Исследования Н. И. Конрада по этой теме не удастся поместить в какие-либо определенные классификационные рамки. Вызывает недоумение характеристика этого исследования, данная Н. И. Чуевым. Он полагает, что Н. И. Конрад здесь ограничился филологической стороной вопроса². К историко-филологическому анализу можно отнести довольно объемные примечания Н. И. Конрада к тексту Сунь-цзы, но никак не комментарий и тем более главу «Военная доктрина Сунь-цзы». Основой его исследования трак-

¹ Там же. С. 277.

² Чуев Н. И. Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. М.: Любимая книга, 1999. С. 8, 124.

тата Сунь-цзы можно было бы назвать *военно-философский анализ*. В лице академика Н. И. Конрада органично сочетаются филолог, философ, историк. Временами он рассуждает и как военный аналитик.

Филологический же анализ текста «Сунь-цзы» Н. И. Конрад осуществил в другом своем труде – «Очерке древней китайской литературы» (1967)¹. В нем он действительно рассматривает трактат как филолог в узком смысле этого слова. В частности, он отмечает, что в трактате Сунь-цзы часто самые технические положения изложены языком образов – обычно красочных, нередко неожиданных. Именно так наиболее полно раскрывается их смысл и значение². Структуру трактата Н. И. Конрад рассматривает здесь с таких же позиций. Он отмечает, что главный прием построения текста – параллелизм, что означает не только равное количество слов, но и слогов (мор), создает эффект не только структурный, но и эвфонический. Н. И. Конрад считает, что параллелизм настолько определяет литературное лицо трактата, что его можно назвать «поэмой» вроде «Лао-цзы». Там, по его мнению, поэма на философскую тему, здесь – на тему военного искусства. Там поэма почти в стихах, здесь – в прозе. Н. И. Конрад полагает, что эти трактаты объединяет и наличие в них главного героя: «И он такой же, как в «Лао-цзы», невидимый, но ощущаемый во всем. Там – мудрец, но мудрец в образе загадочной, таинственной личности. Тут – полководец, но полководец в своем идеальном образе...»³.

Здесь же Н. И. Конрад поднимает проблему авторства этих и других современных им произведений. Он считает, что понятие авторства в принятом для нас смысле к ним неприменимо. Они создавались не одним лицом и не в одно время: «Литературное произведение этой эпохи – не единовременный факт, а протяженное по времени явление»⁴.

Академик Е. М. Жуков написал вступительную статью к сборнику, посвященному 70-летию со дня рождения Н. И. Конрада. В ней он отмечает, что широта в самом лучшем смысле этого слова придает особую глубину и убедительность исследованиям акаде-

¹ Конрад Н. И. Синология / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995.

² Там же. С. 449.

³ Там же. С. 450.

⁴ Там же. С. 440.

мика Конрада. Он считает, что история, филология, философия, экономика, право при должном взаимодействии дают наиболее правильные ответы на актуальные вопросы в области практически всех гуманитарных исследований. Так как в лице Н. И. Конрада одновременно совмещаются и историк и филолог, одинаково свободно владеющий и японоведческим, и китаеведческим материалом, то в анализе сложнейших проблем культуры стран Дальнего Востока мы получаем от него наиболее компетентное суждение¹.

В. М. Алпатов при рассмотрении научного наследия Н. И. Конрада отмечает широту и многогранность его интересов, подчеркивая, что в ряде работ он далеко выходил за рамки востоковедения. При большом разбросе тематики вся научная деятельность Н. И. Конрада имела четкий стержень – изучение духовной культуры в широком смысле этого слова².

В. В. Малявин по исследованию Н. И. Конрада говорит, что в них недостаточно внимания уделяется ключевым понятиям и принципам теории Сунь-цзы³. При этом он не поясняет, каким именно «ключевым понятиям и принципам» не уделил достаточно внимания Н. И. Конрад.

Академик В. М. Алексеев задавался в свое время вопросом, нужны ли вообще переводы китайских классиков на русский язык, ведь есть так много достаточно умелых переводов, сделанных на европейские языки. На этот вопрос он отвечает однозначно – нужны. По его мнению, тот великий и свободный русский язык, о котором так хорошо говорил И. С. Тургенев, действительно имеет что сказать в речи о чуждом ему человечестве. До этого чуждого человечества, по его мнению, чуткость русского языка доберется раньше и лучше других⁴. Эти слова хотелось бы в первую очередь отнести к академику Н. И. Конраду, исследованиям которого нельзя не дать очень высокую оценку. Сам он так видел задачу филолога:

¹ Жуков Е. М. Вступительная статья // Китай. Япония. История и филология. М.: Вост. лит., 1961. С. 5–6.

² Алпатов В. М. Предисловие // Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С. 4–5.

³ Малявин В. В. Китайская военная стратегия. М.: Астрель-АСТ, 2002. С. 114.

⁴ Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Восточная литература, 2002. С. 121–122.

«Настоящий филолог не имеет права быть только лингвистом. За явлением языка он должен видеть самый язык, а через него – мышление, ум..., творческий гений народа»¹.

До Н. И. Конрада военную тематику в среде китаистов не затрагивали. Военной мыслью древнего Китая интересовались, с точки зрения китаистов, дилетанты. Благодаря Н. И. Конраду она стала достоянием всего общества, частью интеллектуального богатства страны. Основоположника советского (российского) японоведения Н. И. Конрада можно с полным правом считать и основоположником научного изучения военной мысли древнего Китая в России. Он до сих пор остается непревзойденной «вершиной» изучения данной темы в России, несмотря на то что со времени его исследования прошло уже более полувека. К величайшему сожалению, эти исследования Н. И. Конрада в полной мере до сих пор еще не изучены и не осмыслены в России, по крайней мере, в открытой публикации. Хотелось бы надеяться, что свое слово здесь еще скажут не только востоковеды, но и военные специалисты, которым, как уже говорилось, в первую очередь и адресовал эти свои труды академик Н. И. Конрад.

Список литературы

1. Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2-х книгах. Кн. 2. М.: Восточная литература, 2002.
2. Алпатов В. М. Предисловие // Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996.
3. Жуков Е. М. Вступительная статья // Китай. Япония. История и филология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
4. Зиганшин Р. М. Исследования академиком Н. И. Конрадом военной мысли древнего Китая // Восток. 2007, № 2. С. 211–221.
5. Зотов О. В. О логике и структуре трактата Сунь-цзы // XXV научная конференция «Общество и государство в Китае» (НК ОГК). М., 1994. С. 86–95.
6. Зотов О. В. Сунь-цзы и Клаузевиц: парадоксы различия // XVII НК ОГК. М., 1986. С. 17–24.
7. Зотов О. В. Учение Сунь-цзы о «необычной» войне // XVIII НК ОГК. М., 1987. С. 8–15.

¹ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. С. 5.

8. История Древнего Востока. Тексты и документы: Учебн. пособие / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002.
9. Конрад Н. И. Синология: / Репринт с изд. 1977 г. М.: Ладомир, 1995.
10. Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996.
11. Малявин В. В. Китайская военная стратегия. М.: Астрель-АСТ, 2002.
12. Малявин В. В. Китайская наука стратегии / Серия «Каноны». М.: Белые альвы, 1999.
13. Путята Д. В. Вооруженные силы Китая и принципы военного искусства в токовании древних китайских полководцев... // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 39. СПб., 1898.
14. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. 1977.
15. Срезневский. Инструкция китайского полководца Сунтсе подчиненным ему генералам (извлечение из французского перевода) // Военный сборник. 1860. Т. 13. Кн. 6. С. 330–342.
16. Чуев Н. И. Военная мысль в древнем Китае. История формирования военных теорий. М.: Любимая книга, 1999.
17. Amiot J. Art militaire des chinoise. P., 1772.
18. Sun Tzu on The Art of War: the Oldest Military Treatise in the World / transl. from the Chinese. L.: British Museum, 1910.

II. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ПОДХОДЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В. В. Зеленый

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ БАЗЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В ИЗРАИЛЕ

Ключевые слова: Израиль, контртеррористическая деятельность, правовая база, опыт.

Во всем мире Израиль рассматривается как государство, имеющее значительный положительный опыт контртеррористической деятельности. Наряду с этим он позиционируется как правовое государство, что предусматривает не только наличие, но и эффективное функционирование соответствующей правовой базы. Изучение последней является целесообразным для всех субъектов, сталкивающихся с необходимостью решения проблемы терроризма, поскольку может способствовать повышению эффективности их контртеррористической деятельности.

Российское государство, для которого терроризм в соответствии со «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» представляет собой один из глобальных вызовов и кризисов современности¹, не является исключением. В соответствии с «Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации» исследование израильской правовой базы должно осуществляться в рамках научного обеспечения противодействия терроризму².

Анализ израильской правовой базы борьбы с терроризмом показал, что все правовые акты в указанной сфере могут быть разделены на три категории:

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета, 19.05.2009.

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета, 20.10. 2009.

– акты, наделяющие органы исполнительной власти в чрезвычайных условиях особыми полномочиями;

– акты, направленные непосредственно на борьбу с терроризмом;

– акты, определяющие полномочия органов государственной власти при ведении контртеррористической деятельности в рамках борьбы с преступностью в целом.

Указанные документы принимались в различное время, в зависимости от потребностей израильской контртеррористической практики, а также особенностей борьбы с терроризмом в мире в целом.

К категории актов, наделяющих органы исполнительной власти в чрезвычайных условиях особыми полномочиями, относятся, прежде всего, «Положения об обороне (чрезвычайный период)» («(□□□ □□□) □□□□ □□□□»). «Положения» является документом, положившим начало формированию израильской нормативной правовой базы борьбы с терроризмом. Он был принят в 1945 г. властями Британского мандата в качестве средства правового обеспечения борьбы с незаконными еврейскими формированиями за государственную независимость. Несмотря на то, что «Положения», по оценке израильского исследователя И. Замира, нанесли самый тяжелый удар по правам человека¹ в Эрец Исраэль, в дальнейшем, после определенных изменений они были приняты и правительством Израиля.

Могут быть выделены два аспекта «Положений об обороне (чрезвычайный период)», имеющие отношение к борьбе с терроризмом – определение субъекта незаконной деятельности, а также возможных в отношении него действий. При определении субъекта незаконной деятельности прослеживается глобальный подход, в соответствии с которым терроризм не выделяется в качестве отдельной проблемы, а дается общее определение незаконного формирования. Таковым считается «любая группа лиц, объединенная или необъединенная, периодически имеющая название (или же без названия), которая пропагандирует, провоцирует или поощряет в своих уставных документах или

¹ Замир И. Права человека и безопасность страны // Национальная безопасность и демократия в Израиле. Хрестоматия. Армия и политика в еврейском демократическом государстве. Т. 1. Изд-во Открытого университета Израиля, 2007. С. 277.

агитационных материалах один из следующих видов незаконной деятельности:

- действия против конституции Израиля или попытки свержения правительства Израиля путем использования силовых действий или актов насилия;

- действия, результатом которых является гибель людей или их устрашение, подстрекательство к ненависти по отношению к правительству Израиля или одному из государственных служащих при исполнении служебных обязанностей;

- уничтожение собственности Государства Израиль или нанесение ей ущерба;

- террористические акты, направленные против Государства Израиль или его служащих»¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что в соответствии с «Положениями об обороне (чрезвычайный период)» признание определенных организаций в качестве незаконных осуществляет министр обороны. В частности в главе 84 рассматриваемого документа указывается, что любая группа лиц, объединенная или необъединенная, периодически имеющая название (или же без названия) «о которой министр обороны заявил, что она незаконная, в том числе любое подразделение, центр, вплоть до группы, фракции или учреждения подобной группы»², считается таковой.

Решение министра обороны о признании группы лиц незаконным формированием влечет за собой применение различных санкций, например, арест движимого и недвижимого имущества указанного формирования, его банковских счетов, а также лишение права распоряжаться ими в настоящем и в будущем³. Кроме этого министр обороны, изучив обстоятельства дела, имеет право отдать приказ о конфискации в пользу Государства Израиль всего имущества лица нарушившего или пытавшегося нарушить закон, оказывавшего содействие преступникам при нарушении закона или же после него, или совершившего другое правонарушение, связанное с

¹ Таканот ха-хагана (шъат херум). Такана 84 (1) Алеф (Положения об обороне (чрезвычайный период), положение 84 (1) А). URL: www.nevo.co.il/Law_word/law01/999_194.doc

² Там же, положение 84 (1) Б.

³ Там же, положение 84 (2) А.

насилием или устрашением, или правонарушение, рассмотрение которого осуществляется военным судом¹.

В целом, «Положения об обороне (чрезвычайный период)» наделяют органы государственной власти Израиля дополнительными, по сравнению с обычным положением, полномочиями, наличие которых, по мнению израильского законодателя, может способствовать повышению эффективности борьбы с незаконными формированиями. В частности речь идет о ряде прав и запретов, среди которых могут быть выделены следующие:

- право начальника Генерального штаба ВС Израиля учреждать и использовать военные суды на оккупированных территориях²;

- право учреждать и использовать военную цензуру;

- право проведения проверки транспортных средств, оснащенных двигателем;

- право объявлять определенные формирования незаконными и определять средства противодействия указанным формированиям;

- право ограничивать свободу передвижения человека, включая использование административного ареста;

- право конфисковать дома и разрушать их;

- запрет на ношение военной формы лицам, не имеющим соответствующего права³.

Как явствует из названия документа – «Положения об обороне (чрезвычайный период)» – его применение детерминировано условиями чрезвычайного положения. В соответствии со статьей 38 «Основного закона: правительство» указанное положение может быть объявлено Кнессетом, а в экстренных ситуациях – правительством⁴. Первоначально оно было объявлено в 1948 г., что позволило израильскому правительству использовать рассматриваемые положения. Режим чрезвычайного положения в Израиле перма-

¹ Там же, положение 120.

² Там же, Военные суды, часть Б.

³ Таканот ха-хагана (шг'ат херум) (Положения об обороне (чрезвычайный период). URL: <http://he.wikipedia.org/wiki>

⁴ Хок ха-йесод; мемшала. Саиф 38. Хахразат мацав херум (Основной закон: правительство. Статья 38. Объявление чрезвычайного положения). URL: <http://www.knesset.gov.il/laws/special/heb/yesod7.htm>

нентно возобновляется, что является законным основанием для непрерывного использования «Положений об обороне (чрезвычайный период)».

Следующая категория включает в себя документы, направленные непосредственно на борьбу с терроризмом. Она может быть разделена две составляющие: международные и национальные нормативно-правовые акты. Примером документа, принятого в Израиле и отражающего подходы к борьбе с терроризмом на уровне ООН, является «Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом», к которой Израиль присоединился в 2003 г. Указанная конвенция расширила понятийный аппарат борьбы с терроризмом, а также, как следует из ее названия, криминализировала действия как по непосредственному, так и косвенному участию в осуществлении актов бомбового терроризма, отметив полномочия государства вести борьбу с указанным видом терроризма¹.

Непосредственно израильская специфика правовой базы борьбы с терроризмом отражается в национальных нормативно-правовых актах, к которым относятся «Указ о предотвращении терроризма» (תקנות למניעת טרור) и «Закон о запрете финансирования терроризма» (חוק האיסור על מימון טרור).

Указ «О предотвращении терроризма» был издан Временным государственным советом в 1948 г. Он стал первым аутентичным документом, заложившим основы понятийного аппарата борьбы с терроризмом. В нем были даны определения террористической организации (ארגון טרוריסטי) и члена террористической организации (חבר ארגון טרוריסטי). Согласно названному указу террористической организацией считается «группа лиц, использующих насильственные действия, которые могут повлечь за собой смерть человека или нанести вред его здоровью или же угрожающих совершить подобные действия»². Членом террористической организации считается «лицо, ассоциирующееся с указанной организацией, в том числе лицо, принимающее участие в деятельности данной организации, проводящее агитацию в интересах террористической организации,

¹ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml

² Пкудат мниат террор. Саиф 1 (1) (Указ о противодействии терроризму. Статья 1 (1)). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml1

ее деятельности или целей, или же собирающее денежные средства или материальные ценности в пользу террористической организации или ее деятельности»¹.

Кроме этого, в указе были определены действия, которые могут быть охарактеризованы как участие в деятельности террористической организации, а также как поддержка, оказываемая террористической организации, с указанием меры ответственности за подобные действия.

В соответствии с «Указом о противодействии терроризму» алгоритм признания организации террористической практически аналогичен процессу признания организации незаконной, т.е. соответствующее решение принимают органы не судебной, а исполнительной власти. Разница заключается в том, что право признания организации незаконной принадлежит министру обороны, а террористической – правительству. Так в соответствии с рассматриваемым указом «Если правительство признает определенную группу лиц в качестве террористической организации, с опубликованием соответствующей информации в официальном бюллетене, указанное признание будет являться доказательством в любом суде, что данная группа лиц является террористической организацией, если не доказано обратное»². На сайте министерства обороны Израиля подчеркивается, что соответствующее решение правительства и его обнародование в официальном бюллетене является достаточным не требующим дополнительных доказательств основанием для рассмотрения указанного объединения или организации в качестве террористических и принятия по отношению к ним соответствующих санкций.

В качестве основных мер борьбы с терроризмом, рассматриваемых в «Указе о противодействии терроризму», могут быть выделены: лишение свободы членов террористических организаций, наложение на них штрафов, конфискация имущества террористической организации, арест и последующая конфискация имущества террористических организаций и незаконных формирований.

Например, в соответствии с «Указом о предотвращении терроризма» деятельность в террористической организации наказывает-

¹ Там же.

² Там же. Статья 8.

ся лишением свободы на срок до 20 лет¹, членство в террористической организации – лишением свободы на срок до пяти лет², поддержка террористической организации – лишением свободы на срок до трех лет или штрафом в размере до 1000 лир или же двумя наказаниями одновременно³. «Указ о предотвращении терроризма» также определяет, что все имущество террористической организации по решению районного суда конфискуется в пользу государства⁴. Предварительно на все подлежащее конфискации имущество в соответствии с письменно оформленным решением генерального инспектора полиции Израиля накладывается арест⁵.

Интересен подход, в соответствии с которым определяется состав имущества террористической организации. Согласно «Указу о предотвращении терроризма» вся собственность, находящаяся в месте, используемом террористической организацией или ее членами, на постоянной основе или периодически с целью осуществления своей деятельности, проведения встреч, агитационных мероприятий или как складское помещение, а также все имущество, находящееся в собственности или распоряжении члена террористической организации, считается имуществом террористической организации, если не доказано обратное⁶. Кроме этого, «Указ о противодействии терроризму» определил, что генеральный инспектор полиции Израиля имеет право письменно оформленным решением закрыть любое место, используемое на постоянной основе или периодически террористической организацией или ее членами с целью осуществления своей деятельности, проведения встреч, агитационных мероприятий или как складское помещение⁷.

Следующим аутентичным документом нормативной правовой базы борьбы с терроризмом является принятый в 2005 г. «Закон о запрете финансирования терроризма». Изучение указанного закона позволяет сделать вывод о том, что он разработан на основе «Положений об обороне (чрезвычайный период)» и «Указа о противо-

¹ Там же. Статья 2.

² Там же. Статья 3.

³ Там же. Статья 4.

⁴ Там же. Статья 5, пункт А.

⁵ Там же. Статья 5, пункт Б.

⁶ Там же. Статья 5, пункт В.

⁷ Там же. Статья 6.

действию терроризму». Закон, путем уточнения ранее использовавшихся и введения новых определений, расширил понятийный аппарат борьбы с терроризмом. Кроме этого были определены меры, направленные на предотвращение финансирования терроризма, а также порядок их применения.

В частности, несмотря на то, что в «Указе о противодействии терроризму» понятия террористической организации (Организация террористическая) и члена террористической организации (Член террористической организации) были рассмотрены, тем не менее «Закон о запрете финансирования терроризма» уточнял в соответствии с современными реалиями понятие террористической организации (Группа лиц), а также дал определение лица, занимающегося террористической деятельностью (Лицо, занимающееся террористической деятельностью). Так «группа лиц, осуществляющих деятельность по совершению террористического акта или же с целью позволить или содействовать совершению террористического акта»¹ характеризуется в качестве террористической организации. В соответствии со статьей 1 Закона «лицо, участвующее в совершении террористического акта, или же содействующее, или агитирующее за его проведение, или же лицо, принимающее участие в деятельности организации, признанной террористической...» является лицом, занимающимся террористической деятельностью².

Кроме этого в Законе получили закрепление целый ряд новых определений, имеющих непосредственное отношение к борьбе с терроризмом, например: организация, признанная террористической (Организация террористическая); действия, представляющие собой преступление (Действия террористического характера); террористический акт (Акт террористический), имущество, связанное с преступлением (Имущество террористическое); террористическое имущество (Имущество террористическое).

Так к организации, признанной террористической, относятся три категории объединений:

– группа лиц, которую Министерская комиссия в соответствии со статьей 2 Настоящего закона объявила террористической;

¹ Хок ирус мимун террор. Саиф 1 (Закон о запрете финансирования терроризма. Статья 1). URL:http://ozar.mof.gov.il/hon/2001/law_files/seferhok/hon/tsc293/TSCAN076.REF.htm

² Там же.

– группа лиц, которую правительство в соответствии со статьей 8 «Указа о противодействии терроризму» объявило террористической;

– группа лиц, которую министр обороны объявил незаконным объединением в соответствии с пунктом 84 «Положений об обороне (чрезвычайный период)»¹.

Очевиден вывод о том, что понятие «Организации, признанной террористической» включило в себя использовавшиеся ранее в соответствии с «Положениями об обороне (чрезвычайный период)» и «Указом о предотвращении терроризма» понятия террористической организации и незаконного объединения, фактически поставив знак равенства между незаконным объединением и террористической организацией. На практике все организации, признанные террористическими или незаконными объединениями, фигурируют в едином списке².

Заслуживают особого внимания положения, на основании которых организация признается террористической или же отдельное лицо признается лицом, занимающимся террористической деятельностью. Аналогично «Положениям об обороне (чрезвычайный период)» и «Указу о предотвращении терроризма» соответствующее решение принимается органами не судебной, а исполнительной власти, в частности Министерской комиссией. Основанием для подобного решения могут служить аналогичное признание зарубежных субъектов, а также собственные соображения, которые в Законе охарактеризованы как «веские основания»³.

При определении действия, представляющего собой преступление, Закон не ограничивается израильской территорией, а относит к последнему также действие, совершенное вне израильской юрисдикции. Значимым является то, что к данной категории могут быть отнесены действие, представляющее собой преступление как в соответствии с израильским законодательством, так и в соответствии с законодательством того места, где указанное действие бы-

¹ Там же.

² По состоянию на 6 июня 2012 г. в указанном списке фигурировали 362 организации. Решимат хахразот ве-цавим (Список официальных заявлений и указов) // сайт МО Израиля – www.mod.gov.il

³ Хок ирус мимун террор. Саиф 2 (Закон о запрете финансирования терроризма. Статья 2).

ло совершено, или же законодательством того государства, против граждан которого было направлено указанное действие¹.

При выработке определения «террористического акта» авторы «Закона о запрете финансирования терроризма», как правового акта прямого действия, пошли по пути перечисления конкретных признаков, позволяющих классифицировать те или иные действия в качестве террористических. Прежде всего, террористический акт классифицируется как преступление, совершенное или планируемое с конкретной целью – оказать влияние на решение государственных, идеологических или религиозных вопросов. При этом израильский законодатель не исключает возможность использования химического, биологического или радиоактивного оружия для достижения указанных целей. В дальнейшем определяются цели более низкого порядка – вызвать страх и панику среди населения или же вынудить правительство или другие органы власти, в том числе правительство или другие органы власти иностранного государства совершить или воздержаться от совершения неких действий. Значимыми для определения террористического акта, по мнению авторов Закона, являются его возможные последствия, к которым отнесены:

- нанесение значительного физического ущерба человеку, ограничение его свободы, создание угрозы его жизни или здоровью;
- создание угрозы безопасности общества;
- нанесение серьезного материального ущерба;
- значительное нарушение работы подразделений инфраструктуры, жизненно важных систем и служб².

«Террористическое имущество» входит в более глобальную категорию «имущества, связанного с преступлением». Последнее не ограничивается имуществом, где было совершено преступление, или использование которого позволило совершить преступление. В него входит также имущество непосредственно или косвенно предоставляемое в качестве платы за совершение преступления, предназначенное для вознаграждения за совершение преступления или полученное в результате совершения преступления»³.

¹ Там же. Статья 1.

² Там же.

³ Там же.

Аналогичный подход прослеживается и при определении непосредственно террористического имущества, которое включает в себя три составляющие:

- имущество непосредственно террористической организации, имущество, используемое в ее деятельности или имущество, позволяющее осуществлять деятельность указанной организации;

- имущество, используемое при совершении, позволяющее совершить или способствующее совершению террористического акта;

- имущество, предоставленное непосредственно или косвенно в качестве платы или вознаграждения за совершение террористического акта или полученное в результате совершения террористического акта¹.

Такая постановка вопроса способствует отмежеванию лиц, не причастных к терроризму, от членов террористических организаций, а также значительно осложняет возможность использования родственниками террориста имущества, полученного в качестве платы за совершенный террористический акт.

В целом в Законе уделяется значительное внимание определению формы и меры ответственности за действия с материальными ценностями, направленными на достижение террористических целей, также описываются процедуры применения указанных мер.

Третья категория документов израильской правовой базы борьбы с терроризмом включает в себя акты, определяющие полномочия органов государственной власти в рамках борьбы с преступностью в целом. К ней могут быть отнесены Уголовный кодекс (1977-שנת תשמ"ז, ספר החוקים לשנת תשמ"ז), «Закон о Службе общей безопасности» (חוק שירות הביטחון הכללי), «Указ о полиции» (1971-שנת תשל"א, מסמך 1000), «Закон о свободе информации» (1998-שנת תשנ"ח, ספר החוקים לשנת תשנ"ח), Основной закон: правительство (חוק הממשלה: ספר החוקים לשנת תשמ"ד), Основной закон: армия (חוק הצה"ל: ספר החוקים לשנת תשמ"ד), внутренние инструкции, используемые в Моссад и другие акты.

Применение нормативно-правовых актов указанной категории объясняется тем, что преступник – совершает он террористический акт или в его действиях отсутствует террористическая составляющая – преследуется в соответствии с действующим законодатель-

¹ Там же.

ством. Целый ряд действий, например убийство, захват заложника, незаконное применение оружия, создание незаконного вооруженного формирования, нанесение значительного материального ущерба и т.д., в зависимости от цели, могут как входить, так и быть исключенными из категории террористических. Документы указанной категории не только наделяют органы государственной власти и, прежде всего, институциональной подсистемы, полномочиями бороться с терроризмом в рамках борьбы с преступностью в целом, но и четко определяют их границы.

Границы полномочий органов государственной власти определяются в соответствии с принципом разделения властей, функционирующих вне условий чрезвычайного положения. Так, органы законодательной власти формируют правовую базу борьбы с терроризмом, а также осуществляют контроль действий органов исполнительной власти. Последние, на основе сформированной правовой базы через правоохранительные органы и другие силовые структуры, непосредственно ведут борьбу с терроризмом, а также обеспечивают функционирование системы уголовных наказаний за терроризм. Органы судебной власти осуществляют правосудие по делам о терроризме.

Основным документом, наделяющим органы исполнительной власти Государства Израиль полномочиями осуществлять борьбу с терроризмом в рамках борьбы с преступностью, является Уголовный кодекс. Несмотря на то, что он регулирует применение норм права в отношении преступности в целом, отдельные положения Уголовного кодекса имеют непосредственное отношение к борьбе с терроризмом. В частности статья 144 характеризует «преступление, в результате которого наносится вред здоровью человека, или подвергается смертельной угрозе его жизнь, или возникает угроза нанесения значительного материального ущерба» в качестве акта «насилия или террора»¹. Рассматриваемый документ также определяет степень ответственности за различные виды преступлений, в том числе, имеющих отношение к терроризму. Например, подстрекательство к актам насилия или терроризма наказывается лишением свободы на пять лет², а хранение

¹ Хок ха-онашин. 1977. Саиф 144 далет 2 бет (Уголовный кодекс. 1977. Статья 144 Г 2 Б). URL: www.nevo.co.il/law_html/law01/073_002.htm

² Там же. Статья 144 Г 2 А.

агитационных материалов, призывающих к совершению актов насилия или терроризма – лишением свободы на один год¹.

Анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих различные аспекты борьбы с терроризмом в Израиле, а также особенности их применения позволяют сделать ряд выводов:

1. Правовая база борьбы с терроризмом в Израиле содержит элементы понятийного аппарата контртерроризма, определяет меры, направленные на борьбу с терроризмом, а также порядок их применения. Эффективность функционирования указанной базы видится относительной, что объясняется ее ориентированностью на борьбу с терроризмом и отсутствием должного внимания устранению социально-политических причин этого явления.

2. Израильские нормативно-правовые документы являются актами прямого действия, что значительно повышает их эффективность.

3. Документы израильской правовой базы ориентированы преимущественно не на их соответствие моральным нормам или принципам функционирования демократического государства, а на эффективное устранение террористических опасностей и угроз. Об этом свидетельствует факт применения в современном Израиле нормативно-правовых документов, разработанных властями Британского мандата, специфика процедур определения степени причастности к терроризму, а также жесткость принимаемых контртеррористических мер.

4. В отечественных условиях может оказаться целесообразным частичное использование аутентичных израильских подходов к решению проблемы терроризма, отражающихся в документах нормативно-правовой базы, в частности подход к определению террористического имущества.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета, 19.05. 2009.
2. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета, 20.10. 2009.

¹ Там же. Статья 144 ГЗ.

3. Замир И. Права человека и безопасность страны // Национальная безопасность и демократия в Израиле. Хрестоматия. Армия и политика в еврейском демократическом государстве. Т. 1. Изд-во Открытого университета Израиля, 2007. С. 261–306.
4. Таканот ха-хагана (шъат херум) (Положения об обороне (чрезвычайный период) // www.nevo.co.il/Law_word/law01/999_194.doc
5. Таканот ха-хагана (шъат херум) (Положения об обороне (чрезвычайный период) // <http://he.wikipedia.org/wiki>
6. Хок ха-йесод: мемшала (Основной закон: правительство) // <http://www.knesset.gov.il/laws/special/heb/yesod7.htm>
7. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml
8. Пкудат мниат теппор (Указ о предотвращении терроризма) // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml
9. Хок исур мимун теппор (Закон о запрете финансирования терроризма) // http://ozar.mof.gov.il/hon/2001/law_files/seferhok/hon/tsc293/TSCAN076.REF.htm
10. Решимат хахразот ве-цавим (Список официальных заявлений и указов) // сайт МО Израиля – www.mod.gov.il
11. Хок ха-онашин. 1977. Саиф 144 далет 2 бет (Уголовный кодекс. 1977. Статья 144 Г 2 Б) // www.nevo.co.il/law_html/law01/073_002.htm

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ АМЕРИКАНО-ИЗРАИЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: Американо-израильские отношения, внешняя политика США, Израиль, израильское лобби.

В американской историографии отведено особое место изучению американо-израильских отношений. Специалистов волнует широкий спектр проблем, с которыми сталкиваются союзники: от взаимодействия в ближневосточном урегулировании до участия израильского лобби в формировании ближневосточной политики США. На сегодняшний день в научной сфере особое внимание уделено анализу внешнеполитических интересов США и Израиля. В период политической трансформации на Ближнем Востоке и общей трансформации системы международных отношений необходимо понять, есть ли у союзников общие интересы в регионе. Другой кейс, который волнует американское научное сообщество – это влияние произраильских сил на внешнюю политику США. Не теряет своей актуальности и вопрос о ближневосточном урегулировании, особенно, когда американская администрация активно принимает новые попытки реанимировать палестино-израильские переговоры, несмотря на бескомпромиссную политику Израиля в отношении строительства еврейских поселений на палестинских территориях. Американские специалисты пристально следят за ходом израильско-иранских противоречий, тому виной перманентные израильские угрозы разбомбить иранские ядерные объекты и «прозрачное» желание израильских политиков вовлечь в подобную авантюру США. В данной статье принимается попытка рассмотреть наиболее интересные и дискуссионные работы американских авторов по указанным темам.

Есть ли у США и Израиля общие интересы на Ближнем Востоке?

Незатихающий интерес научного сообщества к американо-израильскому союзу, различным сферам взаимодействия двух его участников и факторам, влияющим на него, обусловлен несколькими причинами. Среди них основные: прямопропорциональное влияние американо-израильского союза на события, происходящие на ближневосточной арене; укрепление Израиля как регионального игрока, которое происходит благодаря американской поддержке и помощи; формирование ближневосточной политики США, основным элементом которой является Израиль.

На сегодняшний день американо-израильские отношения являются примером успешного и взаимовыгодного сотрудничества, безусловно, не без своей специфики. Они развиваются во всех возможных сферах, среди которых можно отметить военное, торговое, дипломатическое, информационное, инновационное, культурно-научное взаимодействие, взаимодействие в СМР и др.¹ Подобного уровня партнерства государства добились не сразу, с момента создания Израиля прошло около 30 лет, пока израильско-американский тандем окончательно приобрел статус «особых и нерушимых отношений»².

Вместе с тем, стратегический альянс США и Израиля сталкивается с внутренними вызовами. В новом тысячелетии основные противоречия стали касаться ближневосточного урегулирования и иранского ядерного досье. Израиль и США являются суверенными государствами со своими национальными интересами, со своим особым международной обстановки и собственными стратегиями поведения на международной арене, которые не всегда соответствуют желаниям союзника. Более того, в силу географической отда-

¹ Израиль и США ведут активное сотрудничество в сфере содействия международного развития через МАШАВ (Израильский центр международного сотрудничества) и АМР (Агентство США по международному развитию).

² WATCH: Obama campaign video says US-Israel bond “unbreakable” // haaretz.com [online: 08.11.2013]

URL: <http://www.haaretz.com/blogs/diplomania/watch-obama-campaign-video-says-u-s-israel-bond-unbreakable-1.408458>

ленности и разности исторических судеб, у двух стран разное восприятие угроз, приводящее и к разным способам их устранения.

Американские исследователи задаются закономерным вопросом: есть ли на данный момент у США и Израиля общие интересы в регионе? Дов Уэксмэн (Dov Waxman), американский политолог и автор статьи «Настоящие проблемы американско-израильских отношениях» (The Real Problem in U.S. – Israeli Relations)¹ выделяет целый ряд интересов, которые в целом сводятся к необходимости поддержания определенного уровня стабильности в регионе. Так, обе страны не хотят «ядерного Ирана» и им невыгодно усиление иранского влияния в регионе; для обеих стран недопустимо распространение ядерного оружия и баллистических ракет на БСВ; обе страны хотят остановить распространяющуюся угрозу со стороны исламского терроризма (Islamist-inspired terrorism) и поддерживают прозападные режимы (напр., Иорданию).² Едины они (по крайней мере, на уровне деклараций) и в подходах к проблеме ближневосточного урегулирования : мирное урегулирование, безопасность Израиля и нормализация отношений с арабскими государствами. Проблема же, с точки зрения Дова Уэксмэна, состоит в том, что наличие общих интересов не коррелирует со стратегическими **видениями** США и Израиля. Израильцы недовольны тем, что американцы не помогают в устранении иранской угрозы. Американцы, в свою очередь, считают, что израильтяне не мыслят в стратегической перспективе и не способствуют подвижкам в ближневосточном урегулировании. По мнению Уэксмэна, стороны не достигают желаемых результатов и лишь обвиняют друг друга в подрыве интересов партнера на БСВ.

Схожие взгляды выражает в своем труде «Перекресток: будущее американско-израильского партнерства» (Crossroads: the future of Us-Israel strategic partnership)³ и американский политолог Хаим Малка (Haim Malka). Отмечая, что расхождения между союзниками усилились в период Арабского пробуждения, автор выражает уверенность, что странам необходимо избежать окончательного раскола, вернуть

¹ Dov Waxman. The Real Problem in U.S.–Israeli Relations / The Washington Quarterly Volume 35, Issue 2, 2012. P. 71–87.

² Ibid. P. 74.

³ Haim Malka. Crossroads: the future of Us-Israel strategic partnership / Center for Strategic and International Studies, Washington, 2011.

прежнее доверие и стремиться к общей согласованной политике, основанной на общих интересах. При этом решение палестинского вопроса только укрепит американско-израильский союз.

Более критично настроен американский политолог Стивен Уолт, который считает¹, что особые отношения с Израилем мешают США достигать своих целей в регионе. Прежде всего, С. Уолт говорит о том, что понятие демократия по-разному воспринимается в Израиле, который изначально создавался как еврейское государство, и в США, которые считаются примером либеральной демократии. Отсутствие прав и свобод у палестинцев на оккупированных территориях, пренебрежение к палестинцам в Израиле как к людям второго сорта, противоречит американской либерально-демократической идеологии. Израиль не создает стабильность в регионе, наоборот, очень часто израильские действия вели к дестабилизации в регионе (автор приводит в пример израильское вторжение в Ливан в 1982 г. и создание Хизбаллы). Израиль не оказал американцам поддержку в сохранении доступа к нефтяным вышкам в Персидском заливе во время Иранской революции 1979 г. и остался в стороне во время Войны в Персидском заливе и иракской кампании 2003 г. Более того, Израиль активно сотрудничает с Китаем, которому предоставляет американскую военную технологию (Уолт напоминает и о продаже оружия Ирану в 1980-х гг.). Тем самым, Стивен Уолт показывает другую сторону отношений, где Израиль является обременительным союзником и своими действиями ставит под вопрос наличие у стран совместных интересов.

Так или иначе, наличие общих интересов не отменяет разногласия по поводу реализации внешнеполитических амбиций в регионе. Бенжамин Миллер, автор статьи «Американское управление ближневосточным миром и войной: между оборонительным реализмом и наступательным либерализмом» (*US management of Middle East war and peace: between defensive realism and offensive liberalism*)² описывает четыре возможных модели, которые могут быть использованы во внешней политике: наступательный реализм, оборони-

¹ Is Israel Really American' Ally? // Foreign Policy [online: 07.11.2013] URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/06/20/is_israel_really_americas_ally

² US-Israeli Relations in a New Era: Issues and Challenges after 9/11. Editor by Eytan Gilboa and Efraim Inbar / Routledge, New York, 2009. P. 9–33.

тельный реализм, наступательный либерализм и оборонительный либерализм. Касательно США и Израиля, Миллер замечает, что Израиль использует наступательные подходы, однако только оборонительные инициативы (например, Осло) укрепляют американо-израильский тандем. Очевидно, что, если стороны будут использовать одну модель для принятия внешнеполитических решений, то отношения станут еще более крепкими.

Так, можно заключить, что американские политологи при всем плюрализме мнений солидарны в том, что общие интересы в регионе у США и Израиля есть, но сторонам необходимо проявить не мало усилий для того, чтобы реализовать свои внешнеполитические амбиции, не ущемляя интересы другого партнера. Американские специалисты ждут более взвешенных действий со стороны Израиля, сопряженных с политикой, основанной на компромиссе.

Подходы к изучению американо-израильских отношений на современном этапе

В целом, в американском научном сообществе существуют две точки зрения относительно характера современного состояния американо-израильских отношений.

Сторонники первой положительно оценивают американо-израильский диалог и подчеркивают успешность данного партнерства во всех сферах, начиная от торговли, заканчивая образованием. Подобные идеи можно встретить в работе Роберта О. Фридмана «Израиль и США: шесть десятилетий Американо-израильских отношений». В данной работе проведен тщательный анализ наиболее важных сфер взаимодействия Израиля и США, начиная от экономических отношений, заканчивая влиянием американской юридической системы на формирования израильского права. Необходимо отметить, что книга, состоящая из статей ведущих специалистов по разным проблематикам, дает положительный анализ современного состояния отношений. Роберт О. Фридман, редактор и автор двух статей из коллективной монографии, несмотря на популярную точку зрения среди американистов, что новый ближневосточный курс Обамы вредит Израилю, считает, что Обама – лучший американ-

ский президент для Израиля¹, что подтверждается двумя обстоятельствами Во-первых, несмотря на экономический упадок в США, он не отошел от финансовой поддержки Израиля и его системы ПРО «Железный купол». Во-вторых, его администрация продолжает поддерживать еврейское государство и на дипломатическом уровне, блокируя любую антиизраильскую резолюцию в ООН.

Сторонники иной точки зрения, некоторые из них причисляют себя к правым произраильским силам, оспаривают американскую преданность Израилю, указывая на то, что официальные лица Белого дома не признают Иерусалим как столицу еврейского государства². Кроме того, США не признают все территориальные изменения и аннексии, совершенные Израилем, а также не поддерживают израильскую поселенческую политику. В последнее время, некоторые аналитики подвергают критике администрацию Обамы за то, что Америка «сдает» Израиль. Так, Барри Рубин, директор Центра глобальных исследований по международным делам (The Global Research in International Affairs (GLORIA) Center), видит в действиях администрации Обамы «угрозу для Израиля»³, прежде всего, из-за мягкости Обамы по отношению к исламистским силам, пришедшим к власти в арабских странах в ходе Арабского Пробуждения, и попыткам Ирана создать ядерное оружие. В целом, Б. Рубин в статье для Foreign Affairs говорит о том, что американо-израильские отношения нельзя назвать стабильными, скорее амбивалентными в силу различных ситуаций, когда США отказывались предоставлять помощь израильтянам.

Существует другая группа американских авторов (к ним можно отнести Джеффри Голдберга, Стивена Уолта и мн. др.), которые считают, что Израиль вредит не просто интересам США в регионе, но и сам себе из-за своей непримиримости к палестинцам (отсутст-

¹ Robert O. Freedman. Is Obama really throwing Israel under bus? // The Baltimore Sun [online; 28.03.13] URL: http://articles.baltimoresun.com/2012-09-10/news/bs-ed-obama-israel-20120910_1_iron-dome-president-obama-mahmoud-abbas-palestinian-authority

² Американское посольство располагается в Тель Авиве.

³ Barry Rubin. How Is Obama's Middle East Policy Endangering Israel? Let Me Count the Ways // PJMedia [online: 05.05.2013] URL: <http://pjmedia.com/barryrubin/2011/12/12/how-is-obamas-middle-east-policy-endangering-israel-let-me-count-the-ways/>

вие свобод и прав у палестинского населения на оккупированных территориях и мн. др.) и нежелания разделить общую стратегию с США в вопросе иранского ядерного вооружения. Авторы акцентируют внимание на том, что США – глобальная супердержава, а Израиль, ключевой американский стратегический партнер, но остается в «зависимом положении от Америки»¹.

Правительство Беньямина Нетаньяху не дает себе отчет в том, что, опуская возможность сесть за стол переговоров с палестинцами, израильтяне теряют одобрение своих лучших друзей. Американский журналист Джеффри Голдберг подчеркивает, что израильские лидеры уверены, что любовь Америки к Израилю никуда не денется, «но они ошибаются»².

Обобщая, можно сделать вывод, что при анализе американо-израильского союза нельзя опираться лишь на одну или другую группу ученых, высока вероятность, что одностороннее восприятие реальности отношений США и Израиль может исказить научную работу.

Арабо-израильский конфликт:

Джордж Буш мл. VS Барак Обама

Особого внимания заслуживает сравнительный анализ, проведенный Робертом О. Фридманом, политики Буша-мл. и Обамы в урегулировании арабо-израильского конфликта³. Джордж Буш-мл., по мнению Фридмана, консерватор с черно-белым пониманием терроризма, его видение мира полностью совпадало с представлениями консерваторов, находившихся у власти в Израиле.

Касательно международного мироощущения Джорджа Буша мл., Збигнев Бжезинский в своей книге «Еще один шанс» замечает, что вследствие военных кампаний в Ираке и Афганистане Белый

¹ Is Israel Really American' Ally? // Foreign Policy [online: 07.11.2013] URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/06/20/is_israel_really_americas_ally

² Is Israel Really American' Ally? // Foreign Policy [online: 07.11.2013] URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/06/20/is_israel_really_americas_ally

³ Israel and the United States. Six decades of US-Israeli Relations. Edited by Robert O. Freedman / Colorado: Westview Press, 2012. P. 36.

дом охватила гордыня и высокомерие¹. Бжезинский приводит в качестве примера слова Буша мл., обращенные к губернатору Ирака: «Хотите то же самое сделать в Иране?»². Вообще, вся ближневосточная политика Буша мл. оценивается Бжезинским как провальная. Черно-белое понимание мира, а точнее «кто не с нами – тот против нас» (как неоднократно говорил Буш-мл.) привело к катастрофе лидерства. В отчетной карте президента, Бжезинский поставил твердую 2 правлению Буша мл. и подытожил, что упрощенное догматическое представление о мире вызвало саморазрушающую изоляцию³.

Однако с приходом либерала Обамы, ситуация изменилась. Отличительной чертой его политики в регионе стал отход от демократизации, проводившейся Бушем-мл., однако с точки зрения Фридмана: «Создалось впечатление, что к февралю 2011 года США вернулись к старой политике Джорджа Буша-мл. – демократизации».

Что же касается конкретных проявлений, то в политике двух администраций, как по отношению к БСВ в целом, так и к Израилю, в частности, присутствовали и различия, и сходства.

Прежде всего, оба президента были озабочены безопасностью Израиля: при Буше-мл. был подписан Меморандум о взаимопонимании, обеспечивавший Израиль поддержкой в 30 млрд долларов в течение 10 лет, а Обама не только поддержал Меморандум, но и предоставил 250 млн долларов на развитие израильской системы ПРО «Железный купол». И Буш мл., и Обама, выступая против устранения ядерных реакторов американскими силами, одновременно настороженно относились к возможности израильского удара по Ирану. Наконец, оба президента поддерживали еврейскую идентичность израильской государственности.

Вместе с тем, при том, что ни та, ни другая американская администрация открыто не поддерживала строительство еврейских поселений, Буш-мл. демонстрировал в этом вопросе большую снисходительность, чем Обама. Если Буш-мл. стремился изолировать Сирию и Иран, то Обама, вначале пытался улучшить с ними

¹ Збигнев Бжезинский. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. / Международные отношения. М., 2010. С. 119.

² Там же.

³ Збигнев Бжезинский. Еще один шанс... С.160.

отношения,, наивно полагая¹, что это отразится и на иракском фронте (например, прекратится проникновение антиамериканских сил в Ирак) и на треугольнике Сирия-ХАМАС-Хизбалла (ожидалось сокращение поддержки двух организаций со стороны Сирии). И только с середины 2011 года, когда в Сирии уже начиналась кровопролитная гражданская война, в риторику американского лидера вернулась прежняя жесткость – он стал открыто критиковать действия сирийского правительства. Наконец, принципиально разное место в политике двух президентов занимал Ближневосточный процесс – если Буш мл. не оправдал своих обещаний урегулировать палестино-израильские противоречия, и вообще не особенно увлекался этой проблемой, то Обама подошел к делу намного серьезней, стараясь всячески продемонстрировать, что его интерес не носит случайного, эпизодического характера, что впрочем, никаких последствий пока что не получило.

Итак, оба лидера (Обама и Нетаньяху) по-разному видят мирополитическую сцену, и ближневосточный регион, в частности. Следуя разным ближневосточным приоритетам, они используют разные методы урегулирования проблем.

США и Израиль в «иранской западне»

Ирано-израильские противоречия восходят к иранской революции 1979 года, когда новые иранские властители отреклись от взаимодействия с сионистским врагом и Большим Дьяволом Америкой и объявили новый курс, направленный на усиления своей роли в регионе и спасения остальных стран от дьявольской напасти. Несмотря на это, ирано-израильские отношения нельзя было назвать взрывоопасными, имело место и тайное содействие касательно Ирака в годы ирано-иракской войны и последующей Войны в Заливе. Новый поворот в отношениях произошел, когда Иран стал активно разрабатывать ядерную программу, продолжая спонсировать ХАМАС и Хизбаллу и угрожать Израилю «сбросом в море». В последнее время таблоиды часто пестрят новостями о том, что Израиль собирается вступить в открытый конфликт с Ираном при помощи бомбардировок иранских ядерных реакторов, ведь од-

¹ Israel and the United States. Six decades of US-Israeli Relations / Ed. by Robert O. Freedman / Colorado: Westview Press, 2012. P. 71.

носторонние санкции не дают нужного результата: Иран продолжает обогащать уран.

Стивен Р. Давид, американский политолог, в статье «Апокалипсис сегодня? Иранская ядерная угроза Израилю»¹ напоминает, что лидер Исламской революции Аятолла Хомейни изначально был категорически против любых ядерных установок (называя их антиисламскими), и лишь ирано-иракская война (1980–1988) заставила его изменить свое мнение, Давид переходит к подробному анализу самой иранской ядерной программы. Он приходит к выводу, что ИРИ уже прошла самый сложный этап, и создав 3% чистого урана, дальше же будет очень просто довести эти 3% до 90% чистого урана. Отчасти, это подтверждает нервозность израильских властей в вопросе по остановке «любым способом» Ирана от приобретения ядерного оружия.

Автор упоминает таких ученых, как Кеннет Уолц, утверждающих, что ядерный конфликт будет неприемлем для всех сторон конфликта в силу изначальной самоубийственности, однако само наличие ядерного оружия у региональных игроков может стать гарантией мира и стабильности, как это было в эпоху биполярности. В случае же нанесения ядерного удара – победителя не будет. Дискуссия о рациональности государств, стремившихся к ядерному оружию, актуальна как никогда. С. Р. Давид проводит параллели с Холодной войной, подчеркивая, что и США и СССР были рациональными государствами, в отличие от тех лиц, которые сегодня у власти в Иране. Более того, отношения между Израилем и Ираном намного хуже, чем между двумя супердержавами в прошлом веке. Традиционный антисемитизм и антиизраильские (как и антиамериканские) речи высших чинов Ирана, личные связи Махмуда Ахмадинежада с Басиджи (иранская полувоенная группа, посылавшая детей и взрослых мужчин с «ключами в рай» на минные поля Ирака), поддержка Ираном ХАМАС и Хизбаллы, атаки на израильское посольство в Аргентине и на еврейский общинный центр в 1994 году, за которыми прослеживается «иранский след» – все это лишь больше уверяет израильских лидеров в нерациональности режима и в необходимости решительных действий со стороны Израиля.

¹ Ibid. P. 165.

Ввиду того факта, что США не будут наносить удар по Ирану, что несомненно расстраивает израильские власти, Израиль может нанести его первым. При этом С. Р. Давид отмечает, что нанесение удара довольно сложно в техническом плане¹. Для устранения ядерного реактора, израильские воздушные силы могут выбрать несколько воздушных зон (Турция, Сирия, Ирак и Саудовская Аравия), а преодолев их, нет никакой уверенности, что Израилу удастся уничтожить все «ядерные зоны»: слишком большой разброс целей для одного удара. Никто не даст гарантий, каков будет размер ущерба. Отсюда следует другая опция – принять и смириться с ядерным Ираном, как Америка в свое время смирилась с «фанатичным маоистским Китаем и Северной Кореей». В заключении автор перефразировал Уинстона Черчилля: «Лучшее, на что Израиль может сейчас рассчитывать, – это выбрать худший вариант из всех»².

Другой американский политолог Центра стратегических и международных исследований в Вашингтоне, Энтони Х. Кордсмэн (Anthony H. Cordesman), полагает, что ключ для решения противоречий Израиля и США лежит в решительных действиях американского президента. Барак Обама должен открыто заявить о неприемлемости израильского удара по Ирану и предупредить израильтян, что подобные действия нанесут урон американо-израильскому тандему. Американский президент может заручиться поддержкой своих у американского министра обороны и ключевых лиц в разведке. Кордсмэн подчеркивает, что если дипломатия не сработает и Иран будет опасен для Израиля, то тогда США примут всевозможные меры. Но до тех пор, пока «красная линия» не пересечена, наиболее приемлемая опция для взаимоотношений с Ираном – это дипломатия, диалог и дружественные отношения³.

Влиятельные фигуры в американской внешней политике Збигнев Бжезинский и Brent Скоукрофт⁴, в книге-интервью рассужда-

¹ Ibid. P. 182.

² Ibid. P. 185.

³ Anthony H. Cordesman. Obama, Netanyahu, and the Future of U.S.-Israeli Relations / CSIS, Commentary, Washington DC, 2009.

⁴ Brent Скоукрофт – бывший военный советник при Ричарде Никсоне, а также советник по национальной безопасности при Джеральде Форде и Джордже Буша-ст.

ют об иранской ядерной программе¹. Оба американских «ястреба» сходятся во мнении, что диалог с иранскими властями необходим, более того, это международная проблема, изоляция ИРИ – и бессмысленна, и опасна. При этом Бжезинский подчеркивает, что для начала нужно узнать историю Ирана и «понимать реалии жизни сегодняшнего Ирана»².

Можно заключить, что большинство американских политологов и специалистов в международных отношениях сходятся во мнении, что лучший инструмент для решения иранского вопроса – это дипломатия, которая является главным инструментом нового курса администрации Обамы.

Израильский лоббизм на американской политической сцене

Вместе с тем, в научной среде особое внимание уделяется роли произраильских групп влияния в формировании ближневосточной политики США. Среди наиболее интересных трудов, которые представляют собой разное видение деятельности израильского лобби, можно отметить книгу Джона Мearшаймера и Стивена Уолта «Израильское лобби и внешняя политика США» (The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy)³ и публикацию Дрора Юравливкера «AIPAC: восприятие власти и власть восприятия» (AIPAC: The Perception of Power and the Power of Perception)⁴.

Ставшая бестселлером⁵, по оценкам газеты New York Times, книга Уолта и Мearшеймера вызвала широкий резонанс среди академических кругов во всем мире. Исследование содержит богатейший фактологический материал и на сегодняшний день является всеобъемлющим трудом о влиянии израильского лобби на амери-

¹ Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. / Збигнев Бжезинский, Брент Скокрофт, М., Астрель, 2012.

² Там же. С. 49.

³ Mearsheimer J., Walt S. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N.Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 2007.

⁴ Dror Yuravlivker. AIPAC: The Perception of Power and the Power of Perception, 26.05.2010 // College of Behavioral and Social Sciences, the University of Maryland [online: 12.05.2013] URL:

<http://www.bsos.umd.edu/gvpt/jcurry/saps/documents/fall10/yuravlivker.pdf>

⁵ The New York Times Best Seller List [online: 05. 07.2013] URL: <http://www.hawes.com/2007/2007-09-23.pdf>

канскую внешнюю политику. Авторы подчеркивают, что лоббирование интересов Израиля негативно сказывается на имидже США и противоречит американским интересам.

Некоторые выводы, к которым приходят авторы, вызвали возмущение в экспертной среде. Так, они проводят анализ участия израильского лобби (в частности, авторы говорят о AIPAC: American Israel Public Affairs Committee – Американско-израильский комитет по общественным связям), Израиля и произраильских сил в организации иракской кампании 2003 г. и утверждают, что по сути дела именно эти силы подтолкнули США к вторжению в Ирак. Дов Уэксмэн рассматривает этот тезис как очередной антисемитский акт и утверждает, что он совершенно не соответствует действительности¹.

Серьезной и зачастую далеко выходящей за академические рамки критике подверглось и утверждение Уолта и Меаршеймера о том, что еврейскому государству оказывается самая большая финансовая поддержка среди всех американских союзников и это, в конечном счете, вредит американской экономике.

В свою очередь, исследование Дрора Юравливкера особенно ценно тем, что автор приводит исторические справки о становлении еврейской общины в США, используя мемуары ведущих американских политиков (Г. Трумэна, Г. Киссинджера и многих других) и исследования американских политологов (С. Льюиса, М. Дж. Барда и мн. др.). Он вступает в открытую полемику с С. Уолтом и Дж. Меаршаймером и приводит контраргументы против их тезиса о пагубности влияния израильского лобби. Сам автор описывает проведенную им работу как «достойную научную критику AIPAC»². Подводя итог, Д. Юравливкер справедливо заключает, что AIPAC и произраильские группы не всесильны и что AIPAC никогда не имел и не будет иметь достаточно власти для того, чтобы управлять в одностороннем порядке американской внешней политикой на Ближнем Востоке.

¹ US-Israeli Relations in a New Era: Issues and Challenges after 9/11. Editor by Eytan Gilboa and Efraim Inbar / Routledge, New York, 2009. P. 126–140.

² Dror Yuravlivker. The Perception of Power and the Power of Perception. // College of Behavioral and Social Sciences, the University of Maryland [online: 08.05.2012] URL:

<http://www.bsos.umd.edu/gvpt/jcurry/saps/documents/fall10/yuravlivker.pdf>

Стоит отдельно отметить, что в израильском лоббизме присутствует политический плюрализм. Некоторые американские специалисты по международным отношениям являются приверженцами того или иного направления израильского лоббизма, что отражается на их восприятии, как Израиля, так и американо-израильских отношений. Например, Марк Розенблюм (Mark Rosenblum), директор Центра израильских исследований и Центра этнического, расового и религиозного взаимопонимания, и политолог Дэн Флэшлер (Dan Fleshler) – соавторы статьи «Восприятие воздействия: уроки, полученные от Американского еврейского лагеря мира» (The Quest for Impact: Lessons Learned from the American Jewish Peace Camp)¹, в которой они описывают деятельность американских еврейских мирных организаций (Брейра, Американцы за Мир Сейчас, J street и Израильский политический форум). Оба они являются членами некоторых из перечисленных организаций.

Нельзя не упомянуть о дискуссии касательно того, что является более весомым фактором в поддержке Израиля американцами: израильский лоббизм или американское общественное мнение, симпатизирующее Израилю? Майкл Дж. Коплов (Michael J. Koplow) в статье «Оценочное суждение: почему американцы поддерживают Израиль?»² оспорил тезис о непоколебимом авторитете произраильских сил. Напротив, Коплов уверен, что поддержка Израиля проистекает из симпатии американского общества к этому государству. Симпатия же основывается на общности культурных ценностей и идеологических уклонов.

Итак, тема влияния произраильских сил на Белый дом перестала табуироваться и стала одним из новых и ключевых объектов в изучении американо-израильских отношений. Ранее этот вопрос не исследовался в силу усиленного давления самих же произраильских сил. Вообще говоря, и сегодня любая критика в адрес Израиля болезненно воспринимается произраильскими организациями и лицами, симпатизирующими еврейскому государству. Политики, ученые, обычные граждане, активно выражающие критическое отношение к Израилю и произраильскому лобби, обвиняются в анти-

¹ Israel and the United States. Six decades of US-Israeli Relations. Edited by Robert O. Freedman / Colorado: Westview Press, 2012. P. 257.

² Michael J. Koplow. Value Judgment: Why do Americans support Israel? / Security studies, Routledge, 2011. P. 266–302.

семитизме. В 2006 году британский историк Тони Джудт (Tony Judt) написал рецензию для Нью-Йорк Таймс на книгу «Израильское лобби и внешняя политика США», где он поддержал критический тон в сторону Израиля и произраильских сил¹. Впоследствии, Джудт в фильме об АИРАС² заявил, что в Нью-Йорк Таймс настояли на упоминании в рецензии национальной принадлежности автора, так как «это дало б газете защиту: спорная статья об израильском лобби, да, но он еврей, значит, все хорошо»³.

Другие наиболее интересные работы американских авторов по внешней политики Америки

Из последних исследований внешней политики Барака Обамы можно выделить книгу Мартина С. Индика (Martin S. Indyk) (и его коллег) «Изгиб истории: Внешняя политика Обамы». Бывший Посол США в Израиле, вице президент и директор Программы по Внешней политике в Институте Брукингс, а также один из создателей центра Сабан по ближневосточной политике, Мартин С. Индик и его коллеги написали взвешенный и объемный анализ внешней политики Обамы в его первый президентский срок. Ни один из авторов не был в команде Обамы, однако у них была возможность давать советы администрации президента. К сожалению, в работе не представлены некоторые события, например, Арабское Пробуждение, но, скорее всего, авторы подготовят аналитическую статью в ближайшем будущем.

Работа Роберта Кагана «Мир, который создала Америка» интересна, прежде всего как своеобразный взгляд на внешнеполитический курс США. Автор уверяет, что американская политика на БСВ, в Ираке в частности, не настолько провальная, как о ней пишут. Более того, Каган отрицает, что необходимо пересмотреть активную роль США на глобальном уровне. В рецензии на эту книгу для «Нью-Йорк Таймс» журналист отметил, что работа Кагана –

¹ Tony Judt. A lobby, not a conspiracy. // The New York Times [online: 15.04.2013] URL: http://www.nytimes.com/2006/04/19/opinion/19judt.html?pagewanted=all&_r=0

² Документальный фильм «The AIPAC. The Israeli Lobby» сделан при поддержке газеты The American Free Press.

³ Ссылка доступна на канале Youtube или по ссылке: <http://topdocumentaryfilms.com/aipac-the-israeli-lobby/> 07:20 минута.

единственное, что объединяет Митта Ромни и Барака Обаму¹. Оба политика были замечены за чтением книги Кагана.

Нельзя не отметить огромный вклад в изучение американо-израильского тандема, ближневосточной политики Обамы и произраильских сил в США таких ученых, как Аарон Давид Миллер, Шади Хамида, Марка Линча и мн. др. Не менее важными являются исследования и аналитика израильских и американских колумнистов (Алуф Бен, Гидеон Леви, Томас Фридмен и мн. др.).

Actum atque tractatum

Заключая, можно отметить, что внимание американского научного сообщества приковано к американо-израильскому союзу. В период трансформации Ближнего Востока тандем сталкивается с новыми рисками и угрозами. Тем не менее, принципиально важно для усиления союза, чтобы США и Израиль находили точки соприкосновения и, несмотря на разное прогностическое видение угроз, смогли бы взаимодействовать для их урегулирования, используя общую, продуманную и согласованную стратегию. Отношения проходят разные этапы, в зависимости от внутренних (смена политических курсов внутри стран и мн. др.) и внешних (военные действия, направленные напрямую против одного из союзников, расстановка сил в регионе и мн. др.) факторов, из чего и проистекает их амбивалентность. При внешней и декларируемой дружбе, у стран происходят столкновения касательно разных существенных моментов, среди которых – ближневосточное урегулирование и «иранский ядерный вопрос».

Изучение американо-израильского альянса не ограничивается только БВУ и Ираном, интерес научного сообщества варьируется от израильского лоббизма как фактора, влияющего на ближневосточный курс США, так и на американо-израильские отношения, до сотрудничества США и Израиля в содействии международному развитию. Но по причине того, что ближневосточное урегулирование и иранская ядерная программа являются весомыми факторами в обеспечении безопасности Израиля и играют существенную роль

¹ Michiko Kakutani. Historian who influences both Obama and Romney // The New York times [online: 13.07.2013] URL: http://www.nytimes.com/2012/02/14/books/the-world-america-made-by-robert-kagan.html?pagewanted=all&_r=0

в политике США на БСВ, данным вопросам в науке уделяется особое внимание.

Список литературы

1. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики / Збигнев Бжезинский, Брент Скокрофт, М.: Астрель, 2012.
2. Збигнев Бжезинский. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / Международные отношения. М., 2010.
3. Anthony H. Cordesman. Obama, Netanyahu, and the Future of U.S.-Israeli Relations / CSIS, Commentary, Washington DC, 2009.
4. Barry Rubin. How Is Obama's Middle East Policy Endangering Israel? Let Me Count the Ways // PJMedia [online: 05.05.2013] URL: <http://pjmedia.com/barryrubin/2011/12/12/how-is-obamas-middle-east-policy-endangering-israel-let-me-count-the-ways/>
5. Barry Rubin. The real roots of Arab Anti-Americanism // The Foreign Affairs [online: 11.05.2013] URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/58434/barry-rubin/the-real-roots-of-arab-anti-americanism>
6. Dov Waxman. The Real Problem in U.S.–Israeli Relations / The Washington Quarterly Volume 35, Issue 2, 2012.
7. Dror Yuravlivker. AIPAC: The Perception of Power and the Power of Perception, 26.05.2010 // College of Behavioral and Social Sciences, the University of Maryland [online: 12.05.2013] URL: <http://www.bsos.umd.edu/gvpt/jcurry/saps/documents/fall10/yuravlivker.pdf>
8. Haim Malka. Crossroads: the future of Us-Israel strategic partnership / Center for Strategic and International Studies, Washington, 2011.
9. Israel and the United States. Six decades of US-Israeli relations. / edited by Robert O. Freedman. Westview Press, CO, 2012.
10. Marc Lynch. The persistence of Arab Anti-Americanism // The Foreign Affairs [online: 13.07.2013] URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/139120/marc-lynch/the-persistence-of-arab-anti-americanism>
11. Mearsheimer J., Walt S. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N.Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 2007.
12. Michael J. Koplow. Value Judgment: Why do Americans support Israel? / Security studies, Routledge, 2011.
13. Michael Lerner. Iran, Israel and Obama // Tikkun [online: 13.07.2013] URL: <http://www.tikkun.org/nextgen/iran-israel-and-obama>
14. Michiko Kakutani. Historian who influences both Obama and Romney // The New York times [online: 13.07.2013] URL:

http://www.nytimes.com/2012/02/14/books/the-world-america-made-by-robert-kagan.html?pagewanted=all&_r=0

15. Robert O. Freedman. Is Obama really throwing Israel under bus? // The Baltimore Sun [online; 28.03.13] URL: http://articles.baltimoresun.com/2012-09-10/news/bs-ed-obama-israel-20120910_1_iron-dome-president-obama-mahmoud-abbas-palestinian-authority

16. The Jews in the United States. N.Y., 1973.

17. The New York Times Best Seller List [online: 05. 07.2013] URL: <http://www.hawes.com/2007/2007-09-23.pdf>

18. Tony Judt. A lobby, not a conspiracy // The New York Times [online: 15.04.2013] URL:

19. http://www.nytimes.com/2006/04/19/opinion/19judt.html?pagewanted=all&_r=0

«АРАБСКАЯ ВЕСНА» В ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ (2012–2013 ГГ.)

Ключевые слова: «арабская весна», причины «арабской весны», историография «арабской весны», новый панарабизм

«Арабская весна» стала неожиданностью не только для массовой аудитории СМИ, но и для большинства специалистов по Ближнему Востоку. Протестные выступления на Ближнем Востоке породили множество разнообразных трактовок сложившейся ситуации, различных точек зрения на причины текущих событий, их характер и возможные последствия, в том числе выражаемых людьми, детально изучившими как саму канву событий, так и их глубинную подоплеку: учеными, дипломатами, журналистами-международниками. С начала «весны» не прошло и двух лет, а в России, на Западе и на Востоке уже образовался целый пласт исследовательской литературы, посвященной «арабской весне». Он непрерывно расширяется, требует, можно сказать, историографического изучения. Ниже и предлагается обзор ряда отечественных и зарубежных работ по данной тематике.

I

Монографий, посвященных событиям так называемой «арабской весны», пока издано немного. Среди опубликованных в России следует прежде всего упомянуть вышедший в начале 2012 г. коллективный труд «Рецепты Арабской весны: русская версия»¹. На обложке в качестве авторов указаны директор Института Африки РАН А. М. Васильев и Н. И. Петров, однако в конце издания список авторов намного шире – всего перечислены 18 человек. Это в основном сотрудники Института Африки, но также – Института востоковедения РАН, Института стран Азии и Африки при МГУ. Фигурирует среди авторов и председатель Партии свободы и спра-

¹ Васильев А. М. Рецепты Арабской весны: русская версия / Алексей Васильев, Николай Петров. М.: Алгоритм, 2012.

ведливости Мухаммед Мурси, недавно свергнутый президент Египта, на момент написания его текста, опубликованного в книге, президентом еще и не ставший.

В том же 2012 г. появились две книги молодых ученых-соавторов Л. М. Исаева и А. Р. Шишкиной: небольшая по объему работа «Египетская смута XXI века»¹ и «Сирия и Йемен. Неоконченные революции»². Как видно уже из названия, вторая из них посвящена анализу событий 2011–2012 гг. в Сирии и Йемене с момента начала социально-политических потрясений до принятия новой Конституции в Сирии и избрания нового президента в Йемене. Объединение под одной обложкой протестных выступления в двух мало похожих странах авторы объясняют тем, что оппозиционные силы в них так и не смогли свергнуть правящий режим. Основное внимание в обеих книгах уделено хронологии событий и довольно подробному социально-экономическому и политическому анализу ситуации в рассматриваемых странах.

В 2013 г. вышла монография дипломата, сотрудника Постоянного представительства России при ООН, кандидата исторических наук М. Ходынской-Голенищевой³, в которой в довольно эмоциональной манере рассказывается о том, как велась работа по свержению режима Муаммара Каддафи в Ливии, анализируются последствия силового решения кризиса и вмешательства НАТО во внутренний конфликт. Автор считает, что трагические ливийские события нанесли ущерб авторитету Совета Безопасности ООН и свидетельствуют о размывании основополагающих принципов Устава ООН. В книге также рассматривается возможность повторения «ливийского сценария» в Сирии и те меры, посредством которых, по мнению автора, можно было бы избежать в будущем повторения событий, приводящих к прямому иностранному военному вмешательству и гибели тысяч мирных граждан.

В 2013 г. вышла еще одна важная работа, сфокусированная на части оппозиции, пришедшей к власти в Египте после свержения

¹ Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Египетская смута XXI века. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

² Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Сирия и Йемен. Неоконченные революции. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

³ Ходынская-Голенищева М. «Ливийский урок». Цель оправдывает средства? М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013.

Мубарака. Это исследование кандидата исторических наук, научного сотрудника Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки О. В. Карпачёвой¹, в котором анализируются причины активизации исламской оппозиции в Египте, специальное внимание уделено радикальным и умеренным течениям в ее рамках, а также роли женских организаций в оппозиционном движении. В заключении автор делает вывод, с первой частью которого трудно не согласиться, тогда как вторая выглядит не столь убедительно:

«Исламская оппозиция фундаменталистского толка является неотъемлемой частью египетского гражданского общества нашего времени, и именно ей предстоит решить весь широкий спектр проблем, стоящий перед Египтом сегодня»².

II

Значительный массив отечественных исследований ситуации на Арабском Востоке сосредоточен в различных сборниках статей, составленных по материалам прошедших конференций и «круглых столов», либо написанных в рамках проекта, инициированного одним или несколькими учеными. Среди последних следует выделить антологию, подготовленную и выпущенную Институтом востоковедения РАН совместно с ИСАА при МГУ и факультетом мировой политики МГУ под редакцией В. В. Наумкина, В. В. Попова и В. А. Кузнецова³, и два сборника Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН – один под редакцией А. В. Коротаева, Ю. В. Зинькиной и А. С. Ходунова⁴, другой – под редакцией А. В. Коротаева, Л. М. Исаева и А. Р. Шишки-

¹ Карпачёва О. В. История исламской оппозиции в Египте. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.

² Там же. С. 203.

³ Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия. Что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012.

⁴ Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ, 2012.

ной¹. Что касается материалов конференций и «круглых столов», то здесь необходимо назвать опубликованные в 2012 г. материалы «круглого стола», проведенного в Институте Африки ИВ РАН², а также так называемую «рабочую тетрадь»³, выпущенную в 2013 г. Российским советом по международным делам на основе серии экспертных семинаров по отдельным проблемам взаимоотношений нашей страны со странами Ближнего Востока.

Все эти сборники представляют собой заметный вклад в изучение «арабской весны», ее причин, хода и следствий. В то же время вряд ли оправданно давать им какую-то общую оценку, поскольку авторы включенных в них статей не просто заостряют свое внимание на самых различных аспектах одних и тех же событий, но и зачастую придерживаются при этом диаметрально противоположных точек зрения. Взамен затруднительной в таких условиях целостной характеристики сборников ниже будут кратко изложены позиции отдельных авторов. Предварительно, однако, хотелось бы остановиться еще на одном разряде текстов, посвященных «арабской весне».

Что имеется в виду? В настоящее время в связи с широчайшим распространением социальных сетей, мнения по тому или иному вопросу различных ученых и исследователей Ближнего Востока можно узнать не только из их статей и монографий, но и более оперативным образом – из их блогов в Интернете. Например, активно ведет свой блог в сети livejournal.com кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения В. М.

¹ Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД, 2013.

² Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

³ Россия и «новые элиты» стран «Арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия: рабочая тетр. / [А. И. Шумилин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. URL: http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arabspring_513.pdf (дата обращения: 16.11.2013).

Ахмедов¹. Однако Интернет сослужил и плохую службу, сделав популярными блогеров, выдающих себя за специалистов по Ближнему Востоку и будто бы обладающих различной инсайдерской информацией с мест анализируемых событий. Обычно их записи, широко цитируемые в различных интернет-ресурсах и социальных сетях, подаются ими – без всяких на то оснований – как содержащие эксклюзивную, только им известную информацию, без указания на источники ее получения, из-за чего невозможности хоть как-то ее проверить.

Среди таких авторов в первую очередь надо назвать Анатолия Эль Мюрида. Он ведет пользующийся огромной популярностью блог², претендующий на анализ событий по всему арабскому миру (как и блоги на некоторых интернет-порталах, в том числе информационных), выступает в различных передачах и даже пишет книги. Так, в 2013 г. он совместно с Маратом Мусиным выпустил книгу «Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами»³, а немного позднее вышла его монография «Если завтра война. “Арабская весна” и Россия»⁴. Появление таких авторов, выдающих себя за специалистов, крайне опасно: их книги стоят в магазинах на одной полке с работами уважаемых востоковедов, а кричащие названия зачастую привлекают больше внимания, чем серьезные, вдумчивые работы настоящих ученых⁵.

Очевидно, что с расширением круга источников информации об «арабской весне» и ее интерпретаций, следует тщательно фильтровать те и другие по критериям качества и возможности верификации.

¹ URL: <http://arabesky.livejournal.com/> (дата обращения: 16.11.2013).

² URL: <http://el-murid.livejournal.com/> (дата обращения: 16.11.2013).

³ Мусин М., Эль Мюрид. Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами. (Серия «Третья мировая»). М.: Книжный мир, 2013.

⁴ Эль Мюрид. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. (Серия «Третья мировая»). М.: Книжный мир, 2013.

⁵ Так, в июне 2013 г. первая из упомянутых книг была отмечена значком «Выбор покупателей» в одном из ведущих российских книжных интернет-магазинов.

III

Недавние и текущие события на Арабском Востоке и российские, и зарубежные исследователи оценивают с различных точек зрения, часто следуя заранее выбранной парадигме. Однако все они сходятся во мнении, что эти события изменили геополитическую структуру региона и существенным образом повлияли на баланс сил, существовавший здесь в течение десятилетий. При этом первая реакция специалистов была самой разнообразной: от шока, удивления и даже самобичевания до попыток найти объяснения данным событиям, причины, по которым они не были предсказаны. А многие зарубежные специалисты встретили произошедшие в арабском мире массовые выступления с энтузиазмом, надеясь на скорую реализацию заявленных целей – свержение тиранов и установление демократии.

Первое, что обратило на себя внимание исследователей – это относительно второстепенная роль в событиях исламистов. Они, как пишет в своей статье Р. Г. Ланда, если и участвовали, то «не в качестве вождей или инициаторов, а лишь как попутчики, стремившиеся, скорее всего, не слишком “засветиться”, чтобы не дать повода для репрессий»¹, поскольку ранее именно против них государственная машина подавления была нацелена в первую очередь. С другой стороны, преподаватель Эдинбургского университета Томас Пьере (Tomas Pierret) посвятил целую статью роли мечетей в сирийской революции, показав в ней, что мечети и как символ, и как единственное разрешенное место собраний играли и играют важную роль в организации антиправительственных выступлений².

Как в российской, так и в зарубежной литературе встречаются различные интерпретации роли внешних сил в событиях «арабской весны». Так, О. В. Павлов убежден, что сам феномен «весны»

¹ Ланда Р. Г. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть // Протестные движения в арабских странах... С. 63.

² Pierret T. The Role of the Mosque in the Syrian Revolution // Near East Quarterly, March 20th, 2012. URL: <http://www.neareastquarterly.com/index.php/2012/03/20/the-role-of-the-mosque-in-the-syrian-revolution/> (date of access: 16.11.2013).

привнесен извне, а своей главной целью имеет Россию с Китаем, а не Ближний Восток¹:

«Всё происходящее на Ближнем Востоке за последние два года является результатом действий мировых финансово-политических элит, которые подталкивают Вашингтон, а вместе с ним Лондон и Париж к тому, чтобы довести до логического конца процессы глобализации; с помощью исламских радикалов завершить разгром национальных суверенных государств на просторах Евразии (тут цели совпадают с исламистскими), создать обстановку хаоса, в которой гораздо легче продлить жизнь умирающему доллару и предотвратить формирование действительно многополярного мира... [...] Поэтому острие «арабских революций» нацелено не против арабских диктаторов, а против складывающегося на наших глазах Евразийского Союза и Китая».

Р. Г. Ланда более осторожно констатирует, что недовольство и протест в Сирии и Ливии «приняли странные формы, порожденные, как и в Египте и Тунисе, активным вмешательством извне»². А. М. Васильев в предисловии к уже упоминавшейся книге «Рецепты Арабской весны: русская версия» признаёт, что народ Египта ликовал после ухода в отставку Мубарака и взятия власти в стране Высшем советом вооруженных сил, но тут же отмечает, что лишь единицы знали, что «накануне этого решения начальник египетского генштаба Сами Энэн несколько дней сидел в Вашингтоне, в Пентагоне, согласовывая с американцами план действий. Было решено пожертвовать Мубараком, но сохранить власть в руках военных, которые должны начать реформы»³.

Схожей позиции придерживаются и некоторые западные исследователи. Так, доктор политических наук Эрик Денесе (Eric Denéché), возглавляющий Французский центр исследований в области разведки (CF2R), в книге «Скрытая сторона арабских “революций”» называет происходящие сейчас события в арабском мире «управляемыми революциями», инспирируемыми из-за рубежа. Причем в разжигании этих «революций», по мнению французского

¹ Павлов О. В. Причины альянса Запада и радикального ислама // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия... С. 135.

² Ланда Р. Г. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть... С. 68.

³ Васильев А. М., Петров Н. И. Рецепты Арабской весны... С. 19.

исследователя, главную роль сыграли «три группы действующих лиц: США, монархии Персидского залива и европейские страны»; но «если два первых игрока руководствовались своей стратегией, то последний следовал за первыми, не всегда различая, что его используют в собственных целях»¹.

С подобными трактовками соглашаются, однако, далеко не все. Например, Б. В. Долгов считает, что «политический кризис в Египте и падение режима Хосни Мубарака были вызваны прежде всего внутренними факторами», в ряду которых он выделяет «уникальную географическую и отчасти демографическую ситуацию в стране» и характер режима, определяемого им как фасадная коррумпированная «управляемая демократия»². Директор Института востоковедения РАН В. В. Наумкин характеризует произошедшие события как «не инспирированное внешним воздействием спонтанное светское массовое движение молодежи, преимущественно образованной и либерально настроенной, что особенно ярко проявилось в Египте и Тунисе»³. Известный специалист по внутриполитической ситуации на Ближнем Востоке И. Д. Звягельская также считает, что вряд ли обоснованы попытки объяснить протестное движение исключительно происками Запада⁴. Российский исследователь Л. С. Перепёлкин отмечает, что «нет серьезных свидетельств того, что “весенние революции” на Ближнем Востоке и в Северной Африке сознательно готовились политиками Запада», поскольку «эти события, и прежде всего взрывные процессы в Египте, чрезвычайно невыгодны и опасны для тех, кто дорожит

¹ Denécé E. La face cachée des “révolutions” arabes. Paris: Ellipses, 2012. Цит. по: Горохов Д. Французские исследователи проанализировали причины и следствия смены режимов в арабском мире // MSN Новости, 07.12.2012. URL: <http://news.ru.msn.com> (дата обращения: 16.11.2013).

² Долгов Б. В. Причины подъема протестных движений в арабских странах // Протестные движения в арабских странах... С. 19–20.

³ Наумкин В. Снизу вверх и обратно // Россия в глобальной политике, 02.08.2011. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277> (дата обращения: 16.11.2013).

⁴ Звягельская И. Д. Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии) // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия. С. 531.

мирным процессом на Ближнем Востоке. США и ЕС относятся к их числу»¹.

На состоявшемся 11 апреля 2013 г. очередном заседании Роккановского семинара² Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН на тему «Типология процессов дестабилизации политических режимов в странах “арабской весны”» Л. М. Исаев (НИУ ВШЭ) и С. Ю. Малков (Институт экономики РАН) в известной мере примирили полярные точки зрения, высказав мнение о том, что влияние извне на политические процессы в странах, захваченных «арабской весной», не является статистически значимым фактором формирования протестных ситуаций; зато внешнее вмешательство значительно влияет на степень ожесточенности конфликта, а значит – и на количество жертв.

Сходную позицию занимает и С. В. Цирель – один из авторов упоминавшегося сборника «Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 года». Одновременно он выделяет четыре главных условия формирования революционных ситуаций: 1) делегитимация власти; 2) наличие представлений о существовании альтернативы режиму; 3) слабость правительства; 4) наличие горючего материала, под которым понимаются люди, готовые выйти на улицы и принять участие в революционных событиях³. Другой автор рассматриваемого сборника, Л. Е. Гринин, называет следующие предпосылки и условия⁴: 1) определенные структурные особенности общества, генерирующие труднопреодолимые экономические и социальные проблемы; 2) жестокость режима; 3) падение авторитета власти и особенности политической структуры; 4) идеологические предпосылки.

¹ Перепёлкин Л. С. После арабских революций // Ислам в современном мире, 2011, № 1–2 (21–22). URL: http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3170#_ftn9 (дата обращения: 16.11.2013)

² Осуществляемая с 2007 г. серия проблемных семинаров, посвященных развитию в современной политической науке творческого наследия Стейна Роккана.

³ Подробнее см.: Цирель С. В. Революции, волны и Арабская весна // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков... С. 134–139.

⁴ Гринин Л. Е. Арабская весна и реконфигурация мир-системы // Там же. С. 191–194.

Представляется также полезным подход авторов сборника, предлагающих разделять причины возникновения революционных ситуаций и поводы, дающие непосредственный толчок процессу перерастания этих ситуаций в революции¹. Кроме того, авторы сборника обращают внимание на то, что большинство социально-политических потрясений «арабской весны» могут рассматриваться как случаи так называемой мальтузианской ловушки на самом выходе из ловушки². Хотя, по мнению А. В. Коротаева, большинство арабских стран и вышло из нее в 1970-е гг.³, тем не менее «2011 г. был одним из последних, когда в этих странах наблюдалась критически высокая пропорция молодежи во взрослом населении, в ближайшие годы эта доля должна снизиться до вполне безопасных уровней»⁴.

Практически все исследователи отмечают особую роль СМИ и социальных медиа в происходящих на Ближнем Востоке событиях. В частности, профессор политологии и международных дел в Университете Джорджа Вашингтона Марк Линч – автор самого термина «арабская весна» в широко употребляемом его значении – в своей книге «Арабские восстания: неоконченные революции нового Ближнего Востока» приходит к следующему выводу⁵:

«Преобразования, которые привели к арабским восстаниям, связаны с появлением новых информационно-коммуникационных

¹ Цирель С.В. Революции, волны и Арабская весна... С. 139.

² Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков... С. 56. Мальтузианская ловушка – это описанная Томасом Мальтусом типичная для доиндустриальных обществ периодически повторяющаяся ситуация, когда при росте экономики темпы роста населения все равно оказываются выше, так что в момент близящегося выхода из этой ситуации большая часть населения живет все хуже и хуже.

³ Коротаев А. В. Массовое образование и арабские революции // Полит.ру, 24 января 2013 г. URL: http://polit.ru/article/2013/01/24/ps_arab/ (дата обращения: 16.11.2013).

⁴ Коротаев А. В. и др. Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг... С. 59–60.

⁵ Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. New York: PublicAffairs, 2012. P. 10–11.

технологий, в том числе спутникового телевидения, Интернета и дешевых мобильных телефонов».

Однако далее он оговаривается, что «роль социальных медиа и Интернета в арабских восстаниях часто преувеличена; слишком большой акцент делается на сети Фейсбук или Твиттер, а не на том, что лежит в основе политической борьбы»¹.

Аналогичной точки зрения придерживаются и авторы книги «Рецепты Арабской весны: русская версия», полагающие, что «Интернет является не причиной, а исключительно средством канализации народных протестов»².

IV

В отечественной историографии «Арабской весны» неоднократно отмечалась непоследовательность в оценках ее на Западе. В то время как любые действия правительственных сил в таких странах как, Ливия или Сирия, трактуются исключительно в негативном ключе, жестокое подавление волнений в Бахрейне с помощью саудовских танков не получило должного внимания ни в западной прессе, ни в заявлениях официальных лиц, ни даже в трудах западных востоковедов. В общем, это и неудивительно: бахрейнские события, во-первых, не укладываются в привычную картину мира, во-вторых, происходили в геополитическом и идеологическом контексте, пренебречь которым западным исследователям чрезвычайно сложно. Имеется в виду поддержка Ираном шиитов в Бахрейне и возможность в случае победы «революционеров» создания дополнительного звена в оси Дамаск – Тегеран. Ведь именно Иран, по мнению Е. М. Примакова, является «главной мишенью американской политики в регионе»³.

Отечественные исследователи также отмечают серьезные изменения в международном климате в связи с событиями «арабской весны». Речь идет о возрастании значимости военной силы при разрешении конфликтов и усилении тенденции к вмешательству некоторых западных стран во внутренние гражданские конфлик-

¹ Ibid.

² Васильев А. М., Петров Н. И. Рецепты Арабской весны... С. 135.

³ Примаков Е. М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия... С. 27.

ты¹. Это, в свою очередь, заострило вопрос о допустимости и пределах вмешательства, «в том числе с декларированной гуманитарной целью защитить мирное население»².

В отличие от российских, некоторые западные исследователи поддерживают идею прямого вмешательства их государств во внутренние конфликты в арабских странах. Так, уже упоминавшийся ранее Томас Пьере в одном из интервью напрямую призывает Запад вмешаться в происходящие в Сирии события, поскольку, по его мнению, угрозой для Сирии является не столько «глобальный джихадизм», сколько распад государства и установление контроля над его различными частями полевыми командирами, как это произошло в Афганистане после вывода советских войск³.

Российские и зарубежные исследователи еще сильнее расходятся в оценках роли России и Китая в событиях «арабской весны», особенно в связи с позицией этих государств по Сирии. Эксперт берлинского фонда «Наука и политика» Маргарета Кляйн в интервью, посвященном анализу курса российского правительства в отношении Сирии, заявила, что российское предложение «по резолюции ООН, в которой «на оппозицию возлагается такая же вина, как на правительство Сирии» представляет собой «вариант тактики затягивания событий и попытку представить Россию перед другими государствами как конструктивного участника действий»⁴. Напротив, И. Д. Звягельская отмечает положительную роль России, выступившей в сирийском конфликте за национальный диалог между лидерами оппозиции и Асадом без каких-либо предваритель-

¹ См., напр.: Ходынская-Голенищева М. «Ливийский урок»... С. 3, 5.

² Наумкин В. В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия... С. 8.

³ Arnold D. QUICKTAKE: "Warlordism" Is Greatest Threat for Syria – Thomas Pierret // Middle East Voices, September 27, 2012. URL: <http://middleeastvoices.voanews.com/2012/09/quicktake-warlordism-is-greatest-threat-for-syria-thomas-pierret-97216/#ixzz2WyQKlf8o> (date of access: 16.11.2013).

⁴ Gossy F. "Russland wäre durch einen Fall des Regimes stark geschwächt". Interview // Der Standard, 27. Jänner 2012. Цит. по: Госси Ф. Падение режима Асада существенно ослабит Россию. URL: <http://www.inopressa.ru/article/30Jan2012/standard/assad2.html> (дата обращения: 16.11.2013).

ных условий и без внешнего давления, а также за создание правительства национального единства¹. У. З. Шарипов же считает, что российская и китайская позиции продиктованы тем, что «в Москве и Пекине опасаются повторения в Сирии ливийского “сценария”»².

Отдельный блок в историографии «арабской весны» образуют множасьщиеся прогнозы дальнейшего развития событий в регионе, касающиеся как стран, охваченных волнениями, в первую очередь Сирии, так и таких, которые пока представляются спокойными. Приведем только некоторые примеры. Профессор Калифорнийского университета Барбара Уолтер заявила, что Башара Асада скорее всего ждет судьба Муаммара Каддафи. После чего Сирия получит новое правительство во главе с суннитским большинством, и тем самым баланс между суннитами и шиитами на Ближнем Востоке будет практически восстановлен³. А вот Марк Линч настроен не столь оптимистически⁴:

«Ненависть между суннитами и шиитами – это наименьшая из проблем Ближнего Востока. Облик региона в предстоящие годы будет определять борьба *внутри* суннитского мира» (курсив наш. – А. Б.).

И если «власть в Сирии возьмет в свои руки какая-либо суннитская коалиция, то она (Сирия. – А. Б.) вполне может стать объектом ожесточенных сражений за влияние между амбициозными внешними игроками»⁵ (в первую очередь автор подразумевает Катар и Саудовскую Аравию).

¹ Звягельская И. Д. Восприятие в России событий в арабском мире... С. 535.

² Шарипов У. З. Битва за Сирию // Обозреватель – Observer, 2012. № 10 (273). С. 67.

³ Walter, Barbara F. Why Assad will fight to the end // Al Jazeera, 10 February 2013. URL:

<http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2013/02/20132694632720212.html> (date of access: 16.11.2013).

⁴ Lynch M. The War for the Arab World // Foreign Policy, May 23, 2013. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/05/23/war_for_the_arab_world_sunni_shia_hatred (date of access: 16.11.2013).

⁵ Там же.

Что касается прогнозов дальнейшего развития тех арабских стран, которых «арабская весна» коснулась в наименьшей степени, на первый взгляд – исключительно как внешнеполитическая проблема, нельзя не упомянуть вышедшую в 2012 г. работу Кристофера Дэвидсона с красноречивым названием «После шейхов: грядущий крах монархий Персидского залива»¹. Марк Линч тоже считает, что «утверждение об уникальной легитимности арабских монархий [...] подорвано тем фактом, что в течение последних лет они на себе испытали значимый политический протест». И если правящие режимы в странах Залива «неожиданно падут», тогда «утверждения о монархической исключительности возможно вскоре будут выглядеть так же нелепо, как энтузиазм, который вызывал ливанский консоционализм в 1960-х гг., как восхищение развитием шахского Ирана в 1970-е гг., или как уверенность в устойчивости арабских авторитарных режимов в 2000-х»².

Российские исследователи осторожнее в своих оценках и пока не предрекают скорого падения режима аравийских монархий.

V

«Арабская весна» заставила вспомнить об уже казалось бы забытых идеях панарабизма, пусть и в новом, современном ключе. В. В. Наумкин говорит о возрождении идей панарабизма как «панарабизма улицы»³. Марк Линч заявляет, что «единый арабский мир, о котором мечтали поколения, воспитанные на панарабской идеологии, никогда не существовал настолько реально»⁴. А профессор политологии Вермонтского университета Г. Гоз пишет о «новом виде панарабизма»⁵, благодаря которому восстания охватили

¹ Davidson C. *After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies*. London: Hurst & Co Publishers Ltd, 2012.

² Lynch M. Does monarchy matter? // *Foreign Policy*, August 31, 2012. URL: http://lynch.foreignpolicy.com/posts/2012/08/31/three_kings (date of access: 16.11.2013)

³ Наумкин В. В. Вместо предисловия... С. 5.

⁴ Lynch M. *The Arab Uprising...* P. 8.

⁵ Gause Gregory F. III Why Middle East Studies Missed the Arab Spring. *The Myth of Authoritarian Stability* // *Foreign Affairs*, July/August 2011. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67932/f-gregory-gause-iii/why-middle-east-studies-missed-the-arab-spring#> (date of access: 16.11.2013).

практически весь арабский мир в течение одного года. Более того, Гоз заключает, что отныне невозможно подходить к изучению арабских стран на индивидуальной основе.

К прямо противоположному выводу приходит профессор Тель-Авивского университета Э. Толедано: события «арабской весны» вообще нельзя анализировать во всей их совокупности, необходимо рассматривать ситуацию в каждом арабском государстве отдельно, так как невозможно «понять, что происходит в Ливии, изучая то, что происходило в Йемене, Сирии или Бахрейне, не говоря уже о событиях в Египте и Тунисе»¹. С ним солидарны и российские исследователи, в частности, В. В. Наумкин²:

«Несмотря на некоторое сходство, категорически неправомерно ставить знак равенства между тем, что произошло в Египте, Ливии, Сирии, Йемене, Бахрейне и в других странах. В одном случае это революционное движение молодежи и среднего класса, в другом – повстанческая активность племен, в третьем – мятеж конфессиональной группы и т.д.».

С немалой долей уверенности можно предположить, что в дальнейшем исследовании, посвященные массовым народным выступлениям в арабских странах, постоянно прирастая источниковой базой и историографическим полем, будут все более сужаться в предметном отношении, концентрироваться на отдельных аспектах рассматриваемых событий, поскольку охватывать события «арабской весны» в качестве единого феномена будет все сложнее и сложнее.

¹ Toledano Ehud R. Middle East Historians and the Arab Spring: Early-Days Assessment // Sharqiyya. Middle East Historians. URL: http://www.dayan.org/sites/default/files/1_EhudToledano.pdf (date of access: 16.11.2013)

² Наумкин В. Снизу вверх и обратно...

Список литературы:

1. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия. Что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012.
2. Васильев А. М. Рецепты Арабской весны: русская версия / Алексей Васильев, Николай Петров. М.: Алгоритм, 2012.
3. Горохов Д. Французские исследователи проанализировали причины и следствия смены режимов в арабском мире // MSN Новости, 07.12.2012. URL: <http://news.ru.msn.com> (дата доступа: 16.11.2013).
4. Гринин Л. Е. Арабская весна и реконфигурация мир-системы // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ, 2012. С. 188–223.
5. Долгов Б. В. Причины подъема протестных движений в арабских странах // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 18–24.
6. Звягельская И. Д. Восприятие в России событий в арабском мире (на примере ситуации вокруг Сирии) // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия. Что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 530–539.
7. Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Египетская смута XXI века. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
8. Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Сирия и Йемен. Неоконченные революции. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
9. Карпачёва О. В. История исламской оппозиции в Египте. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
10. Коротаев А. В. Массовое образование и арабские революции // Полит.ру, 24 января 2013 г. URL: http://polit.ru/article/2013/01/24/ps_arab/ (дата доступа: 16.11.2013).
11. Коротаев А. В., Ходунов А. С., Бурова А. Н., Малков С. Ю., Халтурина Д. А., Зинькина Ю. В. Социально-демографический анализ Арабской весны // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ, 2012. С. 28–76.
12. Ланда Р. Г. Политические волнения в арабском мире: видимость и суть // Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности,

- перспективы. Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 63–69.
13. Мусин М., Эль Мюрид. Сирия, Ливия. Далее везде! Что будет завтра с нами. (Серия «Третья мировая»). М.: Книжный мир, 2013.
14. Наумкин В. В. Вместо предисловия: круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия. Что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 3–20.
15. Наумкин В. Снизу вверх и обратно // Россия в глобальной политике, 02.08.2011. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277> (дата обращения: 16.11.2013).
16. Павлов О. В. Причины альянса Запада и радикального ислама // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия. Что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 131–136.
17. Перепёлкин Л. С. После арабских революций // Ислам в современном мире, 2011, № 1–2 (21–22). URL:http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3170#_ftn9 (дата обращения: 16.11.2013).
18. Примаков Е. М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия. Что дальше? Сборник статей / Отв. ред-ры: В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов / ИВ РАН; Фак-т мировой политики и ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: ИВ РАН, 2012. С. 21–30.
19. Протестные движения в арабских странах: Предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола» / Отв. ред. И. В. Следзевский, А. Д. Саватеев. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
20. Россия и «новые элиты» стран «Арабской весны»: возможности и перспективы взаимодействия: рабочая тетр. / [А. И. Шумилин (рук.) и др.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по междунар. делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. URL:http://russiancouncil.ru/common/upload/wp_arabspring_513.pdf (дата посещения: 16.11.2013).
21. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: Издательство ЛКИ, 2012.
22. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М.: ЛЕНАНД, 2013.
23. Ходынская-Голенищева М. «

25. Шарипов У. З. Битва за Сирию // Обозреватель – Observer, 2012. № 10(273). С. 64–74.
26. Эль Мюрид. Если завтра война. «Арабская весна» и Россия. (Серия «Третья мировая»). М.: Книжный мир, 2013.
27. Arnold D. QUICKTAKE: «Warlordism» Is Greatest Threat for Syria – Thomas Pierret // Middle East Voices, September 27, 2012. URL: <http://middleeastvoices.voanews.com/2012/09/quicktake-warlordism-is-greatest-threat-for-syria-thomas-pierret-97216/#ixzz2WyQKlf8o> (date of access: 16.11.2013)
28. Davidson C. After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies. London: Hurst & Co Publishers Ltd, 2012.
29. Gause Gregory F. III Why Middle East Studies Missed the Arab Spring. The Myth of Authoritarian Stability // Foreign Affairs, July/August 2011. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/67932/f-gregory-gause-iii/why-middle-east-studies-missed-the-arab-spring#> (date of access: 16.11.2013)
30. Gossy F. «Russland wäre durch einen Fall des Regimes stark geschwächt». Interview // Der Standard, 27. Jänner 2012. Цит. по: Госсси Ф. Падение режима Асада существенно ослабит Россию. URL: <http://www.inopressa.ru/article/30Jan2012/standard/assad2.html> (дата обращения: 16.11.2013).
31. Lynch M. Does monarchy matter? // Foreign Policy, August 31, 2012. URL: http://lynch.foreignpolicy.com/posts/2012/08/31/three_kings (date of access: 16.11.2013/)
32. Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. New York: PublicAffairs, 2012.
33. Lynch M. The War for the Arab World // Foreign Policy, May 23, 2013. http://www.foreignpolicy.com/articles/2013/05/23/war_for_the_arab_world_sunni_shia_hatred (date of access: 16.11.2013).
34. Pierret T. The Role of the Mosque in the Syrian Revolution // Near East Quarterly, March 20th, 2012. URL: <http://www.neareastquarterly.com/index.php/2012/03/20/the-role-of-the-mosque-in-the-syrian-revolution/> (date of access: 16.11.2013).
35. Toledano Ehud R. Middle East Historians and the Arab Spring: Early-Days Assessment // Sharqiyya. Middle East Historians. URL: http://www.dayan.org/sites/default/files/1_EhudToledano.pdf (date of access: 16.11.2013).
36. Walter, Barbara F. Why Assad will fight to the end // Al Jazeera, 10 February 2013. URL:

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИКИ КНР НА АРАБСКОМ ВОСТОКЕ (1949-2012) В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЛИТОЛОГОВ

Ключевые слова: Китай, арабский мир, внешняя политика

В начале XXI в. КНР заявила о себе, как о значимом центре силы на международной арене. Свидетельством этого являются ее очевидные экономические и дипломатические успехи. Подобные изменения, предпосылки которых были заложены ходом исторического процесса второй половины XX в., могут серьезно повлиять на формирование новой архитектуры международных отношений.

В связи с этим актуальной научной задачей, важной для понимания внешней политики КНР в начале XXI в. является формирование цельного и реалистичного представления об отношениях Китая со странами Арабского Востока. Этот вопрос до настоящего времени не получил должного освещения в российской научной литературе.

В статье предпринята попытка анализа эволюции китайско-арабских отношений. В частности рассмотрены различные стадии китайско-арабского диалога, приводятся его характерные особенности. Представляется важным охарактеризовать факторы, повлиявшие на развитие отношений, показать динамику становления различных форматов взаимодействия сторон. При этом необходимо отметить, что каждый период, несомненно, имел свои предпосылки в предыдущем, а соответственно границы между ними нельзя считать жесткими.

В мировой исторической науке существуют различные концепции, касающиеся периодизации отношений КНР со странами Арабского Востока. При выработке периодизации представлялось необходимым учитывать взгляды, сложившиеся *на Западе*, где вопрос китайско-арабского взаимодействия уже давно является объектом пристального внимания со стороны политиков и научной общественности, *в Китае*, где он рассматривается, в том числе и на уровне государственного научного заказа, в работах ученых *с Ближнего Востока* (в том числе арабских) и многих других ис-

следователей¹. На основании анализа этих концепций и выделения новых факторов взаимодействия представляется обоснованным при рассмотрении процесса формирования отношений между КНР и арабскими странами, придерживаться следующей периодизации:

1) установление дипломатических отношений с первыми арабскими странами и укрепления связей в регионе (1956–1965),

2) нестабильные и переменчивые отношения в годы первого этапа «культурной революции». Начало перехода к более прагматичному курсу на втором и третьем этапах (1965–1978),

3) либерализация и деидеологизация отношения после провозглашения политики «реформ и открытости» (1978 г. – нач. 90-х),

4) отношения после распада СССР (с 90-х по 2002 г.),

5) этап ускоренного роста экономической составляющей в отношениях (2002–2012).

¹ См., напр.: Kuangyi Yao (бывший посол КНР в Турции, исследователь Китайского Института международных отношений). Development of China-Arab Relations and the Evolution of China's Middle East Policy in the New Era // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2007. Vol. 1. № 1. P. 3–5; Massoud Daher (Президент Китайско-ливанской Ассоциации дружбы и сотрудничества, профессор Сорбонны и Ливанского университета). China and the Middle East: Establishing a New Partnership // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). Vol. 3, № 1, 2009. P. 22; Pan Zhenqiang (Старший советник Комитета по реформам КНР и профессор Национального университета обороны Народно-освободительной армии Китая (НОАК) China and the Middle East // China's Growing Role in the Middle East: Implications for the Region and Beyond // Gulf Research Center (Dubai) and The Nixon Center. (Washington) // DC, 2010. P. 73–95; Walter Zander (Secretary of the British Friends of the Hebrew University). China and the Middle East // Jewish Chronicle, 24.02.1961; P. R. Kumaraswamy (Professor of Middle Eastern Studies at Jawaharlal Nehru University, New Delhi); Li Guofu (Директор Центра ближневосточных исследований Института международных отношений КНР) China in the Middle East // Доклад на конференции Fourth Dialogue on U.S. – China Relations in a Global Context. Вашингтон, 12.05.2009. http://www.gwu.edu/~sigur/assets/docs/us_china_dialogue_051209/4_Li_Guofu.pdf; Yitzhak Shichor (Professor of Political Science and Asian Studies at the University of Haifa and Michael William Lipson Chair Professor Emeritus at

Рассмотрим подробнее особенности данных периодов.

Во время Второй мировой войны для стратегического положения Китая чрезвычайно опасным представлялось возможное превращение Ближнего Востока в подконтрольный Германии регион, что могло бы привести и к усилению Японии¹. Подобный подход китайских политиков демонстрирует осознание ими геополитического значения Арабского Востока.

В послевоенное время (1949–1955), как и на протяжении всей своей истории, Китай неизменно позиционировал себя крайне амбициозно. Неудивительно, что после образования КНР сплочающей идеей стал курс на преодоление отсталости и превращение ее в мировую державу. С целью ускоренного развития и получения поддержки из вне были установлены партнерские отношения с СССР (подписание «Договора о дружбе, союзе и взаимопомощи» 1950 г.). Отметим, что для китайского руководства в это время было характерно классовое восприятие системы международных отношений и высокий уровень милитаризации правящих кругов². При этом не удивительны были представления КПК о войне, как неизбежной данности.

Следствием подобного подхода к международным отношениям явилось то, что с 1949 по 1955 гг. не только не было установлено официальных отношений ни с одной арабской страной, но и отказ КНР ответить на дипломатическое признание Израиля.

Позиция арабских стран в отношении КНР базировалась на резолюции, принятой ЛАГ в августе 1950 г. суть ее состояла в непризнании КНР. В 1950 г. ЛАГ голосовала за право Китайской республики (Тайваня), а не КНР быть признанной в качестве официально-го представителя китайского народа в ООН³.

С другой стороны складывались объективные предпосылки для развития отношений между КНР и странами Арабского Востока.

¹ Avishai Bar-Magen. Taking advantage of the waking dragon: post cold war Middle East-China relations // National Chengchi University (Тайбэй), 2011. С. 20.

² Белокреницкий В. Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. М.: Восточный университет, 2009. С. 175.

Так, усиление процессов деколонизации в этом регионе после окончания Второй мировой войны, условия межблоковой конфронтации и активизация политики СССР в арабском мире впоследствии, несомненно, сыграли свою позитивную роль на первом этапе, но лишь в установлении диалога с частью арабских стран. Отношения с последней страной – Саудовской Аравией были установлены только в начале 1990-х годов, совпав с распадом СССР, а соответственно и изменением общей системы мировой архитектоники.

На первом этапе (1955–1966) мы можем говорить о качественно новом содержании отношений. Отправной точкой стало участие КНР в Бандунгской конференции (1955 г.)¹. Во-первых, в ходе конференции КНР удалось резко изменить мнение участников (около 30% участвовавших стран были арабскими) в свою пользу благодаря провозглашению «пяти принципов мирного существования». Во-вторых, на конференции произошла первая встреча Мао Цзэдуна с Насером. Прямым следствием этого события стало установление дипломатических отношений с Египтом (1956 г.), затем и с Сирией (1956 г.), а также последовавший за этим ряд выгодных договоров, позволивших КНР упрочить свое присутствие в регионе².

Следующим важным шагом внешней политики КНР на Арабском Востоке стала поддержка, оказанная Египту в ходе Суэцкого кризиса (1956–1957). В итоге КНР стал вторым после СССР рынком египетского экспорта.

Вскоре после этого состоялся первый визит арабского лидера в КНР (1958 г.). Наследный принц Йемена Мухаммад Аль-Бадр достиг договоренности о предоставлении Йемену займа, отправке китайских специалистов. А также подписано «Соглашение о дружбе».

Китай выступил против введения американских войск в Ливан в июле 1958 г., против ввода английских войск в Иорданию (несмотря на то, что Иордания не признала КНР в 1957 г. после реше-

¹ Kuangyi Yao. Development of China-Arab Relations and the Evolution of China's Middle East Policy in the New Era// Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2007. Vol. 1. № 1. P. 3.

ния принятого Парламентом, а установила отношения с Республикой Китай) и признал Ирак, где после революции «14 июля 1958 г.» была провозглашена Иракская Республика, в свою очередь, получив ответное признание. Вскоре на фоне антикоммунистических настроений в Египте Ирак стал основным партнером КПК на Арабском Востоке, но лишь на время. В Ираке КНР вскоре объявили во вмешательстве во внутренние дела и поставках вооружения для т.н. «коммунистического переворота». По мере ухода премьер-министра Ирака Абдель Керима Касема от коммунистических настроений ослабевали и отношения с КНР¹.

Важные достижения активной политики КНР на Арабском Востоке этого периода были закреплены на Первой Конференции неприсоединения в Белграде (1961): «Те из стран, участвующих в конференции, которые признают правительство КНР, рекомендуют Генеральной Ассамблее (ООН. – М. П.) на ее предстоящей сессии признать представителей КНР единственно законными представителями этой страны в ООН»². Опираясь на эту резолюцию на заседании ЛАГ, состоявшемся 17 сентября 1961 г., было провозглашено: каждая страна решает вопрос о признании КНР самостоятельно³.

В свою очередь китайская сторона в лице Чжоу Эньлая (визит в Алжир) провозгласила «пять принципов отношений Китая с арабскими странами» (1963)⁴:

1. Китай поддерживает национальную независимость арабских стран и ведение борьбы против империализма, а также старых и новых колонизаторов.

2. Китай поддерживает политику нейтралитета и неприсоединения арабских стран.

3. Китай поддерживает единство арабских стран в выборе пути развития.

¹ Там же. С. 27.

² Декларация глав государств или правительств неприсоединившихся стран // Движение неприсоединения в документах и материалах. Под ред. Р. А. Тузмухамедова. М.: Восточная литература

4. Китай поддерживает способы, основанные на принципах мира и невмешательства во внутренние дела, выработанные арабскими странами для решения внутренних проблем.

5. Китай уважает свободу и нейтралитет арабских стран и придерживается политики невмешательства в их внутренние дела.

Таким образом, к 1966 г. КНР добились очевидного успеха в регионе. Был налажен активный диалог с такими ведущими странами, как: Египет, Сирия, Йемен, Ирак, Алжир и т.д. Изменилось мнение ЛАГ о признании КНР. Решение ЛАГ о том, что это вопрос решается каждой страной самостоятельно, явилось значительным достижением китайской дипломатии и создало возможность для ускоренного развития диалога с другими арабскими странами

Начало второго периода отношений с арабскими странами (1966–1978) знаменовал собой старт процессов «культурной революции» в Китае. Первая фаза «культурной революции» (1966–1969) с ее курсом «широкого единого антиимпериалистического фронта» (против СССР и США) негативно сказалась на китайской политике в отношении арабских стран. Из региона были отозваны все китайские послы, за исключением Хуан Хуа – посла в Египте. В политике преобладала крайняя идеологическая составляющая. Так в самом начале «культурной революции» КНР была признана Палестина (1966) и установлены отношения с Народной Демократической Республикой Южный Йемен (1967).

На втором этапе «культурной революции» (1969–1973) постепенное ослабление радикальных настроений и возобновившийся поиск внешнеполитических ресурсов для развития страны способствовал потеплению отношений с США и странами западного блока. В 1971 г. КНР была признана законным представителем китайского народа в ООН, были установлены дипломатические отношения с Кувейтом, Ливаном (1971), национальный Банк Китая открыл филиал в Бейруте. Этот банк стал центром китайского экономического сотрудничества с Арабским Востоком. КНР проявляет дружественную позицию в отношении создания Организации исламского сотрудничества.

на нормализацию отношений с Западом. Как следствие, в конце этого периода были установлены дипломатические отношения с Иорданией (1977), Ливией, Оманом (1978).

Таким образом, с 1966 по 1978 гг. китайская внешняя политика на Арабском Востоке следовала резко менявшемуся внутривнутриполитическому курсу от радикальных настроений первого этапа до курса на сближение с Западом. Аналогичными были и ее результаты. Если на первом этапе «Культурной революции» были заморожены дипломатические отношения со многим арабскими странами, то последующие два этапа следует считать весьма позитивными для развития отношений.

В ходе третьего этапа (1978–1990) в КНР был взят принципиально новый курс на построение социализма с китайской спецификой (3 пленум ЦК КПК 11 созыва). За этим последовала деидеологизация внешней политики и ее переориентация на обеспечение внутренних потребностей страны¹.

Роль Арабского Востока в системе внешнеполитических координат КНР возросла. В Китае начался резкий взлет арабистических исследований, возобновилась деятельность Китайской исламской ассоциации и совершение хаджа китайскими мусульманами.

Как результат подобного нового курса Китаем были установлены дипломатические отношения с ОАЭ (1984), Катаром (1988), Бахрейном (1989), СА (1990) способствовало этому, несомненно, и установление дипломатических отношений с США. КНР активизировала консультации со странами Арабского Востока в ООН, резко возросло количество визитов в арабские страны, Китай придерживался нейтралитета в ходе ирано-иракских войн с 1978 по 1990 гг., КНР осудила вторжение Израиля в Ливан (1982) и начала осуществлять поставки вооружений в арабские страны без учета идеологической составляющей.

стран и культуры, предоставление больших свобод китайским мусульманам). Начинается разработка одного из важнейших механизмов укрепления связей с арабскими странами – КНР демонстрирует уважительное отношение к исламским ценностям, предлагает строить сотрудничество в любых областях на основе «межцивилизационного взаимодействия». Этот курс призван продемонстрировать арабским странам преимущества отношений с КНР, в противоположность другим значимым мировым игрокам. Вспомним, например, вопросы, возникающие с отношением к исламским ценностям в Европе (вплоть до ограничения количества мечетей). Политика Пекина резко контрастирует с европейской.

С началом четвертого периода в первой половине 90-х гг. внешняя политика КНР приспосабливается к условиям, сложившимся после распада СССР, КНР присоединяется к ДНЯО (1992). Усовершенствование концептуальных основ китайской внешней политики происходит на фоне ряда крупных вооруженных конфликтов: вторжение Ирака в Кувейт, кризис в Югославии (1999), вторжение США в Афганистан (2001). На фоне этих событий начинается становление ряда важных китайских теорий, оказывающих влияние и на современном этапе: концепции многополярности по формуле «Одна сверхдержава – много крупных держав», теории «ответственной глобальной державы», концепции «мирного возвышения», КНР становится членом в ВТО (2001). Отношения КНР с арабскими странами развиваются позитивно: проходит первый китайско-арабского экономический форум (1996), в 1998 г. создается механизм постоянного многостороннего взаимодействия КНР с арабскими странами по линии КНР – ЛАГ (1998).

Пятый период отношений начался с 2002 г. с приходом к власти так называемых руководителей КНР «четвертого поколения» во главе с Ху Цзиньтао. В КНР совершенствуется модель, разработанная на предыдущем этапе

сталкивается с рядом серьезных испытаний, связанных с нестабильностью этого региона и соперничеством крупных мировых игроков за влияние в нем. Среди таких, событий, например, можно назвать вторжение США в Ирак, «арабскую весну» и т.д.

В течение первых двух лет с начала нового периода особенно заметных изменений в китайско-арабских отношениях заметно не было. В 2004 г. в ходе турне председателя КНР Ху Цзиньтао по странам Ближнего Востока (2004) произошел ряд существенных событий: 1) Провозглашение «Четырех принципов китайско-арабского партнерства нового типа» (2004); 2) Создание Форума китайско-арабского сотрудничества (2004); 3) Создание Совета КНР – ССАГПЗ. Итогом работы этих механизмов стал подъем китайско-арабского сотрудничества до уровня «отношений стратегического всестороннего сотрудничества и совместного развития» в 2010 г. Для этого этапа характерен резкий скачок экономических показателей. В соответствии с данными опубликованными Министерством Финансов КНР объем двусторонней торговли между КНР и арабскими странами составил 224 млрд. 400 млн. долл., то есть вырос в 12 раз по сравнению с уровнем 2001-2002 гг.¹, когда он составлял лишь 20 млрд. 200 млн. долл.² Китай стал вторым торговым партнером арабских стран еще в 2010 г.³, а арабские страны стали шестым по значимости торговым партнером КНР в 2012 г.

В итоге, на основании изложенной выше краткой периодизации отношений КНР со странами Арабского Востока представляется возможным сделать несколько обобщающих выводов:

Отношения между КНР и арабскими странами прошли длительный путь развития. **Трансформация внешнеполитического курса КНР** в отношении арабских государств во второй половине XX

блоковая конфронтация, распад СССР, глобализация и т.д.); б) *региональными* (национальное пробуждение арабских государств, «культурная революция» в КНР, «реформы открытости» в КНР «арабская весна», политизация ислама и т.д.).

Представляется целесообразным выделить **два формата сотрудничества**: двустороннее, многостороннее.

При рассмотрении двустороннего сотрудничества следует учитывать то, что регион Арабского Востока является весьма неоднородным. Прежде всего, упомянем такие значимые для нашего исследования характеристики, как: различное время становления арабских стран, широкое географическое протяжение, исторически сложившиеся отношения с крупными международными акторами, факторы экономического развития, распределение ресурсов, плотность населения, уровень стабильности внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. Соответственно из этой неоднородности происходит и различный уровень внешнеполитических интересов арабских стран в отношении КНР и КНР к ним.

При рассмотрении многостороннего сотрудничества следует выделить отношения КНР с арабскими странами в рамках международных организаций, а впоследствии и в рамках созданных КНР и арабскими странами совместных организаций. Одним из важнейших механизмов осуществления многостороннего взаимодействия между КНР и странами Арабского Востока является *развитие отношений по линии КНР – ЛАГ*. Другой важный вектор – *КНР – ОИС*. На их основе в 2000-е годы появились новые международные организации: Форум китайско-арабского сотрудничества (со сложной многоуровневой структурой), Совет сотрудничества КНР – ССАГПЗ.

Исходя из вышеизложенной хронологии китайско-арабских отношений, можно однозначно утверждать, что

Список источников и литературы

1. Белокреницкий В. Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. М.: Восточный университет, 2009. – 292 с.
2. Декларация глав государств или правительств неприсоединившихся стран // Движение неприсоединения в документах и материалах. Под ред. Р. А. Тузмухамедова. М.: Восточная литература, 1975. – 263 с.
3. Портяков В. Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. М.: ИДВ РАН. – 240 с.
4. Свешников А. А. Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности.
http://library.by/portalus/modules/politics/referat_readme.php?subaction=show_full&id=1141857334&archive=&start_from=&ucat=10&
5. Avishai Bar-Magen. Taking advantage of the waking dragon: post cold war Middle East-China relations // National Chengchi University (Тайбэй), 2011.
6. Kuangyi Yao Development of China-Arab Relations and the Evolution of China's Middle East Policy in the New Era// Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia). 2007. Vol. 1. № 1. С. 3–19.
7. Li Guofu China in the Middle East // Доклад на конференции IVth Dialogue on U.S.-China Relations in a Global Context. Вашингтон, 12 мая 2009 г. http://www.gwu.edu/~sigur/assets/docs/us_china_dialogue_051209/4_Li_Guofu.pdf
8. Daher, Massoud. China and the Middle East: Establishing a New Partnership // Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia

**К вопросу об истории изучения проблемы
экономической интеграции Турции и ЕС
в российской научной литературе**

Ключевые слова: Турция и ЕС, расширение Евросоюза на Восток, проблемы европейской интеграции

Прежде, чем перейти к рассмотрению вопроса об истории изучения проблемы развития экономической интеграции между Турцией и ЕС, следует кратко остановиться на основных вехах самого процесса сближения экономик двух сторон и его значении для экономического развития Турции и ее участия в мирохозяйственных связях.

Отношения ЕС и Турции, отсчет истории которых ведется с момента подписания в 1963 г. Протокола об ассоциированном членстве Турции тогда еще в ЕЭС, насчитывают свыше 50 лет.

Лишь в 1999 г. Турция получила статус страны-кандидата, причем при гораздо больших сомнениях со стороны стран-членов ЕС, чем многие страны Восточной Европы. Большинство из них уже получили статус члена, меж тем как с Турцией только в 2005 г. начались переговоры о вступлении. Их ход также отмечен возникновением сложностей и перерывов.

Столь напряженное состояние взаимоотношений сторон ставит на повестку дня вопрос о действительном их содержании, создавая почву для предположений о возможной предвзятости позиции ЕС в отношении Турции, в том числе в связи с тем, что последняя является срав

ции критериям ЕС. Осмысление результатов этого анализа является ключевым при определении реальных экономических перспектив Турции на полноправное членство. Подобный анализ важен и для выявления уровня развития, достигнутого экономикой Турции, и для понимания ее будущей роли в системе мирохозяйственных связей, в том числе, с Россией, для которой Турция – важный политический и экономический партнер.

Итак, поскольку проблема экономической интеграции Турции в Европейский Союз является, безусловно, актуальной, ее изучение в значительной мере привлекало и привлекает внимание отечественных специалистов-востоковедов и исследователей международных отношений.

Появление первых работ, в которых рассматривались проблемы экономических отношений Турции и стран ЕЭС, а также приводились прогнозы, касательно развития европейской интеграции Турецкой Республики, относится к середине 1960-х гг. Через несколько лет по мере активного развития двусторонних отношений проблема экономических связей Турции и ЕЭС (ЕС) получила освещение в большом числе публикаций. Между тем характерная черта практически всех появившихся исследований заключалась в том, что они были посвящены комплексному анализу отношений между Турцией и ЕС с акцентом на политические отношения сторон при более слабом внимании к анализу экономических составляющих сотрудничества (см. например, монографию Б. М. Поцхверии «Внешняя политика Турции после Второй Мировой войны» 1976 г.).

Первой работой, посвященной собственно

хода книги этапе. Однако по мнению В. В. Кунакова, главная задача представленных разработок все же заключалась в том, чтобы постараться ответить на ключевой вопрос: готова ли Турция к полноправному членству в Евросоюзе, и если нет, то какие факторы препятствуют интеграции. В книге автор стремился доказать, что в основе тупика на пути интеграции Турции в «Общий рынок», сформировавшегося в конце 1990-х гг., лежали именно экономические проблемы (автор отмечал не только разрыв в уровне развития, но и ограниченный экономический потенциал страны, прежде всего с точки зрения научно-технической и технологической базы производства) и социальные проблемы, тогда как выдвигавшиеся обычно на первый план политические барьеры (в том числе курдский и кипрский вопросы и напряженные отношения с Грецией), несмотря на их серьезность, имели все-таки второстепенный характер.

Вместе с этим В. В. Кунаков подчеркивал, что вопрос об интеграции Турции в Евросоюз является комплексным и многогранным, поэтому в необходимой, по мнению автора, мере он затронул и внеэкономические аспекты проблемы.

Также автор предпринял попытку оценить среднесрочные перспективы развития экономики Турции в случае реализации ее полноправного членства в Европейском Союзе и пришел к выводу, что хотя она и еще долго будет оставаться самым бедным государством среди стран ЕС-15, «в перспективе можно ожидать превращения Турции в экономического

ции Турции и ЕС. Как следует из названия работы, в ней анализируется весь комплекс двусторонних отношений, включая политические, идеологические, экономические, а также культурные и цивилизационные аспекты взаимодействия сторон.

Интерес представляет собой первый раздел Главы 1 исследования, где Ю. С. Кудряшова анализирует проблему сохранения государственного суверенитета в современных интеграционных процессах, носящих наднациональный характер применительно к практике взаимоотношений ЕС и Турции. Автор приходит к выводу о том, что хотя в турецкой литературе и довольно часто встречаются заявления о том, что Турция сможет присоединиться к ЕС, сохранив специфику своих общественных и государственных институтов, которые не соответствуют критериям, установленным Европейским Союзом, но являются частью ее национальной самобытности, страна в действительности будет обязана целиком и полностью принять и ввести в действие все законодательные и правовые нормы ЕС без каких бы то ни было исключений.

Кроме того, в монографии Ю. С. Кудряшовой рассматриваются многочисленные проблемы, возникшие как на национальном, так и на международном уровне, которые стоят на пути интеграции Турции в Европейский Союз. При этом автор справедливо выделяет культурно-религиозную специфику страны как один из важнейших факторов

Что касается непосредственно проблем экономической интеграции, в настоящей работе был рассмотрен лишь один ее аспект – вопрос торговых взаимоотношений Турции и ЕС.

Говоря об оценке вклада российских востоковедов в исследование проблем экономической интеграции Турции и ЕС необходимо отметить и работы таких авторов, как И. В. Ивахнюк и Н. Ю. Ульченко, а также Е. И. Уразовой, в которых также рассматриваются некоторые аспекты экономических отношений Турции и ЕС, например, финансовые, вопросы миграции рабочей силы.

Отдельно следует упомянуть работы Н. Г. Киреева и С. Н. Утургаури, посвященные интеграции турецкой диаспоры в западноевропейское общество.

Наконец, стоит отметить, что в последнее время данная тема изучается и молодыми специалистами. В частности, за последнее время было защищено несколько диссертаций, посвященных тому или иному аспекту экономических отношений Турции и ЕС. Так, например, интересна работа А. М. Кузнецовой «Регионально-экономические диспропорции в Турции в контексте вступления в ЕС», защищенная в 2011 г.

В данном исследовании оценивается уровень регионально-экономических диспропорций в Турции, его динамика, а также

ленный уровень разработки в отечественной науке. Однако учитывая, что экономическая интеграция Турции и ЕС представляет собой сложный процесс (она предполагает не только соответствие ограниченного набора макроэкономических показателей заданному уровню, но и длительную процедуру институциональной модернизации, включающую как изменение характера действия существующих институтов, так и организацию новых, пересмотр и создание значительной по объему новой правовой базы функционирования экономики и экономических институтов), большой массив ее конкретных направлений по-прежнему остается неосвещенным, а значит, отечественным исследователям еще предстоит дать ответ на главный вопрос: готова ли Турция экономически к членству в Евросоюзе?

Список литературы

1. Кудряшова Ю. С. Турция и Европейский Союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М., 2010.
2. Кузнецова А. М. Регионально-э

III. МЕТОДОЛОГИЯ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Т. Г. Корнеева

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛА ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

Ключевые слова: востоковедные исследования; межкультурное различие; универсализм; постколониализм; цивилизационный подход; логико-смысловой подход

Работа ученого-восто

множество значений и смысловых оттенков, а попросить у автора текста разъяснений невозможно. Для создания грамотного перевода, успешно передающего смысл изучаемого текста, требуется хорошо разбираться в культуре, к которой принадлежит текст (в лице его автора), ориентироваться в направлениях мысли эпохи его создания, а главное – осознавать разницу между культурой и эпохой переводчика и культурой и эпохой автора текста, чтобы не допустить «переноса» современных реалий, что может исказить смысл. Но есть ли разница между культурами? А если есть, то насколько она принципиальна? Стоит ли ее учитывать при переводе или достаточно знать язык? Чтобы дать ответ на эти вопросы давайте посмотрим на существующие востоковедные подходы.

талась в Каире. В 1951 году Эдвард Саид отправляется на учебу в США, заканчивает бакалавриат в Принстоне и получает степень доктора в Гар

